DK
851
.G23

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class DK855.4

Book .G16
1867

YUDIN COLLECTION

Отъ автора
5 февр. 67.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ
МАТЕРІАЛЫ
ПО
СРЕДНЕЙ АЗІИ И ОРЕНБУРГСКОМУ КРАЮ.

М. Н. ГАЛКИНА,

Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

(Записки И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр. 1867.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1867.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ
МАТЕРІАЛЫ
ПО СРЕДНЕЙ АЗІИ
И
ОРЕНБУРГСКОМУ КРАЮ.

GALKIN, M N
ÉTNOGRAFICHESKIE MATE-
RIALY...

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

МАТЕРІАЛЫ

по

СРЕДНЕЙ АЗІИ И ОРЕНБУРГСКОМУ КРАЮ,

М. Н. ГАЛКИНА,

Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

(Записки И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр. 1867.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Куколь-Яснопольскаго,
на углу Малой Мѣщанской и Столярнаго переулка.
1867.

DK851
G23

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О Туркменахъ восточнаго прибрежья Каспійскаго моря *).

Предлагаемыя свѣдѣнія основаны на личномъ обозрѣніи лѣтомъ 1859 г. нѣкоторыхъ мѣстностей, занимаемыхъ Туркменами, и преимущественно на распросахъ туземцевъ.

Руководствомъ при подобныхъ распросахъ, служили какъ прежде извѣстныя о народѣ свѣдѣнія по печатнымъ сочиненіямъ, такъ и извлеченныя изъ переписокъ и архивныхъ дѣлъ Оренбургскаго края.

Эти же свѣдѣнія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми данными, полученными въ Астрабадскомъ нашемъ консульствѣ, служили къ составленію историческаго обозрѣнія отношеній Туркменъ къ сосѣднимъ народамъ.

Настоящія свѣдѣнія изложены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Очертаніе земель, занимаемыхъ Туркменами; 2) Общая характеристика послѣднихъ, происхожденіе ихъ и дѣленіе на роды; 3) Расположеніе Туркменскихъ кочевокъ и числительность народа; 4) Взаимныя отношенія Туркменъ и отношенія ихъ къ сосѣднимъ государствамъ: Россіи, Хивѣ и Персіи и 5) Мѣстное управленіе, занятія и торговля.

---

*) Было читано, въ засѣданіи И. Русск. Геогр. Общ., 12 Апрѣля 1860 года. Затѣмъ, въ извлеченіи, было сообщено авторомъ Парижскому Географическому Обществу, въ засѣданіи 20 Ноября 1863 года, и помѣщено въ Бюллетенѣ сего общества, подъ заглавіемъ: Notice sur les Turcomans de la côte orientale de la mer Caspienne. (Juillet 1864).

Топографическія данныя, основанныя на съёмкахъ и распросахъ, не имѣютъ здѣсь мѣста. Вообще, при составленіи предлагаемаго обзора, имѣлись преимущественно въ виду историческія, этнографическія и статистическія свѣдѣнія, на сколько доступны и возможны они въ отношеніе Туркменъ.

Топографія страны, какъ было сказано, не составляетъ предмета этой статьи. Тѣмъ не менѣе, говоря о народѣ, трудно обойти совершеннымъ молчаніемъ земли, занимаемыя имъ. Почему и здѣсь, прежде всего, предстоитъ сообщить, хотя въ общихъ словахъ, обозрѣніе Туркменскихъ степей, идущихъ далеко на востокъ отъ Каспійскаго моря.

Это послѣднее служитъ единственной, опредѣлительной границей Туркменскихъ владѣній. Будучи народомъ кочевымъ, переходя съ мѣста на мѣсто, соприкасаясь съ народами, одинаково кочевыми, и перемѣшиваясь съ ихъ кочевьями,—Туркмены обусловливаютъ, согласно тому, предѣлы своихъ земель лишь крайними своими кочевьями. Такимъ образомъ, точное указаніе границъ съ остальныхъ 3-хъ сторонъ, особенно съ сѣверной и юго-восточной, весьма затруднительно. Вообще же принято считать за границы: съ сѣвера полуостровъ Мангышлакъ, съ прилегающими къ нему степями Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства, съ востока Аму-Дарью, съ Хивинскими и Бухарскими владѣніями, и съ юга Альбурзкія горы, съ Черною рѣчкою, впадающею въ Каспійское море и отдѣляющею Туркменію отъ Астрабадской области Персіи.

Таковы границы. Что же сказать о пространствѣ, окаймляемомъ ими? Если судить по личному впечатлѣнію, то оно было одинаково безотрадно вдоль всего Туркменскаго прибрежья. Сначала отъ Тюкъ-Карагана идутъ не высокія, голыя, обрывистыя скалы, теряющіяся въ пустынныхъ пескахъ у Кара-Бугаза. Потомъ возникаютъ подобныя же горы у Красноводскаго залива. Это послѣдніе отроги горъ Балханскихъ. Они идутъ отъ нихъ изъ глуби степи и тонутъ въ водахъ залива. По формѣ своей они нѣсколько разнообразнѣе Тюкъ-Караганскихъ возвышенностей, но столь же голы и безплодны. Ихъ смѣняетъ низкій, отлогій, совершенно ровный берегъ, неизмѣнно тянущійся до Пер-

сидскихъ границъ. Встрѣчные бугры: Зеленый, Бѣлый и Серебряный слишкомъ незначительны и не измѣняютъ общаго однообразія. На всемъ этомъ пространствѣ природа производитъ только гребенщикъ, нѣкоторыя травы, употребляемыя верблюдами и рѣдко гдѣ аксяляу (родъ оржаника). Воздѣланная почва даетъ одни арбузы, дыни и кое-какіе коренья. Хлѣбопашество возможно лишь по берегамъ Атрека и Гюргени, благодаря искусственному орошенію почвы; вообще же оно весьма незначительно, и такъ какъ начинается на довольно большомъ разстояніи отъ устьевъ, то и здѣсь встрѣчаешь вдоль берега одинаковую дикость природы; къ тому же камышъ почти запружаетъ устья рѣкъ, и внизъ отъ нихъ, почти сплошь, окаймляетъ берегъ до самой Персидской границы. Но за то какую противоположность представляетъ послѣдняя богатствомъ природы своей, со столь непривольными Туркменскими степями. Одинъ ужъ Альбурзскій хребетъ, съ вѣчной зеленью лѣсовъ, и эти обильныя пажити и пашни, которыя находишь въ Астрабадской области, поражаютъ путника, лишь переступитъ онъ черезъ пограничную Черную рѣчку. Но не акъ думаютъ Туркмены. Не разъ и ни отъ одного слышалъ я, какъ восхваляли они преимущества своей голой степи передъ лѣсами и горами Астрабадскими. Имъ и дышется привольнѣе въ степи, и манитъ она ихъ своей безпредѣльностью, отсутствіемъ всякихъ преградъ: бѣги, скачи куда хочешь, ничто не остановитъ быстраго бѣга коней. Таковъ взглядъ Туркменъ на свою отчизну и таковы вообще мѣста вдоль восточнаго Каспійскаго прибрежья.

Чѣмъ далѣе въ глубь, степь дѣлается еще безплоднѣе, и по срединѣ, согласно показанію Туркменъ, не представляетъ даже возможности къ лѣтнему кочеванію; только нѣкоторыя бѣдныя семейства перекочевываютъ туда, съ наступленіемъ холодовъ, но на самое короткое время, для пастьбы немногочисленныхъ своихъ стадъ; вообще же Туркмены сосредоточиваются на границахъ, по окраинѣ, такъ-сказать, своей степи. Въ этомъ случаѣ, только, старое ложе Аму-Дарья служитъ исключеніемъ: вдоль него, кочуютъ и лѣтомъ и зимой нѣкоторые аулы. Здѣсь будетъ кстати замѣтить, по поводу извѣстныхъ предположеній о прежнемъ теченіи Аму въ Каспій, что, по показаніямъ Туркменъ, по всему предполагаемому

старому руслу рѣки отъ Балханскаго залива до плотины, устроенной у Хивинскаго города Куня-Ургенча, есть вездѣ, на разстояніи переходовъ, прѣсная вода, и что въ половодье Аму, или когда прорывается означенная плотина, воды ея протекаютъ по означенному руслу, на разстояніи верстъ 150, до озера Сары-Камышъ, представляющаго видъ обширнаго разлива.

Туркменскій народъ, населяющій указанныя мѣста, чуждъ всякаго образованія и нераздѣльныхъ съ нимъ понятій о чести, благородствѣ и уваженіи къ праву и посторонней собственности. Не имѣя также убѣжденій религіозныхъ, онъ основываетъ все на удальствѣ и грабежѣ, къ чему побуждается еще крайнею бѣдностью большинства. Наиболѣе отважный изъ Туркменъ пользуется и уваженіемъ и вліяніемъ; власти же вообще Туркмены не признаютъ, и не по принципу, конечно, но по невозможности ея при совершенномъ отсутствіи единодушія и томъ разъединеніи, которыя вкоренились между Туркменскими племенами. Чтобъ возбудить первое и уничтожить послѣднее, необходима благоразумная, твердая воля, дѣйствующая съ извѣстной, опредѣленной цѣлью, а этого нельзя ожидать ни отъ одного самаго умнаго и хитраго Туркменина.

Все образованіе Туркменъ ограничивается начальными правилами религіи. Объ исторіи своей они и не думаютъ, и всѣ сказанія древности и разныя преданія, общія всѣмъ народамъ, для нихъ какъ будто и не существуютъ. А потому излишне было бы ожидать, чтобъ они могли пополнить и разъяснить сохранившіяся о нихъ въ исторіи данныя. Все еще, что можно отъ нихъ требовать, на ряду подобныхъ познаній, это перечень различныхъ Туркменскихъ поколѣній, съ ихъ подраздѣленіями; но и перечень этотъ, служащій за генеалогическую таблицу, не возводятъ Туркмены выше основателей существующихъ главнѣйшихъ Туркменскихъ родовъ, да и по поводу сихъ лицъ теряются они въ различныхъ показаніяхъ:— такъ подраздѣляя себя на 13 поколѣній: 1) Ессенъ-Или, 2) Гокланъ, 3) Теке, 4) Ямудъ, 5) Ерсары, 6) Салоръ, 7) Саррыкъ, 8) Сакаръ, 9) Уи, 10) Аймакъ, 11) Кара-Дашли, 12) Аль-Или и 13) Амръ-Или, — нѣкоторые изъ наиболѣе свѣдущихъ Туркменъ показывали, что основателемъ всѣхъ этихъ поколѣній былъ нѣкто

Сеюнъ-ханъ, имѣвшій 13 сыновей, давшихъ имена означеннымъ родамъ и что имя этого хана служитъ и до сихъ поръ военнымъ крикомъ Ураномъ—въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ роды соединяются, для отраженія чужеземнаго общаго имъ всѣмъ непріятеля; также какъ при междоусобныхъ браняхъ служатъ Ураномъ названія самыхъ поколѣній и даже ихъ мельчайшихъ подраздѣленій. Другіе, напротивъ, говорили, что Туркмены происходятъ отъ Узъ-хана, имѣвшаго двухъ означенныхъ сыновей, Есселя и Сеюнъ-хана, что отъ перваго изъ нихъ произошли Гокланы съ другими Ессеневскими подотдѣленіями, о которыхъ будетъ говорено ниже; а отъ втораго всѣ остальныя 11 поколѣній. Изъ послѣдняго показанія выходитъ, что Гокланы и нѣкоторыя еще другія Ессеневскія дѣленія получили свои названія отъ родныхъ братьевъ, дѣтей Есселя; между тѣмъ были показанія, которыя, напротивъ, утверждали, что Гокланы не происходятъ отъ Есселя, а находятся съ нимъ въ двоюродномъ родствѣ; со всѣми же другими — въ болѣе отдаленномъ. Таковы различныя показанія, одинаково распространенныя между Туркменами.

Что касается до послѣдующаго родословія означенныхъ 13-ти родовъ, то, по тому же встрѣченному мною затрудненію въ соглашеніи разнородныхъ показаній, я не рѣшаюсь привести здѣсь родословія всѣхъ 13-ти родовъ, а ограничусь лишь свѣдѣніями, болѣе провѣренными, о родословіи 6-ти изъ нихъ:

А) Ессенъ-Или имѣлъ двухъ сыновей Игдыра и Чаудура и трехъ пріемныхъ: г) Абдаллу, і) Бурунчука и д) Бузачи. — Всѣ они дали начало отдѣльнымъ родамъ, носящимъ ихъ названія и подраздѣляющимся, въ свою очередь, на другія подраздѣленія:

А. Игдыръ имѣетъ таковыхъ 2: Кумлы и Кулъ-Даглы. Послѣднее дѣлится опять на 2: Кара и Сары. Отъ Сары произошли: Бектемиръ, Удомишъ, Гечи-Кюзъ, Чака и Акъ-Билекъ. Бектемиръ далъ начало Адаку, Ярыму, Тархану и Абдуллѣ. Отъ Адака пошли Удёкъ и Чаканъ, а отъ Ярыма Акъ-Ярымъ и Кара-Ярымъ. Къ Удёку и Чакану присоединились, по малочисленности, изъ означенныхъ Бектемировыхъ — къ первому Абдулла, а ко второму Тарханъ. Отъ Чакана идутъ Марка-Чаканъ и Курфе-Чаканъ. Дальнѣйшее же родословіе Удёка слѣдующее: Анна-Се-

идъ, Миришъ. Сары и Куся. У Анна-Сеида было три сына: Багъ-Бекъ, Кушъ-Ніязъ и Удö-Ніязъ. Отъ втораго изъ нихъ произошелъ Ханъ-Кулы, и отъ него нынѣшній старшина Удöковцевъ — Мамедъ-Сафа. Наконецъ семья Мириша раздѣлилась на: Дейрикъ, Ходжа-Кулы и Халлага.

б) Чоудуръ дѣлится на Калымъ и Учакъ-Онъ. Первый подраздѣляется на Хамай, Миреке, Милешъ, Хадыръ-Казакъ, Джучуль-Дукъ и Аладжа-Башъ; а 2-й на Дашкы, Егренни, Сараръ, Сефи, Сеидъ, Сукы и Хэмъ.

в) Абдалла имѣетъ 4 подраздѣленія: Дэли, Курбанъ, Угры и Менглы-Ходжа. Всѣ онѣ дѣлятся въ свою очередь: Дэли па Гöктей, Карлаукъ и Исламъ; Курбанъ на Оганышъ, Кызляръ-Гёнекъ, Чекаръ-Бай и Чалбаръ; Угры на Кугушъ, Мурадекъ. Алынъ и Дуйлатъ; Менглы-Ходжа на Токмакъ, Акъ-Дуглатъ, Каринчикъ и Юсупъ.

Б. Гокланы. Всѣ распросы объ этомъ племени, въ отношеніе дальнѣйшихъ подраздѣленій его, привели къ двумъ показаніямъ, нѣсколько разнствующимъ между собою. Во 1-хъ, что они дѣлятся на 7 родовъ: Кой, Баятъ, Кыррыкъ, Кара-Балканъ, Боендиръ, Янгакъ и Сенгрикъ; во 2-хъ на 8-мъ: Бокгача, Кыррыкъ, Кара-Балканъ, Кета, Сенгрикъ, Кызылъ, Янгакъ и Боендиръ. Въ первомъ показаніи есть Кой и Баятъ, въ замѣнъ которыхъ во второмъ приведены Бокгача, Кета и Кызылъ. Оба эти показанія отличаются также отъ сообщаемаго барономъ Боде въ его очеркахъ Туркменской земли и юго-восточнаго прибрежья Каспійскаго моря *). Онъ дѣлитъ Гоклановъ на 9 тире (отдѣленій), въ числѣ которыхъ находятся изъ вышеупомянутыхъ Кой, Кыррыкъ (Керрихъ), Кара-Балканъ, Боендиръ (Боиндеръ), Янгакъ и Сенгрикъ (Сапкрикъ), и сверхъ того три не встрѣчаемыхъ въ прежнихъ показаніяхъ, именно: Чекеръ-Бегдели, Аркекли и Ай-Дервишъ. Этимъ послѣднимъ свѣдѣніямъ остается, безъ сомнѣнія, дать бóльшее вѣроятіе, такъ какъ баронъ Боде провелъ нѣкоторое время между Гокланами и имѣлъ возможность собрать свѣдѣнія и повѣрить ихъ на мѣстѣ, тогда какъ я, не встрѣтивъ ни одного Гоклана, долженъ

*) Стр. 92.

былъ ограничиться расспросами объ этомъ родѣ у Туркменъ другихъ родовъ, именно: Ессенъ-Или, Ямудъ, Теке и Ерсары.

Изъ мельчайшихъ подраздѣленій Гокланова рода извѣстны мнѣ таковыя Янгака и Сенгрика. 1-е дѣлится на собственно Янгакъ и Кюты; а 2-е на Ахъ-Шуръ, Кара-Шуръ и Кушчей.

В. Теке дѣлится на два главныхъ отдѣленія: Утомишъ и Токмамышъ. Первое Утомишъ подраздѣляется, въ свою очередь, на Сычмазъ и Дашъ-Аякъ. Отъ Сычмаза происходятъ: 1) Акъ-Суфи, 2) Ходжа-Суфи, 3) Арабъ, 4) Кызылъ-Гюзъ, 5) Кыръ, 6) Богаджа, 7) Перренъ, 8) Кара-Ахмадъ, 9) Букуръ-Дагъ, 10) Кышакъ, 11) Асыкъ, 12) Шефиль, 13) Тюмень, 14) Аладжа, 15) Кюрь, 16) Сагры, 17) Кель, 18) Мюлькаманъ, 19) Верляръ, 20) Кюмси и 21) Серкеляръ. Отъ Дашъ-Аяка: 1) Багшы, 2) Салахлы, 3) Миришъ, 4) Челтекъ, 5) Шу, 6) Кариндчикъ, 7) Минча, 8) Метерь, 9) Курджи, 10) Бурказъ, 11) Султанъ-Азизъ, 12) Туфазъ, 13) Акташъ-Аякъ, 14) Карадашъ-Аякъ и 15) Япланъ. Затѣмъ второе отдѣленіе Теке-Токтамышъ раздробляется на 64 части: 1) Бекъ, 2) Векилъ, 3) Алаша, 4) Кюкча, 5) Харъ, 6) Кунгуръ, 7) Акъ-Кунгуръ, 8) Кара-Кунгуръ, 9) Акъ-Кюкча, 10) Кара-Кюкча, 11) Еръ-Кюкча, 12) Угланларъ, 13) Шейхларъ, 14) Канджыкъ, 15) Юсупъ, 16) Кагшалъ, 17) Бюкри, 18) Кара, 19) Халиль, 20) Харинъ, 21) Ярыкъ, 22) Караджа, 23) Акъ-Юсупъ, 24) Кара-Юсупъ, 25) Тельки, 26) Кара-Юрьме, 27) Дэли, 28) Кефель, 29) Кюрь, 30) Тенгъ, 31) Туклы, 32) Фаръ, 33) Кара-Дамакъ, 34) Чалъ, 35) Асакъ, 36) Уразъ-Мамедъ, 37) Катыларъ, 38) Келясенъ, 39) Аимъ, 40) Багшы, 41) Дукча-Ага, 42) Чалтазъ, 43) Кюфекляръ, 44) Керляръ, 45) Чарыкляръ, 46) Кюселяръ, 47) Мергекляръ, 48) Байсуфи, 49) Гяръ-Учмекъ, 50) Бегляръ, 51) Даналаръ, 52) Ходжикъ, 53) Тершеляръ, 54) Уфакъ, 55) Дюлхляръ, 56) Тугалакъ, 57) Чапланъ, 58) Джугулдукъ, 59) Девляръ, 60) Арланларъ, 61) Тюраларъ, 62) Мукарребъ, 63) Губяляръ и 64) Чалфарляръ.

Г. Ямудъ дѣлится на четыре главныхъ отдѣла: Чуки, Шеребъ, Кучакъ-Татаръ и Байрамъ-Шали, которые, въ свою редь, подраздѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) Чуни:
1) Акъ:
2) Атабай.
3) Дазъ.
4) Батракъ.
5) Машрыкъ.
6) Канъ-Іокмазъ.
7) Икдиръ.
8) Кучакъ.
9) Эймиръ.
10) Кангирме.

б) Шеребъ:
1) Джафарбай:
2) Бага.
3) Елгай.
4) Дюяджи.
5) Каррауй.

в) Кучакъ-Татаръ:
1) Данрыкъ.
2) Хейведи.
3) Кяке.
4) Керрыкъ.
5) Акъ-Кыррынъ.
6) Кызылъ.
7) Куруме.
8) Мегреме.

г) Байрамъ-Шали:
1) Салокъ.
2) Ушакъ.
3) Укузъ.
4) Урусъ-Кушчы.
5) Кара-Ходжа.
6) Джю-Неидъ.

Изъ отдѣленій Чуни и Шереба, нѣкоторыя имѣютъ еще и свои подраздѣленія, именно: Акъ дѣлится на Саръ-Джали и Гокъ-Джали; Атабай на Дюинчи, Сагне, Соки и Танà; Каррауй на Беглеке, Кулакъ, Ельма и Япанъ; наконецъ Джафарбай дѣлится, въ свою очередь, на 2 главныхъ отдѣленія: Яръ-Али и Нуръ-Али, и каждое изъ этихъ послѣднихъ имѣетъ по 5 дѣленій, называемыхъ Онлуками, именно:

а) Яръ-Али:
1) Ири-Тумаджъ.
2) Унычъ-Тумаджъ.
3) Кызылъ и Саккалы.
4) Арыкъ, Кусели и Кель.
5) Чуккянъ и Burказъ.

б) Нуръ-Али:
1) Ессенъ-Кулы-Кюръ и Кюртъ.
2) Кызылы-Кюрь (Турашлы-Кюрь).
3) Кельте и Караджа.
4) Кариндживъ.
5) Пангъ и Кютекъ.

Изъ этихъ дѣленій Ессень-Кулы-Кюрь и Кызыры-Кюрь подраздѣляются еще на мельчайшія: 1-е на восемь, а 2-е на четыре.

Къ Джафарбаевскимъ дѣленіямъ сопричисляется еще особый родъ

Огурджалы, который, подраздѣляясь на 4 вѣтви, составляетъ 2 Онлука: 1) Геряй и Недимъ, 2) Терекме и Семядинъ.

Ямуды считаютъ Огурджалинцевъ пришельцами; дальнѣйшія же сказанія объ ихъ происхожденіи, и откуда взяли они настоящее свое названіе, крайне сбивчивы.

Приведенное названіе онлукъ значитъ собственно десятокъ; но, по отношенію этого названія къ роду Джафарбай и присвоенію его каждому изъ 10-ти родовыхъ подотдѣленій, не подраздѣляющихся на 10-ть мельчайшихъ,—слѣдуетъ, кажется, понимать слово «онлукъ» въ смыслѣ $^{1}/_{10}$, т. е. десятой части рода Джафарбай. Дѣленіе же на онлуки Огурджалинцевъ, не объясняемое смысломъ названія, произошло, вѣроятно, безсознательно, по одному лишь примѣру подобнаго дѣленія Джафарбаевъ, къ которымъ они сопричисляются; а подраздѣленіе ихъ на два онлука имѣетъ, безъ сомнѣнія, въ основаніи или сравнительно равную численность съ Джафарбаевскими онлуками, или то, что Геряй и Недимъ состоятъ въ родствѣ, а Терекме и Семядинъ считаются, въ отношеніи къ первымъ, пріемными, набранными.

Пріемными же, или добавочными собственно, какъ называютъ Туркмены, — что̀ указываетъ, какъ будто на уравненіе онлуковъ, — считаются, въ свою очередь, въ онлукахъ Яръ-Али: Саккалы, Кюсели, Кель и Бурказъ; а въ Нуръ-Алинскихъ: Кюртъ, Караджа и Кютекъ.

Сами Туркмены не объясняютъ ни собственнаго значенія названія «онлукъ», ни понятія, сопряженнаго съ раздѣленіемъ на онлуки Джафарбаевъ, у которыхъ оно существуетъ.

Не произошло ли оно отъ обложенія Джафарбаевъ въ прежнія времена податью, подобно тому, какъ теперь собираютъ Персіяне пошлину съ Гоклановъ, не по кибиточно и не со скота, а по отдѣленіямъ, съ каждаго по опредѣленной суммѣ, что̀ предупреждаетъ уменьшеніе сбора, вслѣдствіе откочевокъ.

Д. Ерсары имѣютъ 4 вѣтви: Укъ, Алачъ, Кара и Букеуль. Отъ Ука происходятъ: 1) Инеръ-Башъ, 2) Агыръ-Башъ, 3) Акъ, 4) Агыръ, 5) Девлетша-Кукюмъ, 6) Сагыръ, 7) Куюнли, 8) Кызылъ-Аякъ, 9) Дэнъ-Аджи, 10) Качиръ и 11) Бакыръ. Отъ остальныхъ же трехъ происходятъ, между прочимъ, отъ Алача: 1) Кара-Тюпе

и 2) Чекикъ; отъ Кара: 1) Эрекъ и 2) Чупъ-Башъ; отъ Букеуль: 1) Кыръ и 2) Гяръ.

Е. Саррыкъ дѣлится: 1) Биръ-Ашъ, 2) Баданенъ, 3) Алача, 4) Барзаки, 5) Кызылъ-Маратъ, 6) Доячи, 7) Кача-Али, 8) Сахты и 9) Канли-Башъ.

Среди всѣхъ означенныхъ Туркменскихъ родовъ съ ихъ подотдѣленіями разсѣяны еще четыре совершенно отдѣльные отъ нихъ, производящіе себя отъ первыхъ четырехъ калифовъ: Ходжа, Ата, Шейхъ (Шихъ) и Махтумъ.

Всѣ означенные Туркменскіе роды живутъ преимущественно отдѣльно другъ отъ друга, занимая опредѣленныя зимнія и лѣтнія кочевья. Такъ Ямуды, отдѣленій Кучакъ-Татаръ и Байрамъ-Шали, кочуютъ по восточной границѣ степи, у южныхъ предѣловъ Айбугира, въ окрестностяхъ Хивинскаго г. Куня-Ургенча и вообще по всему протяженію рукава Лаудана. Въ окрестностяхъ Хивинскихъ же городовъ Ильялы, Ташауса, Порсу и Казавата и также на самой Аму-Дарьѣ, у городовъ Ходжейли и Кипчака, располагаются большинство Игдырцевъ, Чоудурцевъ и Абдальцевъ, всѣ принадлежащіе къ остальнымъ отдѣленіямъ Ессенъ-Или къ Бузачи и Бурунчуку и въ незначительномъ числѣ Гокланы, Ерсары и Кара-Дашли. Здѣсь Туркменскія владѣнія имѣютъ видъ черезполоснаго пользованія совмѣстно съ Сартами, Узбеками и другими осѣдлыми и кочевыми племенами Хивинскаго ханства.

Подвигаясь на югъ, встрѣчаешь первоначально Ерсаринцевъ и Сахарцевъ, располагающихся по обоимъ берегамъ Аму; затѣмъ въ направленіи къ Мерву, по верховьямъ р. Мургаба, находимъ Саррыковцевъ. Южнѣе же Мерва, въ Серахсѣ и окрестностяхъ располагаются Салорцы, и тутъ же, нѣсколько повосточнѣе, находишь Туркменъ родовъ Уп. Аймака, Кара-Дашли, Алъ-Или и Амръ-Или. Всѣ эти кочевья довольно значительны, но за то и разбросаны онѣ на большомъ разстояніи. Только въ болѣе опредѣленныхъ предѣлахъ Туркменскихъ степей, вдоль Персидской границы, по сѣвернымъ покатостямъ Альбурзскаго хребта, заселенія Туркменъ представляютъ характеръ болѣе учащенный, имѣющій даже видъ цѣлой укрѣпленной линіи. Я разумѣю многочисленныя кочевья Туркменъ-Теке. Каждый ручей или горная рѣчка, низпадающая съ Альбурз-

скихъ горъ, служитъ притономъ для ихъ ауловъ, которые, сверхъ того, на случай защиты, имѣютъ въ горахъ по крѣпостцѣ. Такихъ крѣпостицъ насчитывается до 47-ми. Названія ихъ слѣдующія: 1) Кызылъ-Арбадъ. 2) Кучъ-Ата, 3) Зау, 4) Дженги, 5) Баши, 6) Бюрме, 7) Арчманъ, 8) Сюнча, 9) Мурджа, 10) Бегрезень, 11) Дуранъ, 12) Караганъ, 13) Акъ-Тюпе, 14) Мегинъ, 15) Ядржи, 16) Кяризь, 17) Келеть, 18) Яны-Кала, 19) Акъ-Кала, 20) Гюкъ-Тюпе, 21) Урта-Яйла, 22) Кюмятъ-Яйла, 23) Эзгантъ, 24) Хурмендъ, 25) Шуръ-Кала, 26) Келячара, 27) Баба-Арабъ, 28) Акташъ-Аякъ, 29) Карадашъ-Аякъ, 30) Салаклы, 31) Багшы, 32) Келекъ, 33) Гюрекъ, 34) Кипчакъ, 35) Кюгча, 36) Багыръ, 37) Куши, 38) Ишкабадъ, 39) Каджакъ, 40) Ану, 41) Гевярдъ, 42) Нухуръ, 43) Багла, 44) Нуси, 45) Мерве, 46) Неве и 48) Фарисъ.

На югозападъ отъ Теке, отъ самыхъ верховьевъ Гюргени до средняго примѣрно теченія ея, — до минарета Гумбедикауса, — живутъ Гокланы; а еще западнѣе этой башни, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, начинаются кочевья Ямудовъ, какъ по правую и лѣвую сторонамъ Гюргени, до береговъ Кара-Су, такъ и паралельно по р. Атреку, и затѣмъ, вдоль всего морскаго прибрежья до Кара-Бугазскаго пролива, — откуда, далѣе на сѣверъ, идутъ незначительныя кочевья Чоудуровъ, Игдыровъ и Абдалловъ. По Гюргени располагаются сначала Ямуды отдѣленія Кучакъ-Татаръ, потомъ идутъ Байрамъ-Шалинцы и наконецъ разныя подотдѣленія Чуни и Шереба, безъ всякой послѣдовательности, оканчиваясь къ морю кочевьями Джафарбаевъ, которые и занимаютъ преимущественно все указанное пространство, вдоль морскаго берега. Главнѣйшіе аулы ихъ на этомъ протяженіи суть слѣдующіе:

1) Кара-Сингерскій лежитъ почти насупротивъ занятаго нами остр. Ашуръ-Аде (у входа въ Астрабадскій заливъ), въ 4-хъ верстахъ отъ берега; въ немъ до 300 кибитокъ.

2) Серебряно-бугорскій или Гюмишъ-Тюпе, расположенъ при устьѣ Гюргени, въ немъ собирается до 500 кибитокъ, которые, на время лѣтнихъ жаровъ и бывающихъ въ это время лихорадокъ, откочевываютъ въ лежащіе сѣвернѣе—Гассанъ-Кулинскій и всего чаще въ Чикишлярскій аулы, гдѣ климатъ считается здоровѣе; а осенью,

къ зимѣ, и изъ этихъ ауловъ уходятъ болѣе зажиточные Туркмены гораздо сѣвернѣе, ближе къ Балханамъ.

3) Гассанъ-Кулинскій лежитъ на берегу образуемаго р. Атрекомъ залива Гассанъ-Кули. Кибитокъ здѣсь до 300.

4) Атрекскій расположенъ выше устьевъ рѣки, но по берегамъ же ея, верстахъ въ 20-ти отъ устья, имѣетъ болѣе 300 кибитокъ.

5) Чикишлярскій *) расположенъ у самаго моря верстахъ въ 15-ти сѣвернѣе отъ предъидущаго. Имѣетъ слишкомъ 200 кибитокъ постоянныхъ жителей.

Далѣе, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ незначительнѣе становятся прибрежные аулы. Такъ у Зеленаго бугра было насчитано всего 30 кибитокъ, на Красноводской косѣ, на всемъ ея протяженіи, найдено ихъ 59, а на берегу Красноводскаго залива, у прѣснаго колодца Балкуи, всего 12 кибитокъ, которыя перешли потомъ на полуостровъ Дарджу. За то въ лежащихъ отсюда на востокъ Балханскихъ горахъ сосредоточивается до 1,000 кибитокъ и еще на прибрежныхъ островахъ, Челекени и Огурчинскомъ, находится ихъ до 300. Такимъ образомъ всѣхъ кибитокъ на указанномъ пространствѣ не болѣе 3,000. Изъ нихъ 400 принадлежатъ обоимъ онкуламъ Огурджалинскимъ, кибитокъ со 100 Шейхамъ и Махтумамъ, 30 Ерсаринцамъ (20 кочуютъ на Огурчинскомъ, а 10 у Гассанъ-Кули и Серебрянаго бугра), 20 Игдырамъ, располагающимся, въ числѣ 15-ти кибитокъ, на Челекени и 5-ти по южную сторону Кара-Бугазскаго пролива. Наконецъ всѣ остальныя принадлежатъ собственно Джафарбаямъ и изъ нихъ Яръ-Али располагаются южнѣе Гюргени, а Нуръ-Али, и преимущественно принадлежащія къ подотдѣленію Ессенъ-Кули-Кюръ занимаютъ все пространство сѣвернѣе. Кочевья же 3-хъ племенъ Ессенъ-Или, располагающіяся по сѣверную сторону Кара-Бугазскаго пролива до Мангышлака включительно, простираются всего до 180 кибитокъ: Игдыровъ отдѣленія Кулъ-Даглы, подотдѣленій Удöкъ и Чаканъ 150, Чоудуровъ одна семья Сарып-

---

*) Всѣ поименованные аулы получили названія отъ мѣстностей, ими занимаемыхъ. По нимъ, обыкновенно, даются названія ауламъ. Только когда сойдутся на одномъ мѣстѣ два аула, то̀ другой носитъ названіе или племени своего, или старѣйшины въ аулѣ — аксакала.

шана, въ числѣ 10 кибитокъ, и Абдалловъ отдѣленій Угры и Менглы-Ходжа 20 кибитокъ. Изъ нихъ Игдыры кочуютъ у Александровскаго форта и при заливахъ Александръ-Байскомъ и Киндерлинскомъ и отъ послѣдняго до Кара-Бугаза въ 4-хъ пунктахъ. На этомъ послѣднемъ пространствѣ сосредоточивается ихъ до 100 кибитокъ. Чоудоры кочуютъ у Александръ-Байскаго залива, а Абдаллы у Александровскаго форта, въ 6—7 верстахъ. У форта же и Александръ-Бая кочуютъ еще Ходжи, въ числѣ 80 кибитокъ. Они живутъ здѣсь съ давнихъ временъ и объ нихъ ходитъ слѣдующая легенда: двое братьевъ выѣхали изъ Мекки въ Хиву, объсемьянились и стали извѣстны за Ходжей, и одинъ изъ нихъ, искавъ богатствъ въ торговлѣ, зашелъ на Мангышлакъ; богатства ему не дались, но взамѣнъ нашелъ онъ молодую красивую Киргизку, которая научила его цѣнить и беззаботность жизни, и безпредѣльность здѣшнихъ степей. Отъ нихъ-то и пошли Мангышлавскіе Ходжи. Но каково бы ни было ихъ происхожденіе, они, какъ видно, расплодились очень мало; да и вообще всѣ мѣста сѣверпѣе Кара-Бугаза такъ рѣдко заселены, что на всемъ этомъ пространствѣ не насчитывается и 300 кибитокъ. Между тѣмъ встрѣчаемые здѣсь и вокругъ Кара-Бугазскаго залива во многихъ мѣстахъ и въ значительномъ числѣ колодцы, обложенные крупнымъ камнемъ и при нихъ, высѣченныя изъ камня же, корыта для пойла скота, свидѣтельствуютъ о значительности и о довольствѣ бывшихъ тутъ кочевокъ. Число такихъ колодцевъ доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 50—60. Это настоящее царство колодцевъ (Даулети-Чокъ), какъ справедливо прозвали Туркмены.

Откладывая до послѣдующаго изложенія объясненіе причинъ настоящаго опустѣнія здѣшнихъ мѣстъ, обращусь собственно къ вопросу о численности Туркменъ.

Приведенная выше цифра Джафарбаевскихъ кибитокъ доходитъ приблизительно до 2,500. Округляя ее до 3,000 и даже до 4,000, какъ потому, что нѣкоторые незначительные аулы не вошли въ исчисленіе, такъ еще въ предположеніи, что нѣсколько Джафарбаевскихъ кибитокъ, хотя въ видѣ исключенія, могли примѣшаться къ другимъ Ямудовскимъ дѣленіямъ, все-таки и при такой надбавкѣ, слишкомъ достаточной, далеко не получится еще цифра 12,000 ки-

битокъ, до которой возводятъ себя Джафарбаи. Между тѣмъ, по показанію же ихъ самихъ, они нигдѣ болѣе, кромѣ указанныхъ пространствъ и мѣстъ, не кочуютъ. Столь явно преувеличеніе числа Джафарбаевъ, на двѣ по крайней мѣрѣ трети, невольно наводитъ на мысль и о соразмѣрномъ увеличеніи и даже о произвольномъ показаніи числительности всѣхъ остальныхъ туркменскихъ родовъ. Замѣчательно, что Туркмены не измѣняютъ въ настоящемъ случаѣ своихъ показаній: тѣ же, которыя сообщили въ 1819 году Н. Н. Муравьеву, дали они и въ 1836 году и наконецъ въ 1859 году. Такимъ образомъ не остается ли воспользоваться мыслію Артюра Конолли, что неопрятная жизнь Туркменъ, крайности въ климатѣ, отсутствіе медицинскихъ пособій и проч.—содѣйствуютъ тому, что народонаселеніе ихъ не умножается *); принявъ же во вниманіе приведенный примѣръ несравненно меньшаго въ дѣйствительности числа Джафарбаевъ, останется провести эту мысль до того крайняго предѣла, что народонаселеніе ихъ постепенно и значительно уменьшается. Съ своей стороны, я не менѣе того убѣжденъ, что Туркмены постоянно преувеличивали свои показанія, какъ по сродному Азіятцамъ хвастовству, такъ и по отсутствію яснаго понятія о самой числительности, трудно примѣняемой къ кочевымъ народамъ,— почему и склоняюсь охотно на сторону свѣдѣній, сокращающихъ туркменскія цифры.

Достаточно сослаться на А. Борнса **) и г. Ферье, который въ описаніи своего странствія ***) чрезъ Персію въ Гератъ упоминаетъ также о числительности нѣкоторыхъ туркменскихъ родовъ. Оба они значительно сокращаютъ туркменскія показанія, именно:

	Согласно показанію Туркменъ,	Ферьѐ,	Борнса:
Гокланъ	40,000.	12,000.	9,000.
Теке.	50,000.	35,000.	40,000.
Ямудъ.	40,000.	25,000.	20,000.

Соразмѣрное сокращеніе слѣдуетъ распространить и на всѣ турк-

*) Conolly: Journey to the north of India, overland from England, through Russia, Persia and Affghaunistaun, Vol I, p. 162. Second edition. 1838.

**) Путешествіе въ Бухару и пр. въ 1831, 32 и 33 гг.

***) Англійское изданіе Дэнби-Сеймура.

менскіе роды. Въ общемъ же числѣ народонаселеніе свое возводятъ Туркмены до 350,000 кибитокъ или до 175,000 душъ обоего пола, такъ какъ на каждую кибитку принято обыкновенно считать по пяти душъ обоего пола.

Я имѣлъ ужь случай говорить выше о расположеніи туркменскихъ кочевокъ, разбросанныхъ по границамъ степи. Этимъ самымъ обусловливается и неизбѣжность и близость отношеній ихъ къ сосѣднимъ государствамъ. Многіе туркменскіе роды живутъ гораздо отдаленнѣе другъ отъ друга. Эти послѣдніе только и дружны между собою; всѣ же остальные, соприкасающіеся въ своихъ кочевкахъ, находятся въ постоянной враждѣ. Такъ мнѣ указывали на пріязнь Ессеневцевъ и Гоклановъ и на постоянную междоусобицу послѣднихъ съ Теке и Ямудами. Туркменинъ завистливъ: увидитъ гдѣ нибудь, по близости своихъ мѣстъ, красивую лошадь, хорошихъ верблюдовъ, стадо овецъ или другаго скота, и ему не терпится, онъ только и думаетъ, какъ бы забрать скорѣе то и другое въ свои руки. Тутъ выходятъ на сцену всѣ удальцы, имъ помогаетъ цѣлый аулъ, на него возстаетъ другой; наконецъ за аулами слѣдуютъ роды и такъ идетъ нескончаемая вражда, лишающая народъ всякой правильной жизни. Въ настоящее время Теке воюютъ съ Сарыковцами. Не надѣясь на успѣхъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ Текинскихъ хановъ, кочующій у Кызылъ-Арбата, близь границъ Персидскихъ, Нуръ-Берды, обращался къ прикаспійскимъ Ямудамъ, съ предложеніемъ мира и просьбой о помощи. Не получивъ же ея, не оставитъ, конечно, отмстить ближайшимъ Ямудовскимъ ауламъ. Такимъ образомъ и не перестаютъ разноситься по степи тѣ обычные военные крики Туркменъ, которыми сзываютъ они своихъ родовичей и одноаульцевъ, для отраженія общаго имъ непріятеля. И эти крики, именуемыеураномъ, доходя до самыхъ отдаленныхъ ауловъ, возбуждаютъ и въ нихъ желаніе подобной отваги.

Таковы въ общихъ чертахъ отношенія Туркменскихъ родовъ между собою.

Несравненно сложнѣе отношенія ихъ къ сосѣднимъ государствамъ.

Въ началѣ минувшаго столѣтія, когда собственно начались прямыя и постоянныя сношенія Туркменъ съ Россіей, кочевавшіе на

Мангышлакѣ и по сю сторону Кара-Бугаза находились съ сѣвера въ сосѣдствѣ съ Калмыками, значеніе которыхъ при управляемомъ тогда ими ханѣ Аюкѣ постепенно усиливалось.

При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ отношенія Туркменскихъ родовъ между собою оказываются далекими всякой пріязни, трудно предположить совершенно мирныя отношенія ихъ къ народамъ инаго происхожденія. Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, можетъ имѣть преимущество одна сила. Калмыки оказались сильнѣе Туркменъ, и послѣдніе должны были смириться передъ ханомъ Аюкою, принявшимъ предъ тѣмъ подданство Россіи. Къ тому удачное ограбленіе Калмыками двухъ, трехъ Туркменскихъ каравановъ, шедшихъ изъ Хивы съ хлѣбомъ, заставило Туркменъ искать и непосредственно, помимо Аюки-хана, покровительства нашего отечества, съ цѣлью получать изъ Астрахани хлѣбъ, для продовольствія. Въ этихъ по крайней мѣрѣ, видахъ посылали они, въ царствованіе Петра Великаго, въ Астрахань Ходжу-Нефеса. Онъ же, какъ извѣстно, предлагалъ завоевать Хиву, съ помощію Туркменъ и распространялъ толки о золотомъ пескѣ по Аму-Дарьѣ и о возможности направить воды ея, по прежнему, въ Каспійское море. Хивинскій посланецъ, въ свою очередь, предлагалъ въ это время устроить укрѣпленіе у стараго устья Аму.

«Всѣ сіи объявленія—говоритъ Голиковъ—казались попечительному о благѣ отечества Государю весьма важными... Проницаніе его видѣло, что если и не найдется искомое золото, то по крайней мѣрѣ, найденъ будетъ способъ къ полученію онаго, посредствомъ торговли, чрезъ тѣ страны, съ самою Индіею.» Такимъ образомъ и были снаряжены отъ насъ 2 экспедиціи на восточный берегъ Каспійскаго моря, одна за другой, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго. Во все продолженіе ихъ Туркмены вели себя съ возможной предупредительностью: доставляли необходимыя перевозочныя средства, содѣйствовали возведенію нами на берегу двухъ укрѣпленій, участвовали въ розысканіи стараго русла Аму и проч. Самъ-же Аюка-ханъ во время поѣздки Бековича съ восточнаго прибрежья въ Хиву, услышавъ о неблаговидныхъ замыслахъ тамошняго правительства противъ Россіи, не разъ предупреждалъ объ этомъ, прося довести до свѣдѣнія Государя и говоря «какъ-бы худа

какого не было» *); когда же «худо» это постигло Бековича, то Туркмены не могли устоять отъ искушенія и хотѣли было взять возведенную нами въ Красноводскѣ крѣпостцу, сдѣлавъ нападеніе на нее и съ суши, и съ моря **). Тогда ужъ стало ослабѣвать вліяніе Аюки-хана, тѣснимаго, въ свою очередь, съ востока Киргизами малой Орды, которые наконецъ и заняли кочевья Калмыковъ, перешедшихъ въ Астраханскую губернію, а также мѣста тѣхъ нѣсколькихъ сотенъ кибитокъ Туркменскихъ родовъ Игдыръ и Чоудуръ, которыя, перебравшись на западный берегъ Каспія, поселены были на Кавказско-Астраханскихъ степяхъ. Новые кочевники эти, подкочевавшіе Киргизы—наслѣдовали, своимъ предшественникамъ, Калмыкамъ, въ преобладающей силѣ надъ Туркменами. Сохранившіяся извѣстія указываютъ, по крайней мѣрѣ, на опредѣленіе нашимъ правительствомъ въ ханы Туркменъ, по просьбѣ послѣднихъ, одного Киргизскаго султана Пиръ-Гали Нураліева ***) и на то, что Туркмены держались въ то время вообще въ отношеніе хановъ малой Орды въ нѣкоторомъ, какъ будто, подчиненіи, напр., поздравляя султана Нурали со вступленітмъ на ханство, по смерти Абулъ-Хаира, обѣщались быть ему послушными и вѣрными Ея Императорскому Величеству ****).

Обстоятельство это относится къ 40-мъ годамъ минувшаго столѣтія и съ этихъ поръ начинается цѣлый рядъ постоянныхъ и дѣятельныхъ сношеній Туркменъ съ нашимъ правительствомъ.

Не стану пересчитывать здѣсь всѣхъ депутацій Туркменскихъ съ изъявленіемъ подданства Россіи и ходатайствомъ объ устройствѣ укрѣпленій, доставленіи хлѣба, вообще о заведеніи торговли и

---

*) Попова: сношенія Россіи съ Хивой и Бухарой при Петрѣ Великомъ, стр. 1 — 22.

**) Дѣло Московскаго Сенатскаго архива объ отправленіи князя Бековича Черкасскаго на Каспійское море и въ Хиву.

***) Дѣло пограничнаго отдѣленія канцеляріи Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора по просьбѣ Туркменъ о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи (1835 г.).

****) Вельяминова-Зернова: Историческія извѣстія о Киргизъ-Кайсакахъ. Томъ 1, стр. 16.

проч. *) Не буду говорить и о мѣрахъ, принимавшихся съ нашей стороны въ теченіи цѣлаго почти столѣтія: всѣ онѣ имѣли болѣе или менѣе общій характеръ изслѣдованія разныхъ береговыхъ мѣстностей **). Затѣмъ, въ 1833 году, было возведено нами укрѣпленіе въ заливѣ Мертвомъ-Култукѣ, которое впослѣдствіи, въ 1845 году, было переведено на Мангышлакскій полуостровъ. Изслѣдованія-же остальнаго восточнаго Каспійскаго прибрежья заключились экспедиціею 1859 года, въ которой я имѣлъ честь участвовать.

Между тѣмъ, въ продолженіе столь долгаго времени, произошли значительныя перемѣны въ судьбѣ Монгышлакскихъ и ближайшихъ къ Кара-Бугазу Туркменъ.

Въ ожиданіи какихъ-либо рѣшительныхъ съ нашей стороны мѣръ, междоусобицы сосѣднихъ Киргизъ и Туркменъ, выражающіяся барантами и уводомъ людей въ неволю, продолжались съ одинаковымъ съ обѣихъ сторонъ ожесточеніемъ. Когда ослабѣвала одна сторона, этимъ постоянно пользовалась другая и наоборотъ. Наконецъ Туркмены признали за лучшее удалиться къ хивинскимъ предѣламъ. Затруднительность-ли доставать оттуда хлѣбъ, при объясненномъ положеніи дѣлъ, отсутствіе-ли возможности отдаленнѣйшимъ отъ форта нашего на Мангышлакѣ продовольствоваться изъ Астрахани, или вообще сознаніе въ безсиліи своемъ передъ Киргизами побудили къ этому Туркменъ—нельзя сказать утвердительно; но дѣло въ томъ, что всѣ мѣста до Кара-Бугаза и вокругъ его опустѣли почти совершенно и только у самого форта и отъ него вдоль берега до Кара-Бугаза осталось до 260 Туркменскихъ кибитокъ. Впрочемъ послѣ принятыхъ въ 1858 г. мѣръ къ примиренію Киргизъ-Адаевцевъ и Чумичлы-Табынцевъ съ Туркменами, есть надежда, какъ сказывали мнѣ оставшіеся на означенныхъ мѣстахъ Туркмены, что значительная часть изъ откочевавшихъ возвратится

*) Подробныя объ этомъ свѣдѣнія находятся у г. Бларамберга въ запискѣ о Туркменскихъ поколѣніяхъ со времени вступленія ихъ въ сношенія съ Русскимъ правительствомъ (записки И. Р. Географ. Общества, кн. IV, стр. 96 — 105).

**) Подробности можно найти въ упомянутой-же запискѣ г. Бларамберга. Дополненіемъ къ ней могутъ еще служить стр. 27, 28 и 29 1-й части путешествія по востоку г. Березина.

на свои прежнія родныя мѣста. Нѣкоторые изъ нихъ присылали развѣдать отъ соплеменниковъ о возможности вернуться на родину.

Вслѣдствіе этихъ-же мѣръ, ханъ Туркменъ, кочующихъ на хивинской границѣ, Ата-Муратъ, мяхтеръ его и 32 человѣка почетнѣйшихъ лицъ присылали лѣтомъ 1858 года письма къ султану — правителю западной части Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства, съ изъявленіемъ съ своей стороны желанія прекратить вражду и съ предложеніемъ возвратиться въ совершенное подданство Россіи, съ тѣмъ, чтобъ имъ были отведены мѣста поотдаленнѣе отъ Хивы, по берегу Каспійскаго моря, такъ какъ, убивъ трехъ хановъ хивинскихъ, они не надѣялись жить въ хорошихъ отношеніяхъ съ Хивою *).

Тоже самое подтвердили и посланные отъ Ата-Мурата, представлявшіеся Начальнику края, Александру Андреевичу Катенину, лѣтомъ того же 1858 года, на р. Эмбѣ.

Впослѣдствіи, весной 1859 года, предлагалъ Ата-Муратъ, совмѣстно съ отложившимися отъ Хивы Узбекомъ Мухаммедъ-Фаною занятый имъ хивинскій городъ Кунградъ и устья Аму во власть нашего отечества.

Дальнѣйшія подробности, какъ по этому обстоятельству, такъ и по объясненному убійству 3-хъ хивинскихъ хановъ, найдутъ себѣ мѣсто при обозрѣніи отношеній Туркменъ къ Хивѣ.

Что же касается собственно до Туркменъ, кочующихъ нынѣ на пространствѣ отъ нашего Александровскаго форта до Кара-Бугаза, то они считаютъ себя Русскими подданными, и довольно покорно повинуются коменданту форта.

Занимаясь почти исключительно рыболовствомъ и не имѣя своего хлѣба, они получаютъ его и нѣкоторыя другія домашнія надобности, въ обмѣнъ на рыбу, отъ Армянъ Александровскаго форта. Рыбу эту Туркмены никуда, кромѣ Россіи, сбывать не могутъ; другихъ же прибыльныхъ занятій не имѣютъ, и одно уже это обстоятельство, при ихъ всеобщей бѣдности, служило и служитъ достаточнымъ ручательствомъ покорности ихъ намъ. Какъ ни злоупотребляютъ въ торговлѣ съ ними означенные Армяне, Туркмены при-

---

*) Дѣло канцеляріи Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора о примиреніи Киргизъ съ Туркменами.

нуждены брать хлѣбъ по какой бы ни было цѣнѣ, отдавая въ замѣнъ рыбу по самой дешевой.

Кочующіе южнѣе Кара-Бугаза Туркмены-Ямуды не поставлены въ эту необходимость, имѣя своими житницами Атрекъ и Гюргень и возмомность добыть всегда хлѣбъ изъ Персіи и даже изъ Хивы, по кратчайшему съ ней изъ Красноводска сообщенію, не опасаясь въ этомъ случаѣ столкновенія съ Киргизами, такъ далеко не заходящими. Настоящее обстоятельство ставитъ этихъ Туркменъ въ независимое положеніе, и торговля съ нами не составляетъ насущной для нихъ потребности. Между тѣмъ наши торговцы, сознавая какъ выгодно закупать у нихъ рыбу, по отличному ея качеству и изобилію, а равно и разныя мѣстныя произведенія, рѣшались не разъ заводить съ ними торговлю. Я не буду говорить о безуспѣшныхъ стараніяхъ Дженкинсона, бывшаго на восточномъ берегу Каспія и ходившаго оттуда въ Бухару въ 1558—61 годахъ, ни о высочайше разрѣшенной въ 1759 году *) компаніи графа Воронцова, для торговли на восточномъ берегу Каспійскаго моря и съ Хивой и съ Бухарой, послѣдствія которой мнѣ неизвѣстны, а перейду къ ближайшимъ временамъ. Въ настоящемъ столѣтіи, наши торговцы открыли было торговлю сначала въ Красноводскомъ заливѣ, откуда надѣялись торговать съ Хивою; потомъ пытались въ Астрабадскомъ заливѣ, гдѣ кромѣ Туркменъ, сбытъ нашъ могли пріобрѣтать и Персіяне; но всѣ эти попытки нашихъ купцовъ завести выгодную торговлю, безъ содѣйствія нашего правительства, были безуспѣшны: не нуждаясь въ насущномъ, мѣстные жители не дѣлали запасовъ ни рыбы, ни своихъ произведеній; а только имѣли въ виду, какъбы ограбить нашихъ купцовъ и овладѣть всѣмъ имуществомъ ихъ даромъ, что и удавалось имъ нерѣдко. Только въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, со времени устройства на островѣ Ашуръ-Адѣ въ Астрабадскомъ заливѣ, нашей морской станціи, торговыя сношенія наши стали нѣсколько устраиваться: въ нѣкоторыхъ Туркменахъ явилась потребность обмѣнивать свои произведенія на русскія, они привыкли видѣть и наши суда въ прибрежныхъ заливахъ освоились, и съ посредничествомъ нашимъ,

---

*) Полное Собраніе Законовъ. Т. XV, № 11,046.

при разборѣ возникающихъ недоразумѣній между ими и русскими торговцами; но при томъ, къ сожалѣнію, свыклись они и съ военными силами станціи, такъ что ближайшіе только и покорны ей болѣе или менѣе, а располагающіеся нѣсколько отдаленнѣе отъ нея и отъ берега, извѣстные подъ названіемъ степныхъ, сдѣлались еще болѣе дерзкими и предпріимчивыми. Въ подтвержденіе этихъ словъ, я могъ бы привести нѣсколько примѣровъ нападеній ихъ на берегу и въ открытомъ морѣ, но всѣ они имѣютъ оффиціальную извѣстность и къ бо̀льшему уясненію дѣла не ведутъ. Также умолчу о всѣхъ предположеніяхъ на счетъ возможности усиленія настоящей дерзости и предпріимчивости Туркменъ, о постороннемъ, замѣчаемомъ вліяніи на нихъ и наконецъ о возможныхъ послѣдствіяхъ такого порядка для нашего непосредственнаго пользованія Каспіемъ. . . .

Между тѣмъ восточный берегъ Каспійскаго моря обращаетъ на себя тѣмъ бо̀льшее вниманіе, что удобные, совершенно закрытые заливы его, тихіе обыкновенно вѣтра̀, дующіе вдоль берега, даютъ ему огромное преимущество передъ западнымъ, почему наши морскіе суда̀, казенныя и торговыя, слѣдуя на Ашуръ-Адѐ, и обратно избираютъ обыкновенно этотъ путь. При сильной же непогодѣ, какомъ либо несчастіи, или при необходимости налиться водою, суда эти нигдѣ между Тюкъ-Караганскимъ и Астрабадскимъ заливами не могутъ найдти безопаснаго пристанища. Для паровыхъ судовъ, по одинаковой причинѣ, не можетъ быть сдѣлано склада нужнаго топлива на всемъ этомъ пространствѣ. Наконецъ остается припомнить, что сюда же выходитъ старое ложе Аму, — а вдоль него, какъ сказано выше, имѣются вездѣ на разстояніи переходовъ, прѣсные колодцы, да и вообще сообщеніе отсюда съ Хивою самое кратчайшее.

Обращаясь собственно къ сношеніямъ съ Туркменами, я долженъ еще сказать, что прежде, какъ извѣстно, встрѣчались между прибрежными Ямудами нѣкорыя лица, имѣвшія вліяніе на своихъ соплеменниковъ и дѣйствительно искавшія, хотя болѣе изъ личныхъ интересовъ, дружественныхъ сношеній съ Россіей; но въ настоящее время нѣтъ изъ такихъ ни одного. Кіать-бекъ, или Кіатъ-ханъ, какъ называлъ онъ себя, столь извѣстный по двумъ поѣзд-

камъ въ Туркменію Николая Николаевича Муравьева, умеръ. а семейные его и старшій сынъ Кадыръ-ханъ не наслѣдовали отцовскаго значенія. Впрочемъ, по поводу преданности тѣхъ или другихъ Туркменъ-Ямудовъ, о которой нерѣдко слышалъ, я позволю себѣ замѣтить, что всякій изъ такъ называемыхъ — вполнѣ намъ преданныхъ Туркменъ, не можетъ дѣйствовать иначе, какъ среди двухъ искушеній: боязни своихъ родичей и желанія служить намъ. Какъ ни преступно подобное поведеніе, нельзя, однако, винить за него Туркменъ въ той мѣрѣ, какъ бы слѣдовало: все покровительство наше въ отношеніи преданныхъ и искавшихъ подданства Туркменъ, ограничивалось постоянно одними подарками, большею частію весьма незначительными, которые возбуждали только тщеславіе, тогда какъ жизнь и имущество этихъ Туркменъ оставались въ рукахъ ихъ соплеменниковъ безъ всякой нашей защиты. Поэтому, пока не будетъ здѣсь прочнаго заселенія нашего, которое могло бы держать въ страхѣ мѣстныхъ обитателей, врядъ ли возможно расчитывать на безкорыстную преданность Русскимъ кого-бы то ни было изъ нихъ.

Приведенныя выше обстоятельства переселенія Мангышлакскихъ и Кара-Бугазскихъ Туркменъ на хивинскую границу объясняютъ уже отчасти отношенія, въ которыя были они поставлены къ Хивѣ. Между тѣмъ Мухаммедъ-Рахимъ-ханъ, властвовавшій тамъ въ началѣ настоящаго столѣтія и отличавшійся энергіей и способностями, желая упрочить свою власть надъ Туркменами, началъ съ того, что ближайшихъ изъ нихъ поселилъ между разными городами ханства, обложилъ податью, поставилъ надъ ними отдѣльныхъ начальниковъ, а отдаленнѣйшихъ держалъ въ страхѣ походами, предпринимавшимися противъ нихъ, отъ времени до времени. Кочующіе у Мерва и Серахса были ему покорны и только прикаспійскіе Ямуды избѣгали еще нѣсколько его вліянія, но и они, если не видѣли въ Хивѣ исключительнаго для нихъ хлѣбнаго рынка, то находили для себя выгоднымъ сбывать туда Персидскихъ плѣнныхъ, а, бывая въ Хивѣ и не дѣлая подарковъ Хану, они рисковали остаться въ качествѣ аманатовъ.

Такъ продолжалось и послѣ Мухаммедъ-Рахимъ-хана, при сынѣ его, державшемся той же системы поселенія Туркменъ среди

хивинскихъ городовъ въ отношеніе тѣхъ изъ означенныхъ Мангышлакскихъ Туркменъ, которые постепенно перекочевывали при немъ въ Хиву.

Наслѣдовавшій ему, Мухаммедъ-Аминь не умѣлъ сохранить пріобрѣтеннаго вліянія на этотъ народъ: Мервскіе и Серахскіе Туркмены начали ему сопротивляться. Нѣсколько походовъ, одинъ за другимъ, предпринималъ ханъ противъ нихъ, но все безуспѣшно, а послѣдній, въ 1855 году, кончился убійствомъ его самого и конечнымъ почти истребленіемъ хивинскаго войска.

Лишь только вернулись остатки послѣдняго въ Хиву, какъ провозгласилъ себя ханомъ двоюродный братъ покойнаго, Абдулла; но соперничествовавшіе съ нимъ родственники его начали подкупать противъ новагѣ хана кочевавшихъ въ окрестностяхъ города Хивы Ямудовъ. Послѣдніе, избравъ для себя предлогомъ, будто, Туркмены-Теке ограбили принадлежавшій имъ караванъ и захватили ихъ имущество и людей, напали на одну хивинскую крѣпостцу, въ корой обитало до 1,000 семействъ Текинцевъ. Абдулла-ханъ, узнавъ между тѣмъ, что виновниками этого возстанія были его двоюродные братья, схватилъ ихъ и казнилъ; а къ Ямудамъ написалъ, что если они дѣйствительно имѣютъ справедливыя жалобы на Текинцевъ, то явились бы къ нему для разбирательства. Ямуды, какъ и надо было ожидать, разорвали ханское посланіе и пришли еще въ бо̀льшее движеніе; раззорили въ Хивѣ базаръ и завязали новое дѣло съ Текинцами. Тогда вышелъ съ войскомъ Абдулла-ханъ. Три раза начиналась борьба, и наконецъ Ямуды, съ помощью другихъ еще Туркменскихъ родовъ, взяли верхъ и убили хана. Послѣ сего они избрали себѣ въ ханы упомянутаго выше Ата-Мурата, который еще болѣе возбудилъ ихъ противу Теке и Хивинцевъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, лишились двухъ еще хановъ, убитыхъ Ямудами. Не довольствуясь этимъ и желая овладѣть хивинскимъ ханствомъ, домогался Ата-Муратъ получить отъ насъ свинецъ и порохъ *). Не получивъ же ни того, ни другаго, успѣлъ самъ овладѣть всей почти сѣверной частью ханства; но и тутъ, какъ было

*) Дѣло канцеляріи Оренбургскаго и Самарскаго Генералъ-Губернатора о слухахъ и событіяхъ въ областяхъ средней Азіи за 1856 г.

сказано, не надѣясь удержать Кунградъ въ своихъ рукахъ, предлагалъ его во власть Россіи.

Кунградъ дѣйствительно возвратили себѣ Хивинцы, но тѣмъ не менѣе Туркмены держатъ и до сихъ поръ сѣверные города ханства въ постоянной осадѣ.

Какъ исключеніе изъ столь тревожнаго состоянія Хивы можетъ быть приведено лѣто 1858 года. время проведенное тамъ нашею миссіею. Несомнѣнно причиною тому были внушенія, полученныя Туркменами изъ Оренбурга, что если они дѣйствительно ищутъ покровительства Россіи, то доказали-бы искренность своихъ намѣреній, какъ отстраненіемъ всякихъ недоразумѣній съ Хивинцами, при встрѣчѣ и сопровожденіи послѣдними миссіи, такъ и содѣйствіемъ къ спокойному пребыванію ея тамъ. Могли быть и другія, неизвѣстныя мнѣ причины, но дѣло въ томъ, что въ это время не было въ Хивѣ никакихъ междоусобицъ, и Туркмены не заводили съ Хивинцами обычныхъ своихъ ссоръ. Доказательствомъ можетъ отчасти служить командированіе меня начальникомъ миссіи изъ г. Хивы въ Кунградъ, и оттуда въ устье Аму, съ одимъ только урядникомъ-толмачемъ, въ сопровожденіи 2-хъ хивинскихъ чиновниковъ и одного человѣка для прислуги.

Объясненныя обстоятельства касаются собственно ближайшихъ къ Хивѣ Туркменъ. Кочующіе-же у Мерва и Серахса, начавъ еще сопротивляться при Мухаммедъ-Аминѣ, совсѣмъ отложились отъ Хивы со смертію его. Прикаспійскіе-же Туркмены-ямуды, располагающіеся южнѣе Кара-Бугаза, и всегда мало подчинялись Хивѣ, а теперь, сбывая туда персидскихъ плѣнныхъ и забирая тамъ нѣкоторыя домашнія надобности, не боятся, какъ прежде, быть задержанными ханомъ: до того ослабло вліяніе послѣдняго на туркменскіе рода.

Хива такимъ образомъ имѣла, но утратила вліяніе на Туркменъ; Персія же никогда собственно и не имѣла на нихъ прочнаго вліянія. Владѣніе Гюрьгенской долиной Надиръ-Шахомъ, было непродолжительно и окончилось съ его смертію; *) послѣ же Туркмены

*) Барона Боде: Очерки туркменской земли и юговосточнаго прибрежья Каспійскаго моря, стр. 77.

никогда не оставляли безпокоить Персію набѣгами, грабежами и уводомъ людей въ неволю, чему содѣйствуютъ, конечно, и ничѣмъ не защищенные берега астрабадскаго залива. Также не мѣшаетъ сему и возрастающая необходимость взаимныхъ торговыхъ сношеній этихъ народовъ: торговля и грабежи продолжаютъ идти рука объ руку.

Туркмены рѣшительно одолѣваютъ Персію и съ суши и съ моря. Не имѣя своихъ судовъ на Каспійскомъ морѣ для наказанія, при случаѣ, Туркменъ, персидское правительство обращалось къ русскому, съ просьбою о содѣйствіи; и капитанъ Путятинъ (нынѣ графъ Путятинъ) ходилъ въ 1842 году, для наказанія Туркменъ, къ юговосточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, на пароходѣ «Кама», былъ въ Гассанъ-кули и сжегъ тамъ нѣсколько десятковъ туркменскихъ лодокъ. Съ моря ограждаетъ теперь Персію наша Ашуръ-Адинская морская станція; но, для большаго успѣха ея дѣйствій, недостаетъ доброй воли со стороны самой-же Персіи: всѣ берега Астрабадскаго залива и юговосточнаго прибрежья прикрыты густымъ, высокимъ камышемъ, растущимъ въ водѣ; въ немъ-то укрываются Туркмены въ своихъ легкихъ куласахъ (родъ нашихъ бударъ) и, за прикрытіемъ его, выходятъ на берегъ и опустошаютъ персидскія деревни. Какъ ни казалось-бы необходимымъ уничтожить камышъ, которымъ вообще ни для чего не пользуются Персіяне, но всѣ доводы начальника станціи остаются безуспѣшными: и камышъ продолжаетъ существовать, и, по прежнему, продаютъ Персіяне Туркменамъ тѣ куласы, на которыхъ подбираются они къ ихъ берегамъ.

Вообще персидское правительство поступаетъ въ этомъ случаѣ совершенно своеобразно: въ Мазандеранской, напр., области, гдѣ представляется болѣе удобствъ, къ огражденію ея, мѣстныя персидскія власти пользуются этимъ и постоянно притѣсняютъ Туркменъ, приходящихъ туда единственно для торговли, и несправедливыми, незаслуженными оскорбленіями, усиливаютъ ненависть ихъ къ Персіянамъ и желаніе отмстить имъ; въ Астрабадской же области, напротивъ, при сознаніи совершеннаго отсутствія собственной власти, персидское правительство опасается усиленія значенія нашей станціи.

Дерзость свою въ отношеніи къ Персіи доказали Туркмены лучше всего въ послѣдніе три года (1856—57—58 г.г.), въ управле-

ніе Астрабадской областью недавно умершаго Джафаръ-Кули-хана, который двумя необыкновенно удачными военными походами противъ Текинцевъ, въ началѣ 1856 года, озадачилъ было всѣхъ ближайшихъ Туркменъ; но не прошло и мѣсяца послѣ того, какъ Астрабадскія земли были во многихъ мѣстахъ ограблены тѣми-же самыми Туркменами, и, не смотря на угрозы Джафаръ-хана, они снова, какъ и прежде, начали смѣяться надъ военными силами Персіи.

Итакъ не временный страхъ, а постоянный нуженъ Туркменамъ. . .

Подробности означенныхъ походовъ астрабадскаго губернатора разказываютъ слѣдующимъ образомъ: вышедши изъ Астрабада 2-го марта, съ войскомъ въ 4,000 человѣкъ, Джафаръ-ханъ подошелъ, 16-го числа, къ текинскимъ ауламъ, лежащимъ въ 40 фарсангахъ отъ города къ ONO и напалъ на нихъ въ расплохъ. Въ нѣсколько часовъ было истреблено пять ауловъ, убито около 170 человѣкъ мужчинъ, взято въ плѣнъ 350 женщинъ и дѣтей и разграблено все ихъ имущество. Пройдя послѣ того въ Буджнурдъ и отдохнувъ тамъ немного, онъ направился противъ другихъ текинскихъ ауловъ, къ NO, фарсангахъ въ 70-ти. Только что одержанная побѣда и главное обѣщаніе сдать занимаемую этими аулами крѣпостцу Нухаръ, у склона Эльбурзскаго хребта, до того обнадежили хана, что онъ взялъ съ собою всего 600 человѣкъ. Между тѣмъ Мухурцы обманули, и лишъ только Джафаръ-Кули-ханъ вышелъ изъ тѣснаго горнаго ущелья, ведущаго изъ Буджнурда къ Нухуру и подступилъ къ этой крѣпости, какъ его окружили, сверхъ ожиданія, до 5,000 вооруженныхъ Текинцевъ. Отступить было трудно, и онъ нашелся вынужденнымъ пойти въ неравный бой. Текинцы заранѣе благословляли свою судьбу, но сверхъ ожиданія, она измѣнила имъ на этотъ разъ: Аллахъ помогъ не имъ, а Джафару, и онъ одержалъ блестящую побѣду. Убитыхъ и не считали, а плѣнныхъ было взято 350 человѣкъ и кромѣ того 800 лошадей, 400 верблюдовъ и проч. Головы многихъ изъ убитыхъ Текинцевъ отправлены къ шаху въ Тегеранъ.

И такія побѣды — скажу здѣсь опять — не навели на Туркменъ страха: они продолжаютъ, по прежнему, безпокоить Персію своими набѣгами и грабежами.

Таковы вообще отношенія Персіи къ Туркменамъ. Въ частности же она предъявляетъ свои права на Гоклановъ, располагающихся по верховьямъ Гюргени, въ числѣ 3,000 семействъ; а такъ какъ они ведутъ болѣе осѣдлую, чѣмъ кочевую жизнь, то и не убѣгаютъ преслѣдованія Персіи, а платятъ ей постоянную подать, доходящую будто-бы, до 6,000 тумановъ *). Изъ сосѣднихъ же къ Персіи Ямудовъ, только Джафарбаи, отдѣленія Яръ-Али, кочующіе у Кара-Су, платятъ нѣкоторую сумму за право пасти скотъ по ту сторону рѣки, на персидскихъ земляхъ, но собственно подати никакой не вносятъ, и персидскія власти лишь изрѣдка посылаютъ къ нимъ, и не далѣе Гюргени, собирать дань, по 3 сабкарана **) съ кибитки, но обыкновенно осенью, когда болѣе зажиточные перекочевываютъ ближе къ Балханамъ и остаются тутъ одни самые бѣдные, въ числѣ не болѣе 200 кибитокъ.

Предшествовавшія свѣдѣнія могутъ уже служить общимъ указаніемъ, на сколько не примѣнимо къ Туркменамъ вообще значеніе, соединяемое со словомъ «управленіе,» но какъ и въ благоустроенныхъ государствахъ укрываются иногда подъ этимъ именемъ однѣ только формы власти, то да не поставится мнѣ въ укоризну, если я подъ этимъ названіемъ буду разумѣть и Туркменскую неурядицу.

Въ Туркменіи, какъ въ странѣ мусульманской, въ основаніи частной жизни лежитъ естественно коранъ. Истолкователями его могутъ быть, какъ извѣстно, только духовныя лица и именно Кази, на обязанности которыхъ лежитъ разборъ и рѣшеніе судебныхъ дѣлъ по правиламъ, изложеннымъ въ тѣхъ или другихъ сборникахъ магометанскихъ законоположеній. Поэтому у каждаго изъ Туркменскихъ племенъ есть свой кази, посвящаемый въ эту обязанность хивинскимъ ханомъ, какъ ближайшимъ мусульманскимъ владѣльцемъ; но существованіе такой должности у Туркменъ можно объяснить развѣ общемусульманскимъ фанатизмомъ, потому что, при вкоренившемся между ними личномъ произволѣ, возможна еще тамъ одна военная власть, значеніе «батыря,» молодца; гражданская-же, соединяемая съ званіемъ казны, ни съ чѣмъ несообразна. Отсут-

*) Туманъ = 3 руб. сер.
**) Сабкаранъ = 30 коп. сер.

ствіе, за рѣдкими исключеніями, поземельной частной собственности, присвоенныя съ давнихъ временъ мѣстности подъ кочевья разныхъ отдѣленій, наконецъ вошедшія въ народные обычаи мѣры возмездія за убійства и разныя увѣчья, а также существующія для раздѣла имущества, оставляютъ возможность существенныхъ недоразумѣній въ дѣлахъ кражи и баранты; но и въ этомъ случаѣ обыкновенно прибѣгаютъ Туркмены къ суду своихъ аульныхъ старшинъ— кетхуда, такъ что значеніе кази — повторяю — можетъ быть разсматриваемо у большинства Туркменъ съ одной религіозной стороны, съ точки удовлетворенія мусульманскаго фанатизма, или со стороны злоупотребленія религіи, когда тѣмъ или другимъ истолкованіемъ словъ корана разрѣшаются безнравственные поступки правовѣрныхъ.

Приведенныя обстоятельства вызываютъ на подробности касательно установившихся обычаевъ въ отношеніи возмездія за убійства и разныя увѣчья; также по поводу раздѣла имущества и обращенія къ суду и разбирательству старшинъ.

Означенные обычаи довольно опредѣленны и далеки всякихъ оттѣнковъ, именно: въ возмездіе за убійство требуютъ смерти убійцы, что называется канъ-каналы. Если-же мститель согласенъ взять выкупъ, то онъ полагается въ 1,000 тиллъ, 2,500 р. сер. на наши деньги, обыкновенно же зависитъ отъ средствъ и соглашенія тяжущихся. Подобная сумма уплачивается за отсѣченіе обѣихъ рукъ или ногъ. За повреждение одного изъ этихъ членовъ взыскивается 500 тиллъ, что называется хунъ. За незначительное повреждение виновный подвергается таковому же самъ, или прощается, что случается, впрочемъ, не часто. По поводу обычаевъ, оставалось бы привести еще существующіе для раздѣла имущества; еслибъ не сложились они по извѣстнымъ мусульманскимъ правиламъ вообще и преимущественно по фероизамъ *). Я укажу здѣсь на одно только исключеніе относительно незаконнорожденныхъ дѣтей, которые имѣютъ одинаковое право на наслѣдство съ законнорожденными.

Болѣе рѣзкое изъятіе изъ мусульманскихъ постановленій вообще, не касаясь болѣе раздѣла имуществъ, составляетъ недопущеніе раз-

---

*) Торнау: о мусульманскомъ законовѣдѣніи, стр. 399—426.

вода (теллокъ) у Туркменъ, располагающихся сѣвернѣе Кара-Бугаза. Былъ даже случай, за время Хивинскаго хана Мухаммедъ-Рахима, что одна женщина-туркменка, жалуясь на побои мужа, просила о разводѣ и получила было ханское разрѣшеніе; но всѣ туркменскіе старшины единогласно вынудили хана отречься отъ даннаго позволенія.

Переходя къ тѣмъ случаямъ, при которыхъ обращаются Туркмены къ старшинамъ за разбирательствомъ, я долженъ сказать, что всѣ они до того однообразны, что могутъ быть подведены подъ слѣдующій примѣръ: когда есть улика и виновный укрывается, то истецъ всегда проситъ суда и, по опредѣленію его, возвращается истцу родными виновнаго стоимость похищеннаго, если дѣло шло о кражѣ, или уплачиваются приведенныя вознагражденія, если касалось до изувѣченія и пр. Иначе, въ присутствіи виновнаго, никогда истецъ не допуститъ и мысли о разбирательствѣ, а по произволу раздѣлается съ нимъ, стараясь обыкновенно отмстить тѣмъ же самымъ. Судъ дорогъ вездѣ, расправиться же своею властію такъ легко Туркменину. Было когда-то время, что обыкновенное туркменское выраженіе «Туркменчиликъ» обозначало простоту, патріархальность нравовъ; теперь же пріобрѣло оно иное значеніе, оно выражаетъ удальство и обманъ, и эти свойства, не краснѣя, придаютъ они одинъ другому, говоря о своихъ разбояхъ.

Таковъ общій характеръ управленія у всѣхъ вообще Туркменъ. Обращаясь-же собственно къ существующему у приморскихъ, прикаспійскихъ, — я нахожу, что оно имѣетъ нѣкоторыя особенности. Такъ у Туркменъ, располагающихся отъ Александровскаго форта до Кара-Бугазскаго залива, гораздо менѣе произвола въ управленіи. Причиною тому конечно, не болѣе нравственныя понятія самихъ Туркменъ, сколько незначительность ихъ по числу, бѣдность и наконецъ возможность найти судъ и расправу у коменданта нашего форта.

Изъ этихъ Туркменъ Игдыры, Абдаллы и Ходжи имѣютъ своихъ отдѣльныхъ старшинъ. У Игдыровъ ихъ два: Удöковскимъ отдѣленіемъ завѣдуетъ Мамедъ (Мухаммедъ Сафа-Кулуевъ, человѣкъ вліятельный, не глупый и готовый на услуги, а Чаканскимъ Кара-Бахчъ. На мѣсто-же Кази имѣютъ они Нуръ-Мухаммеда Биктур-

ліева, ишана, т. е. духовное-же лицо, стоящее выше муллъ. Званіе это присвоилъ себѣ Нуръ-Мухаммедъ по происхожденію отъ отца своего Биктурли-ишана, признаваемаго Туркменами за святаго. Нуръ-Мухаммедъ-ишанъ имѣетъ русскую золотую медаль, полученную за дѣло по примиреніе Туркменъ съ Киргизами. Сынъ его, ханъ-Мамбедъ (Мухаммедъ) находился при нашей экспедиціи, отличаясь готовностью служить Россіи и не менѣе желаніемъ высказать передъ другими Туркменами свою важность и значеніе между Русскими.

Упомянувъ здѣсь о 3-хъ лицахъ, которыя всѣ называются Мухаммедами, кстати замѣтить, что Туркмены очень любятъ включать въ свои имена, преимущественно мусульманскія, имя своего пророка, сокращая его въ Махмедъ, Мамбетъ и Мамедъ. Приведенныя къ этому имени прибавленія Нуръ, означаетъ въ переводѣ свѣтъ, а ханъ, служа собственнымъ именемъ, взято изъ подражанія титулу хана. Туркмены любятъ также давать разныя прозвища по примѣтамъ, при чемъ собственное имя остается часто неизвѣстнымъ: означенный Нуръ-Мухаммедъ-ишанъ извѣстенъ напр. за сары-ишана, рыжеволосаго ишана. Подобныя прозвища дали Туркмены и всѣмъ намъ, участвовавшимъ въ послѣдней экспедиціи, именно: сары-сакалъ, рыжебородый, кызылъ-буинъ, красношейный, узунъ-буйли-акъ чигитъ, длинный, бѣлый и т. д. Изъ прозваній-же, данныхъ Туркменами бывшимъ въ послѣдней экспедиціи, 1836 года, сохранилось и до сихъ поръ одно: Кутъ-кызылъ, потому что получившій его носилъ, будто-бы, красные шаровары.

Кромѣ означеннаго ишана, собственно муллъ нѣтъ у этихъ Туркменъ и въ нихъ, какъ говорили мнѣ сами Туркмены, не имѣется особенной надобности, такъ какъ, за отсутствіемъ настоящихъ мечетей, они не могли-бы совершать праздничныхъ молебновъ, а обыкновенные, дневные можетъ дѣлать всякій мусульманинъ безъ муллы. Для этого устраиваютъ отдѣльныя на зиму кибитки, а лѣтомъ вырываютъ круглую большую яму, въ которой сходятся молящіеся, оставляя верхнюю обувь у спуска въ нее, или за насыпью, которою окружаютъ подобныя молельни.

Впрочемъ, въ послѣднее время пріѣхалъ въ Александръ-Бай одинъ мулла изъ Хивы и началъ между прочимъ учить дѣтей грамотѣ и правиламъ своей вѣры. Число учащихся у него прости-

рается до 10-ти. За каждаго условились платить муллѣ по 4 тумана въ годъ. Подобные примѣры обученія дѣтей бывали и прежде, и лучшихъ учениковъ отправляли отцы доучиваться въ хивинскія медресе́ (училища).

Туркмены, кочующіе на означенномъ пространствѣ, оказываютъ вообще особенное уваженіе духовнымъ, и родственники ихъ, въ отличіе отъ другихъ, прибавляютъ обыкновенно къ своему имени слово махзумъ.

При азіятскомъ честолюбіи Туркменъ, это объясняется отчасти отсутствіемъ у этихъ кочевниковъ всякихъ другихъ привиллегированныхъ лицъ. Именующихся напр. ханами нѣтъ вовсе въ этой части Туркменіи; но зато они встрѣчаются въ огромномъ числѣ за Кара-Бугазомъ, далѣе на югъ, и тамъ уже тщеславятся родствомъ не съ муллами, а съ ханами.

Какъ меньшій произволъ, при отсутствіи настоящаго кази, у располагающихся сѣвернѣе Кара-Бугазскаго залива, такъ напротивъ, большій произволъ, при отсутствіи старшинъ, у кочующихъ южнѣе залива—служатъ отличіемъ тѣхъ и другихъ отъ объясненной выше характеристики туркменскаго управленія вообще.

У послѣднихъ изъ поименованныхъ Туркменъ всякій аулъ существуетъ самъ по себѣ, по отношеніямъ, установившимся временемъ, и безъ аульнаго начальника, и только у Огурджалинцевъ осталось еще четверо старшинъ, сохранившихъ наслѣдственное званіе старшинъ и вмѣстѣ хановъ. Впрочемъ въ этой части степи всякій побогаче называетъ себя ханомъ и знать никого не хочетъ. Дѣти его хотя-бы обѣднѣли, также сохраняютъ это званіе, и, такимъ образомъ, оно утратило обыкновенный свой смыслъ, объясняющій личное значеніе или происхожденіе. Одинъ изъ внуковъ Кіата, семейство котораго считаетъ себя настоящимъ ханскимъ, на вопросъ, откуда взялись означенные ханы, объяснилъ мнѣ, что сначала называла ихъ такъ наемная прислуга, изъ подобострастія; за дѣтьми же званіе установилось и дѣлалось достояніемъ всего рода.

Отсутствіе у этихъ Туркменъ старшинъ, казалось, должно было-бы служить къ большему сближенію ихъ съ кази; но на дѣлѣ оно служитъ только къ усиленію личнаго произвола. Отдаленность отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ кочевья, занимаемаго кази, у колодцевъ

Бугдайлы, — по близости къ зеленому бугру,—представляется также не малой тому причиной; но больше опасаются эти Туркмены разбирательства своего кази, по извѣстному его корыстолюбію. Кази этотъ, по имени Мухаммедъ-Ніязъ Кылычевъ, наслѣдовалъ въ своемъ званіи отцу и имѣетъ, какъ выражаются Туркмены, печать на власть кази отъ Хивинскаго хана. Сынъ его Ярали-мулла, который прочится въ преемники отцу, хотя собственно не имѣетъ на то права, будучи незаконнорожденнымъ *), отличается тѣми-же качествами корыстолюбія, а не правосудія, и по этому трудно надѣяться, чтобы съумѣлъ онъ, со временемъ, пріобрѣсти утраченное уже уваженіе и должную къ себѣ боязнь.

Какъ-бы то ни было, но, ради почета, наиболѣе зажиточные Туркмены обыкновенно обращаются къ кази за дозволеніемъ жениться и даютъ ему при этомъ по нѣсколько тумановъ.

Лѣта для женитьбы въ расчетъ не принимаются. Бываютъ женихи и менѣе 12 лѣтъ, а невѣсты менѣе 9-ти, только бракъ въ этомъ случаѣ получаетъ видъ одного сговора; послѣ чего молодыхъ разъединяютъ, до тѣхъ поръ, пока невѣста не возмужаетъ и не свыкнется съ хозяйствомъ.

Кромѣ 4-хъ законныхъ женъ, Туркмены допускаютъ еще столько же незаконныхъ, согласно расколу аземи, но часто и превышаютъ это число. Одинъ Туркменинъ говорилъ мнѣ про своего отца, имѣвшаго уже восемь женъ и хотѣвшаго взять еще одну, Астраханскую татарку, «онъ не посмотритъ ни на какой законъ,» и этими словами желалъ, повидимому, высказать всю важность отца.

Въ калымъ даютъ Огурджалинцы по 35 тумановъ, а Ямуды по 10—15 верблюдовъ, при чемъ обыкновенно тесть возвращаетъ половину ихъ, а иногда и болѣе.

У этихъ Туркменъ-Ямудовъ довольно много муллъ, которыми называются произвольно всѣ знающіе грамотѣ не изъ хановъ и учившіеся въ Хивѣ правиламъ своей религіи. Ѣздившій доучиваться въ Бухару величаетъ себя ахуномъ.

Всѣ они отличаются молчаливою важностію и любостяжаніемъ.

Каждому муллѣ принято давать ежегодно, при перечетѣ денегъ,

---

*) Торнау о мусульманскомъ законовѣдѣніи, стр. 385.

(Туркмены торгующіе и ничѣмъ не занимающіеся имѣютъ обыкновеніе повѣрять свое состояніе разъ въ годъ) по 1 съ 40. Здѣсь муллы также учатъ дѣтей и берутъ за каждаго отъ 1 до 3 сабкарановъ въ мѣсяцъ. На 100 кибитокъ приходилось по 10 учащихся.

Обращаюсь къ домашнему быту Туркменъ. Всѣ они живутъ въ кошомныхъ кибиткахъ, большею частью грязныхъ до отвращенія. Рѣдкія убраны вдоль стѣнъ ковровыми мѣшками и устланы коврами. Питаются, по преимуществу, однимъ хлѣбомъ, и лишь по праздникамъ, бараниной и пилавомъ. Одеждой служатъ имъ обыкновенно самые простые бумажные халаты, надѣваемые одинъ на другой, и высокія бараньи шапки. Только южнѣе Кара-Бугаза, ближе къ Персіи, одѣяніе ихъ нѣсколько разнообразнѣе, представляя смѣсь Персидскаго съ Туркменскимъ. Изъ этого видно, какъ незначительны потребности Туркменъ. Вся работа по хозяйству лежитъ на обязанности женъ, — у которыхъ, какъ мнѣ случалось видѣть и руки гораздо развитѣе и грубѣе мужниныхъ, — и только немногое заработываетъ ужъ самъ Туркменинъ. Лѣнь съ нимъ неразлучна, а ею естественно руководятъ и то отсутствіе всякихъ требованій и та бѣдность, въ которыхъ онъ выросъ. Всѣмъ этимъ же обусловливается и самая производительность Туркменъ.

Разсматривая хозяйство и торговлю ихъ, я нахожусь вынужденнымъ разграничить прибрежныхъ Туркменъ тѣмъ же заливомъ, Кара-Бугазскимъ, который служилъ и прежде границею между Ямудами и племенами Ессеневскими, такъ какъ въ хозяйственныхъ и торговыхъ занятіяхъ тѣхъ и другихъ встрѣчаются свои особенности.

Главнѣйшее занятіе Ессеневцевъ, располагающихся сѣвернѣе Кара-Бугаза, которымъ занимаются они въ Александръ-Байскомъ и Киндерлинскомъ заливахъ и южнѣе, вдоль берега, вплоть до самаго Кара-Бугаза. По берегу этому ловятъ рыбу крючьями, баграми и тоже ее бьютъ острогой. Въ Киндерли, гдѣ самый лучшій промыселъ, по тишинѣ, прозрачности воды и меньшей глубинѣ, сходятся лодокъ числомъ до 50-ти. Всѣ Туркмены, отъ Александровскаго форта до Кара-Бугаза, пріѣзжаютъ туда къ началу апрѣля. Въ теченіе этого мѣсяца и еще въ маѣ и іюнѣ производится тамъ самая обильная ловля рыбы; ловъ же вообще, менѣе обильный, продол-

жается до начала сентября. Лучшій ловецъ въ Киндерли вылавливаетъ до 100 и даже до 150 штукъ красной рыбы, а дурной до 30—40 въ ночь.

Кромѣ Киндерли, возможно еще одинаково значительное рыболовство у острова Аде-Кара, и на глубинѣ 3—4 саж. Но какъ на островѣ воды нѣтъ, то рыболовы, принужденные брать съ собою воду въ турсукахъ, заходятъ туда рѣдко.

Рыбу сбываютъ Туркмены, какъ уже было упомянуто выше, Армянамъ Александровскаго форта. Осетръ и севрюга продаются на мѣру. 3 севрюги, длиною отъ хвоста до головы въ 4 четверти и 3 осетра въ пять четвертей идутъ не дороже 1 руб сер. Бѣлугу продаютъ обыкновенно на взглядъ, примѣняясь къ осетрамъ. Армяне, въ свою очередь, сбываютъ Туркменамъ муку, самую дурную, цѣною на деньги отъ 3 до 5 рублей серебр. за мѣшокъ въ 7 пудъ, а на рыбу за 12—15 штукъ осетровъ или севрюгъ. Когда же мука берется въ долгъ, то условія бываютъ несравненно тягостнѣе. На каждую кибитку Туркменскую нужно приблизительно до 5 мѣшковъ муки въ годъ. Такимъ образомъ на все число кибитокъ до Кара-Бугаза приходится ихъ до 1,300; рыбы-же для уплаты за нихъ, нужно примѣрно до 20,000 штукъ. Вообще уловъ ея полагаютъ Туркмены до 100,000 штукъ.

Остальное количество обмѣниваютъ Туркмены на разныя другія надобности: платье, желѣзо, чугунныя произведенія, какъ напр. таганы и пр. Вещи эти пріобрѣтаютъ они равнымъ образомъ у Армянъ Александровскаго форта.

Рыба обыкновенно продается съ клеемъ и вязигой, и только изъ употребляемой для себя вынимаютъ то и другое и продаютъ отдѣльно: клей по 1 руб. 70 коп. сер., а вязигу по 10—15 и рѣдко по 20 коп. сер. за фунтъ.

Икряной рыбы ловится очень мало на этомъ пространствѣ. Добываемая икра очищается дурная, продается по 10 коп. за фунтъ.

Для собственнаго употребленія, Туркмены просаливаютъ и высушиваютъ рыбу; чаще же употребляютъ ее слѣдующимъ образомъ: разрѣзываютъ на части, провяливаютъ, потомъ крошатъ и варятъ въ котлахъ, въ рыбьемъ жирѣ, до тѣхъ поръ, пока не покраснѣетъ. При-

готовленную такимъ образомъ, рыбу сохраняютъ на зиму въ рыбьихъ пузыряхъ, зарывая ихъ въ землю.

Кромѣ рыболовства, кочующіе у форта и Александръ-Бая Туркмены занимаются еще разведеніемъ арбузныхъ и дынныхъ бахчей. Прежде сѣяли они тутъ мѣстами и хлѣбъ, но теперь, по отзывамъ ихъ, не достаетъ имъ на это рабочихъ рукъ. Для бахчей землю они унавоживаютъ, и навозъ берутъ съ зимовокъ Киргизовъ, которые приходятъ на зиму не только къ Киндерли, но пробираются иногда и къ Кара-Бугазу. Бахчи свои рѣдко поливаютъ эти Туркмены, потому что вода лежитъ отъ поверхности на разстояніи не болѣе аршина, и при вспашкѣ, просачиваясь, увлажаетъ землю.

Скотоводство у этихъ Туркменъ весьма незначительно, особенно у Игдырцевъ, кочующихъ на пространствѣ отъ Киндерли до Кара-Бугаза. Богаче всѣхъ Ходжи. Самымъ богатымъ изъ нихъ считается имѣющій до 40 верблюдовъ и до 300 — 400 барановъ; но такихъ между ними всего 2 или 3 человѣка.

Отсутствіе скотоводства обусловливаетъ и домашнія работы, достояніе женщинъ, какъ дѣланіе ковровъ, кошемъ и армячины. Произведеній этихъ мало. и въ продажу они почти не идутъ. Довольно оригинально, что въ узоръ ковровъ, какъ у этихъ, такъ и у всѣхъ прибрежныхъ Туркменъ, входитъ непремѣнно изображеніе якорей большой и малой величины. Краски для ковровъ берутъ на Челекенѣ, гдѣ получаютъ и Персидскій, или дѣланный мѣстными жителями порохъ. Настоящими двумя продуктами и ограничиваются торговыя сношенія этихъ Туркменъ съ За-Кара-Бугазскими своими сосѣдями, Ямудами. Нефть же не берутъ они съ Челекени, потому что для освѣщенія употребляютъ рыбій жиръ и баранье сало, равнымъ образомъ не нуждаются въ челекенской соли, имѣя ее у себя въ достаточномъ количествѣ.

Занятія и торговыя сношенія Туркменъ, располагающихся за Кара-Бугазомъ, далѣе на югъ, представляютъ болѣе разнообразія. Къ рыболовству, которое между ними сравнительно менѣе распространено, слѣдуетъ причислить, какъ наиболѣе прибыльные промыслы, солеводство, добычу нефти и нефтагиля, хлѣбопашество и скотоводство.

Соль добываютъ Туркмены на Красноводской косѣ, островѣ

Челекенѣ, на полуостровѣ Дарджѣ въ 3-хъ мѣстахъ, на урочищѣ Гарямѣ (не подалеку отъ Зеленаго бугра) и еще на нѣкоторыхъ другихъ береговыхъ мѣстностяхъ. Красноводское мѣсторожденіе соли занимаетъ въ окружности сажень 60; соль самосадочная; соленые кристаллы, толщиною вершка въ $4^{1}/_{2}$, покрываютъ поверхность почти сплошь; вода просачивается лишь мѣстами. Подъ этими кристаллами лежитъ слой воды вершка въ 2, и подъ ней находится грязь, смѣшанная съ солью. Пріиски эти принадлежатъ Менглы-Турды-хану. На нихъ добывается ежегодно до 20,000 пудъ чистой соли, которая идетъ въ продажу Инзелинскимъ купцамъ, приходящимъ за нею на своихъ лодкахъ, называемыхъ бакинками. Кромѣ того, мѣстные кочевники пользуются солью даромъ. Самой лучшей солью считается Дарджинская-Сарайская. Добываемую тутъ соль продаютъ Туркмены частью на мѣстѣ Инзелинскимъ купцамъ; большею же частью сплавляютъ сами на Ашуръ-Аде́. Средняя цифра лодокъ съ солью, приходившихъ на Ашуръ въ послѣдніе три года равнялось 145, а по среднему выводу подымаемаго ими груза, можно положить количество годоваго сплава соли на Ашуръ въ 120,000 пудъ; съ продаваемой же на мѣстѣ, количество ежегоднаго отпуска ея доходитъ приблизительно до 200,000 пудъ. Обыкновенная цѣна на соль не превышаетъ 7 — 8 — 10 к. сер. за пудъ.

Добыча нефти и нефтагиля составляетъ исключительную принадлежность острова Челекеня. Нефть получается еще изъ колодцевъ, лежащихъ у Балханскаго залива, но дурнаго качества, въ незначительномъ числѣ и не идетъ въ продажу.

На Челекенѣ пространство, занимаемое мѣсторожденіемъ нефтагиля и нефтяными колодцами простирается до 2 верстъ въ окружности. Мѣстность эта представляется въ видѣ цѣпи невысокихъ горъ, холмовъ, идущихъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Колодцы нефтяные, въ числѣ слишкомъ 200, лежатъ преимущественно въ узкихъ лощинахъ между горъ, также по склону ихъ; и въ долинѣ, примыкающей къ горамъ. Я видѣлъ нѣсколько такихъ колодцевъ. Есть глубиною отъ 7 до 20 и болѣе ханскихъ аршинъ (1 арш. 6 вершк.). Даютъ нефть черную-густую и жидкую, и зеленоватую (бѣлую). Земля до того пропитана нефтью, что послѣдняя просачивается сквозь нее и въ нѣкоторые колодцы, или вѣрнѣе резер-

вуары, сведены одни жолоба, по которымъ нефть стекаетъ тонкой струей, а въ другихъ проходитъ она въ щели, оставляемыя между досокъ, которыми забраны колодцы. Полученіе нефти производится здѣсь съ давнихъ временъ. На этихъ же мѣстахъ получается и нефтагиль бѣлый и черный. Перваго сравнительно меньше. Нефтагиль лежитъ въ горахъ жилами и бо̀льшею частію надъ нефтяными источниками, такъ что, по истощеніи нефтагилевыхъ жилъ, показывается обыкновенно нефть. Такимъ образомъ, по отзывамъ мѣстныхъ жителей, добывался прежде одинъ нефтагиль, и потомъ уже показались ключи нефти. Нефтагилевая разработка началась, какъ видно, съ вершины горы, что̀ доказывается насыпями, образовавшимися на краяхъ обширной ямы. Нефтагиль очищается отъ земли и сора кипяченіемъ въ котлахъ. Топливомъ служитъ окружающая пріиски земля, которая, отъ большой примѣси нефти, горитъ прекрасно.

Туркмены употребляютъ нефтагиль для освѣщенія. Для той же цѣли продавали они его Хивинцамъ и Бухарцамъ, но въ маломъ количествѣ. Правильная торговля имъ началась собственно съ 1858 года, когда продали его Закаспійскому торговому товариществу и нѣкоторымъ Русскимъ промышленникамъ, для выдѣлки парафина, до 50,000 пудъ, по 60 к. сер. за каждый. Нефть продается Инзелинскимъ и Бакинскимъ Персіянамъ, по 20 к. сер. за пудъ. Продаютъ ее на мѣстѣ или сплавляютъ на Ашуръ-Адѐ. По такому же расчету, который былъ принятъ въ отношеніи соли, оказывается, что количество ежегоднаго привоза туда нефти доходитъ до 115,000 пудъ.

Означенные пріиски называются «Мошадъ». Они считаются принадлежностію семейства Кіатова. На нихъ работаетъ постоянно до 150 человѣкъ, и каждому изъ нихъ, по словамъ завѣдывающаго пріисками, племянника Кадыръ-хана, Ана-Хассана, платятъ по 30 коп. въ день. Если это и дѣйствительно соблюдается, то, вѣроятно, по отношенію къ однимъ свободнымъ рабочимъ, а не къ плѣннымъ Персіянамъ.

Влѣво отъ этихъ пріисковъ лежитъ еще нефтяное озеро Кара-Ситля (черный молошникъ). Вода въ немъ теплая, сѣрно-соленая, и нефть выбрасывается въ довольно большемъ количествѣ изъ глу-

бины на поверхность. Отъ этого озера, лежащаго на вершинѣ одного бугра, проведены канавы, для стока воды, съ невысокими запрудами изъ досокъ, не достающихъ до дна канавы. Вода проходитъ подъ доски, а нефть, какъ вещество легчайшее, удерживается запрудами и потомъ счерпывается. Вокругъ озера лежатъ еще до 10 колодцевъ, изъ которыхъ нефть достается кувшинами, пополамъ съ водою. Эти пріиски, менѣе обширные, чѣмъ Мошадскіе, принадлежатъ Огурджалинскимъ старшинамъ.

Добыча нефти и нефтагиля, разработка соли и рыболовство составляютъ главные четыре промысла островитянъ; но кромѣ того находятся еще на Челекени, въ долинѣ, прилегающей къ колодцамъ, двѣ краски: красная, кызылъ-буя, и желтая, превращающаяся при варкѣ въ черную, почему и называется кара-буя. По признакамъ—это нечистый купоросъ. Краски эти почти не идутъ въ продажу и употребляются Туркменами на крашеніе шерсти. По отзывамъ мѣстныхъ жителей, красокъ этихъ довольно много на островѣ. Онѣ лежатъ гнѣздами, подъ очень тонкимъ слоемъ песку, такъ что вѣтеръ, сметая послѣдній, обнаруживаетъ полосы то красныя, то желтыя.

Какъ нефть и нефтагиль составляютъ принадлежность только Челекени, такъ хлѣбопашество существуетъ въ Туркменіи по однимъ берегамъ Атрека и Гюргени. Къ тому оно такъ мало сродно Туркменамъ, что имъ занимаются лишь самые бѣдные изъ нихъ, называемые чомурами, въ отличіе отъ чорвовъ, т. е. зажиточныхъ, занимающихся скотоводствомъ, или вѣрнѣе, не дѣлающихъ ничего, потому что пастьба скота лежитъ на прислугѣ. Не надо думать, однако, чтобъ Чорвы, или прислуга ихъ, совсѣмъ не брались за соху: зимующіе по Атреку и Гюргени засѣваютъ также хлѣбъ, но исключительно для себя, а не для продажи, какъ дѣлаютъ чомуры, и, по сборѣ хлѣба, немедленно откочевываютъ далѣе на сѣверъ,— къ чему побуждаются мѣстными сильными жарами, доходившими лѣтомъ 1859 года до 54°, и цѣлыми тучами комаровъ, которыхъ не выносятъ верблюды; Чомуры же рѣдко уходятъ далѣе 2 — 3 верстъ.

Землей пользуются всѣ Туркмены одинаково и могутъ распахивать ее, гдѣ пожелаютъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ наслѣдствен-

ныхъ участковъ. Земли по Гюргени считаются самыми плодородными, и чѣмъ выше по рѣкѣ, тѣмъ дѣлаются еще лучше. По берегамъ ея нѣтъ ирригаціонныхъ канавъ: и самая мѣстность нѣсколько препятствуетъ этому, и нѣтъ особенной надобности, по причинѣ дождей, бывающихъ тутъ нерѣдко; по Атреку же вся мѣстность изрѣзана оросительными каналами. Туркмены не даютъ почти отдыха землѣ, придерживаются только плодоперемѣнной системы: пшеница, горохъ, кунжутъ, ячмень и хлопчатникъ—вотъ тотъ порядокъ, въ которомъ сѣютъ Туркмены. Бахчи и здѣсь, какъ во всей Туркменіи, распространены въ большомъ числѣ. Гокланы, кромѣ того, разводятъ еще тутовыя плантаціи и занимаются шелководствомъ. Изъ Ямудовъ, занимаются этимъ одни Эймиры, какъ ближайшіе къ Гокланамъ. Хлѣбъ родится на этихъ мѣстахъ нерѣдко самъ 50—60. Необходимыя земледѣльческія орудія Туркмены дѣлаютъ сами. Желѣзо выковываютъ на своихъ кузницахъ. Мельницы имѣютъ ручныя съ небольшими жерновами. Воздѣлываемаго хлѣба достаетъ не только мѣстнымъ Туркменамъ, но они снабжаютъ имъ и всѣхъ приморскихъ до Кара-Бугаза и кочующихъ въ Балханахъ; также, при избыткѣ, сбываютъ его въ Персію, и въ свою очередь, покупаютъ тамъ въ годы неурожайные. Слѣдующая таблица дастъ понятіе о цѣнахъ, бывшихъ въ тѣхъ мѣстахъ на пшено, пшеницу и ячмень, а также и на хлопчатникъ и шелкъ, въ теченіи 1856, 57 и 58 гг.

Въ 1856 году.	За пудъ.	
	Руб.	Коп.
Пшено	—	60
Пшеница	—	20
Ячмень	—	15
Хлопчатникъ	2	70
Шелкъ	63	—

	За пудъ.	
Въ 1857 году.	Руб.	Коп.
Пшено	—	$67^1/_2$
Пшеница	—	35
Ячмень	—	25
Хлопчатникъ	4	20
Шелкъ	62	—
Въ 1858 году.		
Пшено	—	76
Пшеница	—	70
Ячмень	—	30
Хлопчатникъ	4	50
Шелкъ	57	—

Скотоводство у этихъ Туркменъ не особенно велико, хотя и значительнѣе, чѣмъ у сѣверныхъ сосѣдей ихъ. Имѣющіе до 2,000 барановъ считаются богатыми. Лошадей же и верблюдовъ береговые жители имѣютъ только необходимое число для работъ и для перекочевокъ. У болѣе отдаленныхъ отъ берега число тѣхъ и другихъ значительно увеличивается. Цѣны на лошадей весьма различны отъ 8 до 100 тумановъ; верблюды продаются по 10 — 20 тумановъ каждый, а бараны по 3 — 7 сабкарана, вѣсомъ въ 1 пудъ и $1^1/_2$.

Большее скотоводство обусловливаетъ, конечно, и усиленіе про-

изводства мѣстныхъ ковровъ, кошемъ и армячины. Ковры не превышаютъ цѣною 7 тумановъ.

Гокланскія женщины ткутъ еще шелковыя матеріи въ 3 сабкарана аршинъ.

Къ предметамъ сбыта у этихъ Туркменъ можно причислить еще лебяжій пухъ, цѣною по 2 и 2½ сабкарана за фунтъ, и золу, добываемую Ямудами-Ельгаями изъ растущаго по берегамъ Гюргени папортника-карагана. Зола эта идетъ въ Астрабадъ на мыло. Особенно же дорогой источникъ доходовъ для Туркменъ составляетъ сбытъ въ Хиву и Бухару плѣнныхъ Персіянъ, цѣна за которыхъ доходитъ нерѣдко до 40 червонцевъ и болѣе. Я разумѣю при этомъ мужчинъ, потому что женщинъ Персіянокъ совсѣмъ не продаютъ Туркмены. Изъ Бухары они вывозятъ, взамѣнъ, извѣстныя бухарскія мерлушки.

Для себя дѣлаютъ Туркмены и порохъ, для чего селитру берутъ въ Астрабадѣ, а сѣру изъ окрестностей Кара-Бугаза, у колодцевъ Кугуртъ (сѣра); но порохъ ихъ очень дуренъ, что̀ сами Туркмены вполнѣ сознаютъ, смотря съ завистью на нашъ полированный.

Изъ поименованныхъ продуктовъ продаютъ Туркмены Русскимъ на Ашуръ-Адѐ, не говоря о нефти и нефтагилѣ, изъ которыхъ первая не идетъ почти къ намъ, а послѣдній продавался на мѣстѣ, — рыбу по цѣнамъ, приведеннымъ выше, соль, необходимую для соленія покупаемой рыбы, икру въ 1 руб. 70 к. сер. за пудъ, вязигу отъ 3 до 4 руб. за пудъ. Кромѣ того ковры, лебяжій пухъ, шкуры лисьи, шакаловыя и корсаковыя. За этими предметами приходятъ ежегодно въ Астрабадскій заливъ до 40 судовъ, подымающихъ отъ 500 до 1,200 пудъ груза. Отъ насъ же идутъ полосовое желѣзо, изъ котораго Туркмены выдѣлываютъ лопаты, сохи, кандалы и проч., чугунные котлы, кумганы, рыболовныя снасти, также сахаръ, чай и разныя мелочи.

У Персіянъ пріобрѣтаютъ Туркмены разнаго рода оружіе, дрова и лѣсъ-карагачь, изъ котораго строятъ свои кусовыя лодки, ольховыя куласы, цѣною отъ 6 до 12 червонцевъ, платье, сшитое и въ матеріяхъ, краски, табакъ и фрукты.

Внѣшней торговлей занимается, по произволу, всякій зажиточ-

ный Туркменинъ. Оборотный капиталъ не превышаетъ обыкновенно и 1,000 р. сер. Внутренней же, мелкой торговлей, въ родѣ нашихъ разнощиковъ, занимаются обыкновенно Ата и Шейхи, которые, подъ охраной своего духовнаго происхожденія, ѣздятъ безпрепятственно по непріязненнымъ ауламъ, такъ отъ Ямудовъ проѣзжаютъ къ Текинцамъ, къ Гокланамъ и обратно.

Для береговой торговли, перевозки нефти и соли, для рыболовства и наконецъ для сообщенія съ прибрежными аулами, всякій почти изъ приморскихъ Туркменъ имѣетъ свою лодку. Количество большихъ косовыхъ лодокъ простирается у нихъ до 500; но сверхъ того они имѣютъ еще значительное число небольшихъ лодокъ, куласовъ, родъ нашихъ бударъ, которые пріобрѣтаютъ отъ Персіянъ и на которыхъ, какъ я имѣлъ ужъ случай говорить, пробираясь, вдоль высокихъ камышей, къ привольнымъ Персидскимъ берегамъ, производятъ они свои извѣстные чапаулы (нападенія).

М. Галкинъ.

Оренбургъ.
Ноябрь 1859 года.

Нѣсколько свѣдѣній, касающихся Оренбургскаго края и сосѣднихъ владѣній Средней Азіи.

Въ продолженіи службы моей въ Оренбургскомъ краѣ, знакомясь съ переписками и архивными дѣлами края, я имѣлъ возможность извлечь изъ нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя казались мнѣ интересными.

Передаю ихъ, по возможности, въ ихъ первоначальномъ видѣ.

Въ числѣ этихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ мною на этотъ разъ, находятся также показанія нашихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Бухары въ 18⁵⁸/₅₉ г. Показанія эти, отобранныя при генеральномъ штабѣ Оренбургскаго корпуса, были переданы мнѣ, для дальнѣйшей разработки, бывшимъ начальникомъ края, А. А. Катенинымъ, при которомъ состоялъ я на службѣ и расположеніемъ котораго имѣлъ счастье пользоваться. Я предпочитаю, однако, сообщить эти свѣдѣнія, какъ они были, безъ всякихъ, съ моей стороны, измѣненій.

Такимъ образомъ, я считаю возможнымъ передать, въ распоряженіе отдѣленія этнографіи, слѣдующія свѣдѣнія:

1) Сводъ показаній нашихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Бухары въ 1858—59 году.

2) Нѣсколько дорожниковъ черезъ наши Киргизскія степи въ Среднюю-Азію и между Бухарой, Коканомъ, Шегри-Сябзомъ, Чарджуемъ, Ташкентомъ и пр.

3) Показанія Авганцевъ и Туркменъ, сопровождавшихъ въ 1840 году Англійскихъ путешественниковъ Аббота и Шекспира изъ Герата въ Хиву и оттуда на Каспійское море.

Показанія эти подтверждаютъ, между прочимъ, что не выкупилъ Шекспиръ, какъ писалъ, нашихъ плѣнныхъ, вывезенныхъ имъ въ Россію, а въ объясненіяхъ съ ханомъ и вліятельными лицами удостовѣрялъ только, что если ханъ отпуститъ плѣнныхъ, то и Русское Правительство поступитъ также въ отношеніе Хивинскихъ плѣнныхъ.

4) Путевой журналъ переводчика, армянина Турпаева, посланнаго, въ 1834 г., комендантомъ Ново-Александровскаго укрѣпленія, въ Хиву.

Кромѣ довольно любопытныхъ мѣстныхъ подробностей, заключающихся въ журналѣ, замѣчательно, что подобный посланецъ, не облеченный никакимъ особеннымъ значеніемъ, благодаря только личному характеру и предъявленію, что ѣдетъ по порученію Русскаго коменданта, совершилъ путь совершенно безпрепятственно, не подвергаясь никакимъ обидамъ, какъ со стороны встрѣчныхъ кочевниковъ, такъ и самихъ Хивинцевъ и ихъ правленія.

и 5) Извлеченіе изъ дѣла Московскаго сенатскаго архива объ отправленіи князя Бековича-Черкасскаго на Каспійское море и въ Хиву.

Дѣло это служило, безъ сомнѣнія, однимъ изъ основныхъ матеріаловъ при составленіи г. Поповымъ обозрѣнія сношеній нашихъ съ Хивой и Бухарой при Петрѣ Великомъ. Не менѣе того оно не вошло въ число сообщенныхъ имъ матеріаловъ.

М. Галкинъ.

Январь 1865 г.

Показанія русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Бухары, въ $18^{58}/_{59}$ г.

1.

Иванъ Марченковъ, 45 лѣтъ отъ роду, казакъ Сибирскаго войска № 7-го полка, взятъ въ плѣнъ въ 1839 году въ октябрѣ мѣсяцѣ, при уроч. Джаркаинѣ, близь р. Ишима, киргизами мятежника Кенисары Касимова. По прошествіи 1½ мѣсяца по плѣненіи былъ представленъ Кенисарою въ подарокъ Бухарскому эмиру, у котораго жилъ около 1½ года во дворцѣ, исправляя должность гаремнаго водовоза и получая на содержаніе въ годъ три халата, 3 пары бѣлья и 3 пары сапоговъ и въ день по 5 фунтовъ хлѣба. Изъ водовозовъ былъ записанъ въ сарбазы, въ которыхъ и служилъ до времени выхода изъ Бухары полковника Бутенева, послѣ чего былъ проданъ одному Бухарцу въ г. Дурмани за 37 тиллей. По прошествіи 8 мѣсяцевъ обмѣненъ былъ Бухарцу на плѣннаго Персіянина и записанъ вновь въ сарбазы, гдѣ и служилъ до настоящаго времени. Въ продолженіи своей службы въ регулярныхъ войскахъ ходилъ нѣсколько разъ въ походъ подъ Шяхри-Сябзъ и два раза въ Коканъ. Во время этихъ походовъ составъ арміи эмира, по большой части, былъ слѣдующій: 1000 сарбазовъ, числа кавалеріи хорошенько не знаетъ, но полагаетъ отъ 1—5 т.; орудій же бывало отъ 15 — 20. Всѣ эти походы обыкновенно производи-

лись лѣтомъ и продолжались отъ 1 до $2^1/_2$ мѣсяцевъ; полевыхъ сраженій никогда не происходило, а всѣ дѣйствія ограничивались одной только осадной войной, причемъ случалось, что непріятельскій гарнизонъ, не выдержавъ огня бухарской артиллеріи, отходилъ отъ какой либо части крѣпостной ограды, и тогда Бухарцы бросались къ стѣнѣ, разрывали ее лопатами и врывались въ городъ, но почти всегда были вытѣсняемы оттуда свѣжими войсками противника. Форма одежды у сарбазовъ слѣдующая, у артиллеристовъ: куртка изъ чернаго сукна; застегиваемая на 5 мѣдныхъ гладкихъ пуговицъ. шаровары кожаныя, желтыя, на головѣ черная, мерлушчатая шапка, сабля русскаго издѣлія, въ желѣзныхъ ножнахъ, на кожаномъ поясѣ; у пѣхоты куртка красная, суконная, шаровары же и шапка такія же, какъ у артиллеристовъ, ружье съ кремнемъ и со штыкомъ, во время холода отпускается еще каждому сарбазу по чекменю или чепану. Въ Бухарѣ сарбазы живутъ всѣ въ одномъ мѣстѣ, за угланскими воротами, за городомъ въ казенныхъ домахъ, въ каждомъ по одному семейству. На содержаніе сарбазовъ въ Бухарѣ въ прежнее время выдавалось на кормъ и дрова каждому по 12 тиллей *) въ годъ, кромѣ верхней одежды и сапоговъ, которые отпускались изъ казны; въ послѣдніе же два года сумма эта зависѣла отъ количества собираемаго съ жителей на содержаніе сарбазовъ хлѣба, который продавался на базарѣ, и вырученныя за него деньги отдавались на руки солдатамъ, что составляло въ годъ на каждаго по 6 тиллей, а при неурожаяхъ и менѣе. Содержаніе во время похода, въ прежнее время, производилось такъ, что за войсками возились казенные котлы, въ которыхъ варился рисъ съ масломъ и раздавался сарбазамъ разъ въ сутки, по вечерамъ, сверхъ 3-хъ лепешекъ, дававшихся ежедневно каждому человѣку; въ походахъ же нынѣшняго года наряжались силой изъ Бухары булочники, мясники и проч., которые, слѣдуя при арміи, доставляли чинамъ ея всѣ возможные продукты, на покупку которыхъ каждому сарбазу отпускалась изъ казны на 3 сутокъ одна теньга **). По-

---

*) Тилля 4 руб. серебромъ.

**) Теньга $22^1/_2$ коп. серебромъ.

ходныя движенія совершаются такимъ образомъ что артиллерія слѣдуетъ впереди, а за нею пѣхота. Въ каждое орудіе, смотря по его тяжести, запрягается отъ 4 до 30 лошадей попарно, первая пара въ дышло, а слѣдующія впередъ на постромкахъ. При каждомъ орудіи для носки снарядовъ и заряжанія, полагается прислуги 5 человѣкъ, которые ѣдутъ на упряжныхъ лошадяхъ; кромѣ этой прислуги, на каждой изъ остальныхъ упряжныхъ лошадей орудія, походомъ, ѣдетъ по человѣку, имѣющему назначеніе, кромѣ услуги при орудіи, присматривать также и за своей лошадью. Пѣхота слѣдуетъ въ походѣ на арбахъ, нанимаемыхъ казною; въ каждой арбѣ помѣщается 4 человѣка съ ружьями, которые такимъ образомъ проѣзжаютъ отъ 4 до 6 камней въ день, т. е. отъ 32 до 48 верстъ. Кавалерія же или милиціонеры собираются по 2, 3 и 10 челов. съ своими беками, прямо къ назначенному для сбора пункту; имъ при подъемѣ дается каждому на сборъ по тиллѣ, въ случаѣ же, если у кого нибудь изъ нихъ походомъ падетъ лошадь, то тогда по представленіи отъ лошади хвоста эмиру, хозяину ея, выдается или другая лошадь изъ казны или деньги на покупку оной. Прочее содержаніе кавалерія обязана имѣть собственное. Главное начальство надъ сарбазами ввѣрено Шерукъ хану бѣглому Персіянину, когда то бывшему астрабадскимъ губернаторомъ. Шерукъ ханъ пользовался прежде большимъ довѣріемъ эмира, но съ годъ тому назадъ онъ былъ въ опалѣ, и у него отобрали и продали всѣ имѣнія и едва не отрубили ему голову. Помощники Шерукъ хана, миръ охуры, изъ коихъ нѣкоторыя носятъ штабъ офицерскія, а другія оберъ-офицерскія эполеты,—золотыя и серебряныя,—привозимыя изъ Россіи. Эполеты даются въ распоряженіе Шерукъ хана, а онъ потомъ награждаетъ ими подчиненныхъ офицеровъ, по своему усмотрѣнію. Всѣ миръ-охуры носятъ русскіе шарфы, куртки, шолкомъ шитыя, кожаныя шаровары и 1, 2 или 3 пистолета. Офицеры эти за малыя преступленія наказываютъ сами своихъ подчиненныхъ, а за большія Шерукъ-ханъ — обыкновенно по 30 палокъ на человѣка; за бѣгство же — наказаніе смерть и при томъ не иначе, какъ по приказанію эмира. Почти всѣ сарбазы изъ плѣнныхъ Персіянъ и небольшой части Русскихъ; Бухарцы же принимаются въ ихъ ряды только по собственному желанію. Срокъ службы сарбаза-плѣнника за-

виситъ отъ заплаченной за него цѣны, по заслуженіи которой ему дается отъ эмира билетъ на свободное проживаніе въ ханствѣ.

Обыкновенно лагеремъ войска эмира располагаются верстахъ въ 9 или 10 отъ осажденной крѣпости, откуда и ходятъ каждый день съ утра и до полудня къ крѣпости стрѣлять, послѣ чего, къ вечеру возвращаются въ лагерь. Сарбазы въ лагерѣ располагаются въ холщевыхъ полаткахъ по 10 человѣкъ въ каждой, точно также, какъ и кавалерія, располагающаяся по 1, 2 и 3 челов. въ каждой палаткѣ. Лагерь войскъ эмира разбивается такимъ образомъ, что въ срединѣ его становится палатка со снарядами, около которой располагаются орудія, артиллеристы и пѣхота, окруженная своими арбами; кругомъ же всего этаго раскидывается милиція. Часовые днемъ становятся только у пороховой палатки; ночью же пѣхота выставляетъ часовыхъ у своихъ арбъ, а милиція окружаетъ себя конными часовыми, которые становятся другъ отъ друга на разстояніи 3—4 шаговъ и вблизи своихъ полатокъ. Часовые эти привязываютъ своихъ лошадей къ копьямъ и обыкновенно спятъ, за исключеніемъ 2—3 человѣкъ, остающихся на сторожѣ.

Совершенно годныхъ для употребленія орудій,—на лафетахъ, у эмира считается 16-ть, всѣ эти орудія мѣдныя, за исключеніемъ 3 чугунныхъ; длиною орудія отъ 3 до 8 аршинъ, но есть и короче; ядра же, которыми изъ нихъ стрѣляютъ, вѣсомъ отъ 3 фунт. до 1/2 пуда и болѣе; снаряды походомъ везутъ на верблюдахъ и складываются въ лагерѣ въ одну общую палатку, а при движеніи войскъ изъ лагеря къ непріятельской крѣпости подвозятся туда въ числѣ 2 или 3 на каждое орудіе, въ передковыхъ ящикахъ, которые походомъ идутъ пустые, если эти снаряды въ дѣлѣ израсходуются, то подвозка новаго комплекта снарядовъ на поле сраженія изъ лагеря производится уже на верблюдахъ или же дѣло прекращается. Патроны пѣхоты везутся тоже на верблюдахъ, при движеніи же изъ лагеря къ осажденной крѣпости раздаютъ каждому пѣхотинцу по 10 патроновъ, которые онъ несетъ въ кожаной сумѣ, надѣваемой черезъ плечо; по окончаніи же дѣла, оставшіеся патроны отбираются. Во всѣ походы Марченкова дѣла ни разу до рукопашнаго боя не доходило, а всѣ сраженія Бухарцевъ съ ихъ противниками кончались одной перестрѣлкой и бѣгствомъ той или другой стороны.

Шяхри Сябзомъ Эмиръ завладѣлъ два года тому назадъ; городъ этотъ обнесенъ тонкой глинистой стѣной нѣсколько выше роста человѣка. Дорога изъ Бухары въ Шяхри-Сябзъ идетъ по ровной мѣстности и, только не доѣзжая верстъ на 5 до этаго города, начинаются довольно высокія горы, между которыми въ лощинѣ, на ключевой водѣ очень хорошаго вкуса, расположенъ самый городъ. Горы, съ 3 сторонъ его окружающія, такъ высоки, что не только втащить туда орудіе, но даже забраться пѣхотѣ довольно трудно. Вода по дорогѣ въ Шяхри-Сябзъ получается изъ родниковъ и канавъ — въ большомъ изобиліи; селенія лежатъ въ 5, 10 и 20 верстахъ одно отъ другаго, травы тоже очень много и преимущественно сѣяной, а въ самомъ городѣ очень много луговой травы. Отъ Бухары до Шяхри-Сябза, по ближайшему разстоянію, считаютъ слишкомъ 40 камней (320 верстъ). Городъ величиною съ Бухару, всѣ постройки въ немъ глиняныя или каменныя, улицы пыльны и узки. По дорогѣ въ Шяхри-Сябзъ и въ этомъ городѣ лѣсу весьма достаточно, но болѣе—саженый, кромѣ того въ Шяхри-Сябзъ много привозятъ пихтоваго лѣсу — изъ горъ. Ходятъ изъ Бухары въ Шяхри-Сябзъ или черезъ Самаркандъ, или черезъ Карши, или же черезъ Джизахъ; другихъ ночлежныхъ пунктовъ плѣнникъ не помнитъ. Шяхри-сябзскихъ владѣльцовъ было двое — родные братья, они теперь живутъ при эмирѣ въ Бухарѣ, а въ Шяхри-Сябзѣ находится бухарскій бекъ съ небольшою свитою. При бекѣ оставлено также и бывшее шяхри-сябзское войско, только оружіе отъ него все увезено эмиромъ въ Бухару и выдается этому войску лишь при нарядѣ его на войну. Вмѣстѣ съ Шяхри-Сябзомъ эмиру достались и принадлежавшія сему владѣнію города: Шаматанъ, Китанъ, Урта-Курганъ, Писта-Ханъ, Джаусъ, Якъ-Ковакъ и Дау-Басъ, которые лежатъ отъ столицы очень близко, такъ что самый дальній изъ нихъ, въ горахъ, Якъ-Ковакъ, находится отъ Шяхри-Сябза только въ 20 верстахъ; въ городахъ сихъ поставлены также бухарскіе начальники. Въ Шяхри-Сябзѣ эмиръ взялъ 15 орудій, изъ коихъ только 3 мѣдныхъ, а прочія чугунныя и притомъ со станками, всего только 6-ть. Изъ этихъ пушекъ эмиръ возитъ при своихъ войскахъ только 2, остальныя же, по негодности, брошены.

Въ Шяхри-Сябзѣ содержаніе вообще не дорого и въ особенности въ этой области развито хлѣбопашество.

Дорога изъ Бухары въ Коканъ идетъ черезъ Самаркандъ по ровной мѣстности, за исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ горокъ; по дорогѣ часто встрѣчаются селенія, самое большое разстояніе между которыми не превосходитъ 4-хъ камней, воды вездѣ очень много въ канавахъ, травы сѣяной тоже; а весной и хорошій подножный кормъ. Отъ Самарканда до Уре-Тюпе считается 35 камней. Уре-Тюпе расположенъ на ровномъ мѣстѣ подъ горою, а въ центрѣ города имѣется высокій холмъ, на которомъ построенъ дворецъ тамошняго бека. Въ настоящемъ году пѣхота доѣхала изъ Бухары до Уре-Тюпе въ 15-ть дней, и войска эмира стояли здѣсь только 3 дня, а стрѣляли всего два раза, послѣ чего Коканцы бросили городъ. Взявши Уре-Тюпе, эмиръ пошелъ на Ходжендъ; — по дорогѣ встрѣчалось много селеній и воды; въ Ходжендъ пѣхота, на арбахъ, прибыла въ 6 дней; простоявъ подъ Ходжендомъ 9-ть дней безъ успѣха, отправились назадъ въ Бухару, куда сарбазы, слѣдуя уже не черезъ Самаркандъ, а мимо Джизаха черезъ городъ Кыждуванъ прибыли въ 14 дней. Ходжендъ величиною не менѣе Бухары и обнесенъ въ послѣднее время съ 3-хъ сторонъ глиняной стѣной, въ коей у подошвы продѣланы дыры, черезъ которыя производится пальба изъ орудій. Съ 4-й же стороны Ходжендъ примыкаетъ къ р. Сыру и стѣны не имѣетъ. Въ прежній походъ эмира Ходжендъ имъ былъ взятъ только потому, что Коканцы рѣшились выйти къ нему на встрѣчу, версты за 3 отъ города, гдѣ эмиръ, разогнавъ ихъ пушечнымъ огнемъ, вслѣдъ за ними ворвался въ городъ. Дорога отъ Ходженда до Кокана идетъ по ровной мѣстности, въ болѣе или менѣе далекомъ разстояніи отъ лѣваго берега р. Сыра; лѣсу здѣсь по Сыру очень мало, но за то много камыша и сѣяной травы, много деревень и много канавъ. Подъ Ходжендомъ ширина Сыра отъ 120—150 саж., и на пространствѣ между этимъ городомъ и Коканомъ берега рѣки каменисты, особенно лѣвый, на правомъ же преобладаетъ глина; мели здѣсь въ рѣкѣ встрѣчаются часто; островковъ-же не много, всего, 2, 3 маленькихъ; лодокъ не видали ни одной; въ деревняхъ по дорогѣ къ Кокану много саженаго лѣсу, а самородный привозится въ Коканъ изъ близь лежащихъ около него

горъ и преимущественно состоитъ изъ пихты. Г. Коканъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ, и при взятіи его эмиромъ въ прежній походъ стѣны вокругъ города не было; послѣ же покоренія, эмиръ послалъ въ Коканъ, для кладки стѣны, своихъ мастеровыхъ, но взбунтовавшіеся вскорѣ Коканцы всѣхъ мастеровыхъ заложили въ воздвигавшуюся стѣну и окончили ее сами.

Въ прежній походъ осаждали Коканъ только 5 дней, а стрѣляли изъ пушекъ всего одинъ разъ, послѣ чего Коканцы обратились въ бѣгство, и эмиръ занялъ городъ. Коканскій ханъ, тоже бѣжавшій, былъ схваченъ и привезенъ съ своимъ сыномъ въ Коканъ на телегѣ, гдѣ этимъ плѣнникамъ въ ихъ собственномъ дворцѣ и отрубили головы.—Эмиръ пробылъ тогда въ Коканѣ 2 недѣли и оставилъ тамъ управлять одного изъ своихъ бековъ, который однакоже въ скоромъ времени былъ выгнанъ изъ Кокана тамошними жителями.

Въ бухарскихъ владѣніяхъ на постройки идетъ лѣсъ все саженый, срубленый черезъ 10—15 лѣтъ послѣ посадки. Порохъ и ядра изготовляются преимущественно въ Самаркандѣ купцами, которые тамъ имѣютъ пороховой заводъ и оттуда уже доставляютъ порохъ прямо къ эмиру. На изготовленіе пороха и ядеръ всѣ матеріалы даетъ эмиръ и платитъ купцамъ собственно только за одну работу; небольшая часть пороху приготовляется и въ Бухарѣ подъ руководствомъ Шерукъ-хана. Для вольной продажи торговцы покупаютъ порохъ не иначе, какъ отъ самого эмира и потомъ продаютъ его на базарахъ отъ 15—20 коп. ассигнаціями за фунтъ. Селитра и сѣра привозятся изъ Россіи, и добываются также около Карши, уголь же употребляется для пороха таловый, а для литья пушекъ изъ урюковыхъ старыхъ безъягодныхъ деревъ. Пушки льются въ Бухарѣ подъ руководствомъ Шерукъ-хана и бѣглаго Индѣйца, изъ мѣди и чугуна, привозимыхъ изъ Россіи. Замки для ружей тоже везутся изъ Россіи, а стволы дѣлаются въ Бухарѣ въ особомъ домѣ, близь дворца эмира.

Въ заключеніе Марченковъ вновь подтвердилъ: 1) что въ войнѣ съ Коканомъ и Шяхри-Сябзомъ всѣ дѣла до рукопашнаго боя никогда не доходили, а всегда кончались одной перестрѣлкою, при чемъ кто нибудь изъ сражающихся постоянно обращался въ бѣг-

ство и 2) что Бухарцы стрѣляютъ изъ орудій весьма дурно, такъ что не смотря на расположеніе орудій въ 100,150 саж. отъ стѣнъ непріятельской крѣпости, снаряды изъ орудій попадаютъ въ самую стѣну очень рѣдко, а почти всегда летятъ по сторонамъ.

2.

Корнило Суворовъ, 45 лѣтъ отъ роду, сибирскаго казачьяго № 3 полка, взятъ въ плѣнъ въ 1840 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при ур. Улутау, Киргизами мятежника Кенисары Касимова. Пробылъ у Кенисары мѣсяцъ, а потомъ отправленъ въ Бухару въ подарокъ эмиру. Продержавши Суворова одинъ день, эмиръ отдалъ его обратно тѣмъ же Киргизамъ, которые и продали его за 18 тиллей одному Бухарцу, у котораго онъ прожилъ 6 мѣсяцевъ; потомъ эмиръ взялъ его въ сарбазы, заплативъ хозяину его 26 тиллей; въ сарбазахъ Суворовъ и оставался до настоящаго времени и былъ попеременно: рядовымъ пенджа-башей и дегъ-башей. Во время своей службы дѣлалъ два похода къ Аму-Дарьѣ, 14 походовъ подъ Шяхри-Сябзъ и въ настоящемъ году ходилъ подъ Коканъ. Суворовъ засталъ пѣхоту въ составѣ 1,000 человѣкъ, во время войны съ Шяхри-Сябзомъ она была увеличена до 1,200, теперь же опять состоитъ только изъ 1,000; въ началѣ его пріѣзда артиллеристовъ было 100 человѣкъ; во время войны съ Шяхри-Сябзомъ 300 — это число осталось и донынѣ. Число орудій на лафетахъ, простиравшееся сначало до 16, нынѣ возрасло до 24, въ настояшее время къ нимъ присоединены еще 6 орудій на лафетахъ, взятыхъ въ Ура-Тюпе, — что составитъ всю подвижную артиллерію эмира въ 30 орудій. Пѣшіе сарбазы составляютъ баталіонъ, который раздѣляется на 10 сотенъ, по 100 человѣкъ въ каждой. Баталіономъ командуетъ Шерукъ-ханъ, а каждой сотней миръ-охуръ, имѣя помощникомъ караулъ-беги; кромѣ того въ каждой сотнѣ есть 4 старшихъ пенджа-баши (унтеръ-офицеры) и 4 младшихъ и 10 десят никовъ или ефрейторовъ (дегъ-баши). Пѣхота имѣетъ куртки съ краснымъ стоячимъ воротникомъ и мерлушчатую персидскую шапку съ красной выпушкой; солдаты носятъ черезъ плечи — два бѣлыхъ

ремня, изъ которыхъ на одномъ привѣшивается сума для 30 патроновъ, а на другомъ штыкъ въ кожаномъ чехлѣ. У артиллеристовъ куртка съ чернымъ стоячимъ воротникомъ и такая же шапка, какъ у пѣхоты; черезъ плечо носятъ на черномъ ремнѣ суму, въ которой помѣщается 30 пистолетныхъ патроновъ; кромѣ пистолетовъ артиллеристы вооружены старыми русскими казачьими саблями въ желѣзныхъ ножнахъ, носимыми на бѣлой портупеѣ; миръохуры носятъ серебрянные штабъ-офицерскіе эполеты съ чешуей, а караулъ-беги — оберъ-офицерскіе, кромѣ того миръ-охуры носятъ русскій шарфъ и на лѣвомъ плечѣ серебряный аксельбантъ. Нижніе чины пѣхоты и артиллеріи носятъ изъ чернаго сукна эполеты, кружекъ которыхъ набивается хлопчатой бумагой и обшивается кистями изъ бѣлыхъ нитокъ. Эполетъ пристегивается къ курткѣ пуговицей и пришивается. Вооруженіе миръ-охуровъ пѣхоты состоитъ изъ 2 пистолетовъ, пистоннаго ружья, бухарской сабли и небольшаго топорика съ посеребреной рукояткой, а у караулъ-беги тоже самое, съ тою только разницею, что рукоятка топорика обтягивается краснымъ сукномъ; вооруженіе пенджа-баши сходно съ караулъ-беги; только съ тою разницею, что чины эти ружья носятъ сами, тогда какъ у миръ-охуровъ и караулъ-беги они возятся прислугою. Чины артиллеріи имѣютъ такое же вооруженіе, какъ и въ пѣхотѣ, но носятъ сабли не бухарскія, а русскія — въ желѣзныхъ ножнахъ.

Пѣхота ранжируется справа на лѣво и располагается въ развернутомъ фронтѣ по старшинству сотенъ, начиная съ 1-й — въ двѣ шеренги. Миръ-охуры становятся на правые фланги своихъ сотенъ; а караулъ-беги на лѣвое. Четыре пенджа-баши становятся сзади 2-й шеренги на одинъ шагъ отъ нея, равняясь съ правофланговымъ человѣкомъ баталіона, а прочіе пенджа-баши такимъ же образомъ за лѣвымъ флангомъ баталіона. Десятники становятся въ первой шеренгѣ черезъ каждые 5 рядовъ. Въ баталіонѣ сарбазовъ имѣются два знамя: большое и малое, изъ которыхъ при раздѣленіи на полубаталіоны большое идетъ съ 1-мъ полубаталіономъ, а малое со 2-мъ. Большое знамя состоитъ изъ древка, оканчивающагося вверху серебряною шишкою, подъ которою кругомъ древка повѣшенъ черный коровій хвостъ, а подъ хвостомъ четырехъуголь-

ный кусокъ красной шолковой матеріи; малое знамя безъ хвоста и флагъ у него въ видѣ косынки. Большое знамя становится на одинъ шагъ впереди право-фланговаго миръ-охура 1-го полубаталіона, а малое знамя впереди право-фланговаго миръ-охура 2-го полубаталіона. Подъ каждое знамя назначается по одному человѣку. — Ружейные пріемы въ пѣхотѣ употребляются слѣдующіе: на плечо (на лѣвое), на краулъ, подъ курокъ, на руку, на правое плечо, отъ дождя и къ ногѣ. Заряженіе на 12 темповъ; пальба сотнями, дивизіонами, а также и вольное заряженіе и пальба. Шаги: тихій и скорый; при скоромъ берутъ ружье вольно; есть также бѣглый шагъ, при которомъ берутъ ружье на руку, — но только одна первая шеренга, а вторая въ это время держитъ ружье у лѣваго плеча, стоймя, отклоняя его нѣсколько въ лѣвую сторону. Построенія въ пѣхотѣ употребляются слѣдующія: справа и слѣва рядами, сотенныя колонны на сотенныхъ дистанціяхъ и густыя сотенныя колонны сотня отъ сотни, на одинъ шагъ. Передъ построеніемъ каре весь баталіонъ предварительно разсчитываютъ на 8 сотенъ, по 125 человѣкъ въ каждой, самое же построеніе каре изъ развернутаго фронта производится слѣдующимъ образомъ: передній фасъ составляется изъ 1 и 2 сотенъ, правый фасъ изъ 3 и 4, лѣвый изъ 5 и 6, и задній изъ 7 и 8, для чего 3, 4, 5, 6 сотни предварительно поворачиваются на лѣво кругомъ и заходятъ на свои мѣста плечами, а 6-й и 8-й слѣдуютъ рядами къ своему мѣсту и такимъ образомъ смыкаютъ каре; оба знамя становятся внутри каре. Для построенія каре изъ сотенной колонны на полныхъ дистанціяхъ 3 и 4 сотни заходятъ лѣвымъ плечемъ и составляютъ правый фасъ, а 5 и 6-я подвигаются впередъ и потомъ заходятъ правымъ плечемъ и составляютъ лѣвый фасъ. Въ каждой сотнѣ находится три барабанщика и два флейщика, а въ цѣломъ баталіонѣ, сверхъ сего, 4 трубача и 2 турецкихъ барабана. При баталіонныхъ ученьяхъ вся музыка строится вмѣстѣ и турецкіе барабаны бьютъ тогда только, когда играютъ трубачи. — Въ развернутомъ фронтѣ музыка становится около право-фланговаго миръ-охура въ колоннахъ, впереди колоннъ. Застрѣльщики выходятъ впередъ на 12 или 24 шага, и въ цѣпь изъ каждой сотни слѣдуетъ только первый и послѣдній ряды, т. е. 4 человѣка. Изготовляются застрѣльщики по

командѣ, а выходятъ по барабану или по трубѣ, отзываются тоже по барабану, а всѣ повороты дѣлаютъ не иначе, какъ по командѣ. Застрѣльщиками командуетъ кто нибудь изъ миръ-охуровъ, мѣсто котораго во фронтѣ занимаетъ его караулъ-беги. Застрѣльщиковъ учатъ прикрываться мѣстными предметами и лежа стрѣлять. Ученія сарбазамъ въ Бухарѣ производятся только весной; форму сарбазы носятъ только на ученьяхъ и въ походѣ, въ остальное же время кто что хочетъ, но шапку форменную непремѣнно должно носить всегда. Смотровъ эмиръ никогда не дѣлаетъ. Во всю службу Суворова, сарбазамъ противу непріятеля ни разу не привелось ни строить колоннъ, ни разсыпаться, ни употреблять вообще своего строя, а подходили къ крѣпости сотнями, прикрывая орудія или и безъ нихъ, но каждая сотня кучей.

Артиллерія училась прежде при орудіяхъ, которыя также, какъ домъ Шерукъ-хана, порохъ и всѣ снаряды находились въ сарбазъхане (казарма сарбазовъ), но съ годъ тому назадъ эмиръ раззорилъ домъ Шерукъ-хана и перевелъ его, а также всѣ орудія лафеты, снаряды и порохъ въ самый городъ, гдѣ и помѣстилъ артиллерійскія принадлежности близь своего дворца. Артиллеристы нынѣ обучаются только сабельнымъ пріемамъ и маршировкѣ. На каждое орудіе на ученіе въ прежнее время назначалось 10 человѣкъ, изъ которыхъ № съ банникомъ считался за старшаго и назывался дегъбаши (десятникъ). Ученіе съ орудіями, запряженными лошадьми, никогда не производится, да и самыя лошади доставляются подъ артиллерію за нѣсколько только дней до выступленія въ походъ — беками,—по раскладкѣ на ихъ счетъ, и потомъ къ нимъ же опять возвращаются послѣ похода. Артиллерія эмира состоитъ изъ пушекъ, мортиръ и единороговъ. Самая большая пушка заряжается 10 ф. пороху и $^1/_2$ пудовымъ ядромъ и возится 28 лошадьми; мортиръ считается 4, изъ коихъ двѣ большихъ и $^1/_2$ пуд. калибра и двѣ малыхъ $^1/_4$ пудовыхъ; единороговъ 3, 10, 15 и 20-фунтового калибра. Огонь сообщается заряду посредствомъ скорострѣльной трубки и, при стрѣльбѣ ядрами, ядро всегда кладется голое и отдѣльно отъ пороха, для котораго картузъ приготовляется изъ бязи. Изъ пушекъ самая малая имѣетъ однофунтовой калибръ и возится 4 лошадьми. Всѣ орудія имѣютъ лафеты о 4-хъ колесахъ съ перед-

ковыми ящиками, которые во время похода идутъ пустыми, или если въ нихъ и везутся заряды, то холостые — собственно для вѣстовыхъ пушекъ; боевые же заряды и порохъ идутъ на верблюжьихъ вьюкахъ. По приходѣ на мѣсто каждаго ночлега и по отпряжкѣ лошадей, по сигналу трубы, стрѣляютъ двѣ вѣстовыхъ пушки, по одному разу; утромъ даются три сигнала: первый разъ барабанъ для пѣхоты и труба для кавалеріи и артиллеріи—вставать; второй сигналъ, на тѣхъ же инструментахъ — ломать палатки и сѣдлать; третій разъ стрѣлять вѣстовымъ пушкамъ, играть генералъ маршъ и выступать. Въ артиллеріи имѣется своихъ 6 трубачей. Въ орудія запрягаютъ первую пару лошадей въ дышло, и къ этой парѣ пристегиваются на постромкахъ всѣ прочія лошади тоже попарно; на каждой изъ упряжныхъ лошадей садится по артиллеристу, за исключеніемъ дегъ-башей и офицеровъ, которые ѣдутъ верхами на особыхъ лошадяхъ. Передъ походомъ даютъ всякому пенджа-башѣ и рядовому по тиллѣ, для поправленія хозяйства, а въ походѣ отпускается на пропитаніе одна теньга на 3 дня, на каждаго человѣка. Для перевозки пѣхоты на каждыхъ 10 человѣкъ дается $2^1/_2$ арбы, въ которыхъ помѣщаются, кромѣ людей и ихъ имущества, и палатки; артиллеристамъ же для перевозки имущества и палатокъ полагается одна арба на 10 человѣкъ. Эмиръ или идетъ вмѣстѣ съ сарбазами или назначаетъ имъ какой нибудь городъ, въ которомъ они должны къ нему присоединиться; кавалерія же собирается по частямъ съ своими беками къ особо назначенному пункту. Дневокъ войска никогда не дѣлаютъ, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ назначенъ сборъ кавалеріи, тамъ дается одна дневка. Переѣзды въ арбахъ сарбазы дѣлаютъ отъ 21 — 48 верстъ въ сутки, останавливаясь на ночлеги близъ деревень и городовъ. Не доѣзжая нѣкотораго разстоянія до мѣста ночлега, выѣзжаетъ впередъ особый чиновникъ, называемый мирза-муфтаръ (ранжировщикъ), за которымъ ѣдутъ отъ пѣхоты и артиллеріи пенджа-баши (млад. унтеръ-офицеръ) съ жолнерными значками — для пѣхоты красными, а для артиллеріи черными. Мирза-муфтаръ выбираетъ мѣсто для ночлега, разбиваетъ лагерь, отмѣривая мѣсто для каждой части войскъ шагами и устанавливаетъ жолнеровъ, обозначая входы внутрь каре 4 значками, а мѣста для каждой сотни двумя. Сарбазы располагаются лагеремъ

всегда въ каре, передній фасъ коего составляетъ артиллерія, снятая съ передковъ, отодвигаемыхъ за орудія на 4 шага внутрь каре, за передками разбиваются коновязи, за коновязями палатки, за палатками арбы — оглоблями внутрь каре. Прочіе три фаса каре занимаетъ пѣхота, имѣя въ поле арбы, поставленныя оглоблями внутрь каре, за арбами лошадей и потомъ палатки. Ружья поставляются въ козлы по десяткамъ, между палатками. Эмиръ располагается всегда внѣ каре, чаще около праваго фланга артиллеріи. Въ каре устраивается два входа: одинъ главный, въ серединѣ артиллеріи, шириною 12 шаговъ, а другой въ томъ фасѣ, противу котораго располагается эмиръ. При главномъ входѣ становится и главный лагерный караулъ, состоящій изъ миръ-охура съ его пенджа-башами (чины эти дежурятъ поочередно, начиная съ 1 сотни). Изъ этого караула уже высылаются по очереди два пенджа-баши для охраненія малаго входа. Каждое утро дежурный миръ-охуръ доноситъ о благополучіи лагеря Шерукъ-хану. Внутри каре и вблизи одного изъ его фасовъ становится огромный шатеръ изъ двойнаго холста, покрытаго лакомъ, въ которомъ складываются ящики съ порохомъ (въ 5 четв. длиною и шириною), ядра же кладутся около шатра, въ мѣшкахъ. Для караула сего склада назначается ежедневно отъ каждой сотни пѣхоты по 10 человѣкъ, изъ которыхъ и ставятся кругомъ склада часовые, на разстояніи другъ отъ друга 9 шаговъ; для общаго же полеваго караула лагеря ежедневно высылается отъ каждой сотни пѣхоты по 20 человѣкъ, подъ начальствомъ дегъ-башей, изъ коихъ 10 становится впереди праваго, а 10 впереди лѣваго фланга своей сотни и въ 10 шагахъ отъ арбъ; часть этихъ караульныхъ стоитъ на часахъ, а прочіе лежатъ. На фасѣ артиллеріи ставится свой караулъ: между каждыми двумя пушками по часовому. Въ серединѣ каре располагается палатка Шерукъ-хана и при ней оба знамя сарбазовъ; вблизи же этой палатки вѣшается на козлахъ колоколъ, при которомъ ставится особо назначаемый человѣкъ съ карманными часами и бьетъ часы. Смѣна часовыхъ производится чрезъ 1½ или 2 часа. Въ каре никто не впускается, даже не исключая посыльныхъ эмира (мехремовъ) безъ доклада объ этомъ дежурнымъ миръ-охуромъ Шерукъ-хану: за несоблюденіе же сего правила дежурные при маломъ входѣ пенджа-

баши наказываются 75 розгами. Въ разстояніи 26 саженъ отъ фасовъ каре сарбазовъ и окружая его со всѣхъ сторонъ, располагаются палатки кавалеріи, а на 25 шаговъ впереди своихъ палатокъ кавалерія высылаетъ свой караулъ, состоящій изъ 4 или 6 знаменъ (каждое знамя въ 500 чел. съ бекомъ); этотъ послѣдній караулъ уже окружаетъ и охраняетъ общее расположеніе арміи, здѣсь часовые, или сидя на лошади или держа ее въ поводу, становятся другъ отъ друга на разстояніи 4 шаговъ и черезъ 4 человѣка въ пятый подаютъ сигналъ, крича: ушаръ (слушай) или берьбулъ или же гушуяръ-булъ (стой осторожно). Кромѣ этихъ карауловъ, вблизи непріятеля высылается версты на $1^{1}/_{2}$ отъ лагеря, на какое нибудь возвышенное мѣсто, такъ называемый отъѣзжій караулъ, состоящій не менѣе какъ изъ 4 знаменъ. Съ ранняго утра до полдня стоятъ одни знамена, а съ полдня и до утра другіе подъ начальствомъ своихъ бековъ. Караулы сарбазовъ осматриваются въ полночь рундомъ, въ который назначается дежурный у главныхъ воротъ миръохуръ, съ 3-мя сарбазами; сверхъ сего, для осмотра карауловъ ночью, посылаются отъ главнаго караула черезъ каждые два часа два пенджа-баши. Рундъ, подходя къ десяткамъ, выставленнымъ впереди каждой сотни, опрашивается часовыми и отзывается гезма (рундъ), въ слѣдствіе чего его останавливаютъ, вызываютъ дегъбаши, который спрашиваетъ у рунда отзывъ (обыкновенно названіе города), послѣ чего рундъ идетъ далѣе.

Число кавалеріи, выставляемой въ поле собственно въ ханствѣ Бухарѣ, простирается до 40 т. всадниковъ, раздѣляющихся на полки, предводимые беками. Каждый бекъ, по требованію эмира, обязанъ выставлять вполнѣ снаряженный 500-й полкъ, въ которомъ имѣются большой и малый значки разныхъ цвѣтовъ, — каждый съ серебряной вверху шишкой и коровьимъ хвостомъ. Каждому вновь призываемому на службу кавалеристу дается отъ правительства единовременно три тилли на покупку лошади и сѣдла, въ случаѣ же убыли лошади отъ падежа или въ сраженіи, казна выдаетъ кавалеристу лошадь или деньги на покупку оной. Кромѣ сего, каждый разъ передъ выступленіемъ въ походъ даютъ каждому кавалеристу на содержаніе себя и лошади и на платье одну тиллю; а по прошествіи въ походѣ 30 дней другую и т. д. до конца похода. Въ каждомъ

кавалерійскомъ полку имѣются слѣдующіе чины: миръ-охуры-сотенные начальники, караулъ-беги-полусотенные, джаваччи-начальники 25 чел., мирза-баши—унт. офицеры и дегъ-баши-десятники. Всѣ кавалеристы пользуются казенною землею, и собранный съ нея хлѣбъ идетъ въ ихъ пользу. Жатва съ этихъ полей дѣлится въ полку между каждымъ чиномъ особо, т. е. караулъ беги дѣлятъ между собой, миръ-охуры тоже и также дегъ-баши. Дегъ-баши, по количеству даваемой ему земли, долженъ получать съ нея: 12 четвертей пшеницы весной, да изъ осенняго сбора 12 четверт. джуары и хлопчатой бумаги или какимъ либо другимъ плодомъ, хотя бы и дынями. Въ случаѣ, если бы дегъ-баши или другой чинъ, по неурожаю, получилъ хлѣба менѣе, чѣмъ ему полагается, то правительство на это не обращаетъ уже вниманія и никакого вспоможенія не дѣлаетъ; обыкновенно всѣ кавалеристы отдаютъ свою землю обрабатывать свободнымъ землепашцамъ изъ $^1/_4$ или изъ $^1/_2$ сбора, но, большею частію, берутъ съ нихъ не хлѣбомъ, а деньгами. Званіе бека по большей части бываетъ наслѣдственное; сынъ бека начинаетъ службу съ мирза-баши, и обыкновенно всѣ первые чины жалуются ему его отцомъ; въ званіе же бека онъ возводится эмиромъ и получаетъ въ команду полкъ или послѣ отца или какой либо другой, по назначенію эмира. Подчиненные беку кавалеристы отнюдь не считаются его рабами, а пользуются правами вольнослужащихъ.

Въ каждомъ кавалерійскомъ полку состоитъ 150 человѣкъ, съ фитильными ружьями на сошкахъ, которые для стрѣльбы каждый разъ слѣзаютъ съ лошадей; остальные же люди вооружены только саблями и пиками, кавалеристы порохъ и свинецъ обязаны имѣть свой. Порохъ выдѣлываютъ крупный и мелкій, въ Карши, Самаркандѣ и Бухарѣ, частные люди, у которыхъ эмиръ покупаетъ порохъ, смотря по его достоинству, отъ 4 до 6$^1/_2$ тиллей за батманъ. На базарахъ продается 1$^1/_4$ фунта пороха за 15 коп. серебр. Селитру добываютъ изъ озеръ, находящихся около Бухары, уголь употребляется таловый; сѣру же, а также каменную соль и свинецъ добываютъ въ горахъ, лежащихъ къ востоку отъ Карши. Литьемъ орудій занимается Индѣецъ Насыръ-ханъ, проживающій въ Бухарѣ 7 лѣтъ и служившій 14 лѣтъ въ англійскихъ войскахъ въ Индіи.

Эмиръ очень боится, чтобы Индѣецъ не извелъ его какимъ нибудь образомъ и давно-бы зарѣзалъ Насыръ-хана, если бы имѣлъ кого нибудь другаго для литья орудій. Кромѣ собственныхъ войскъ, эмиру во время войны высылаются войска и отъ вассальныхъ его владѣтелей. Съ годъ тому назадъ ему присылались еще вспомогательные отряды отъ владѣтелей Анху, Майманэ и Акчи (близь Анху), но въ настоящее время эти владѣнія состоятъ подъ властію Герата, и потому въ нѣнѣшнемъ году къ нему являлись только два вассала: при походѣ изъ Ура-Тюпе въ Ходжендъ прибылъ къ нему съ 500 всадниками независимый владѣтель Маччона (небольшая область изъ 3 до 4 городковъ въ самыхъ вершинахъ Зарьавшала, въ горахъ), а чрезъ двѣ недѣли послѣ него пришелъ съ 10,000 всадниковъ владѣтель Гиссара (изъ числа 10,000 двѣ тысячи имѣли ружья на сошкахъ съ фитилемъ, а остальные были вооружены пиками и саблями). Этотъ послѣдній вассалъ объявилъ эмиру, чтобы онъ не слишкомъ полагался на преданность Маччонскаго владѣтеля, который только лишь сражался противу бухарскихъ войскъ въ Ура-Тюпе. Слѣдствіемъ такого навѣта было то, что эмиръ прогналъ отъ себя 500 маччонскихъ всадниковъ, отправилъ для управленія въ Маччонъ своего бека, а самого маччонскаго владѣтеля съ сыномъ привезъ въ Бухару и тамъ зарѣзалъ.

Владѣтели Анху и Майманэ выставляли постоянно отъ 500 до 2,000 всадниковъ. По окончаніи похода, эмиръ даетъ вассаламъ разные подарки, а ихъ войскамъ, всѣмъ чинамъ безъ разбора, жалуетъ по халату. Изъ своихъ же войскъ только включительно до чина дегъ-баши даетъ по халату, а нижнимъ чинамъ ничего.

Въ настоящемъ году эмиръ стоялъ подъ Ура-Тюпе съ арміею въ 50,000 челов., при 15 орудіяхъ, 9 дней, лагеремъ, въ 150 сажен. отъ Ура-Тюпе—на горѣ, внизу которой находится самая крѣпость. Пальбу изъ орудій производили всего только два раза, послѣ чего Коканцы бросили городъ и бѣжали, а жители, недовольные бекомъ своимъ, отворили немедленно ворота эмиру. Теперь Ура-Тюпе и Заминъ уступлены Коканскимъ ханомъ Бухарѣ и тамъ управляютъ бухарскіе беки. Подъ Ходжендомъ Бухарцы стояли 15 дней,—лагеремъ, въ 2½ верстахъ отъ города, къ которому разъ пять под-

ходили стрѣлять изъ пушекъ и потомъ вернулись назадъ въ Бухару, куда, идя весьма спѣшно, дошли въ 14 дней.

Къ Аму-Дарьѣ Суворовъ ходилъ два раза въ 1841 и 42 годахъ, осенью. Въ первый разъ, дойдя до Аму-Дарьи, эмиръ простоялъ тутъ 4 дня, производя въ это время перестрѣлку съ Хивинцами, находившимися на противоположной сторонѣ рѣки—послѣ чего возвратился въ Бухару. Армія въ этотъ походъ была собрана въ составѣ 100,000, и не только въ нее призваны были войска, но даже купцы и крестьяне, такъ какъ эмиръ чрезвычайно боялся перехода Хивинцевъ на правую сторону рѣки. Причиною такого страха служило то обстоятельство, что весною 1840 г., когда эмиръ находился подъ Коканомъ хивинскій ханъ Алла-Кулъ, переправясь чрезъ Аму, страшнымъ образомъ опустошилъ многія бухарскія селенія: топталъ людей лошадьми, кучами жегъ младенцевъ и множество мужчинъ и женщинъ увелъ въ плѣнъ, такъ, что нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ еще не возвратились изъ хивинскихъ владѣній, гдѣ они поселены въ окрестностяхъ Куня-Ургенча. Въ этотъ же походъ Алла-Кулъ раззорилъ г. Каракуль и доходилъ до Чоръ-Шамбэ-Раметана, въ 32 верстахъ отъ Бухары (сѣвернѣе Каракуля, въ 40 верст. отъ него, на караванной дорогѣ изъ Хивы въ Бухару).

Движеніе арміи эмира черезъ южную окраину песковъ Кизылъ-Кумъ производилось эшелонами, тысячъ въ 10 каждый. Орудій было въ оба похода 12, а въ первый походъ, кромѣ того, было и 32 джезанлія, возившихся на верблюдахъ, съ которыхъ производилась и самая пальба изъ джезанлей. Орудія везлись черезъ пески день и ночъ на лямкахъ, и каждое орудіе тащили 200—250 человѣкъ, перемѣнявшихся на каждой верстѣ; пѣхота арбъ не имѣла и шла пѣшкомъ. Во второмъ походѣ было всего только 35,000 войска, эмиръ простоялъ на Дарьѣ всего только два дня. Кромѣ этихъ двухъ походовъ эмиръ ходилъ весною 1841 г. подъ Хазаръ-Аспъ, но тогда никто изъ русскихъ плѣнныхъ въ походѣ не участвовалъ; сколько же извѣстно изъ разсказовъ самихъ Бухарцевъ, то походъ этотъ кончился весьма неудачно. Эмиръ, переправясь чрезъ Аму, ниже Чарджуя, и обложивъ Хазаръ-Аспъ, послалъ свою конницу для раззоренія Хивы, но конница эта была разбита на голову и эмиръ послѣ 10-ти дневной осады, не взявши крѣпости, пошелъ назадъ за

рѣку и притомъ съ такою скоростію, что остатки разбитой его кавалеріи не успѣли даже къ нему присоединиться и были совершенно уничтожены Хивинцами.

Городъ Шяхри-Сябзъ расположенъ въ лощинѣ, въ ½ верстѣ отъ рѣки того же имени, съ трехъ сторонъ и на разстояніи 2½ верстъ окружаютъ городъ высокія горы — и только со стороны Бухары окрестная мѣстность города болѣе доступна. 14 лѣтъ продолжалась война эмира съ Шяхри-Сябзомъ и, кромѣ властолюбія бухарскаго владѣльца, причинами къ войнѣ служили еще слѣдующія обстоятельства: 1) Еще до войны эмиръ и его сынъ женились на двухъ родныхъ сестрахъ шяхри-сябзскихъ владѣтелей; но жена эмира, видя холодность къ себѣ мужа, завела сношенія съ однимъ изъ шяхри-сябзскихъ бековъ, проживавшихъ въ Бухарѣ и наконецъ съ нимъ бѣжала въ Шяхри-Сябзъ, гдѣ и вышла замужъ. 2) Въ слѣдъ за этимъ происшествіемъ явился къ эмиру изъ Кабула Бобододхо, братъ шахри-сябзскаго владѣльца Ходжа-Кула, и просилъ эмира возвратить ему владѣнія его предковъ, обѣщая за это приличныя съ своей стороны вознагражденія. Отсюда произошла война, кончившаяся для эмира покореніемъ Шахри-Сябза, а для Бобододхо тѣмъ, что онъ принужденъ былъ бѣжать въ Ташкендъ, гдѣ и понынѣ находится. Лишившись одной жены изъ шяхри-сябзскаго дома, эмиръ женился въ послѣдствіи на другой сестрѣ шахри-сябзскихъ владѣтелей, женщинѣ замѣчательной красоты, отнятой имъ у одного изъ шахри-сябзскихъ бековъ, за которымъ она была замужемъ. Не смотря на то, что эмиръ, каждый разъ какъ посѣщаетъ эту женщину, дѣлаетъ ей огромные подарки, жизнь ея все таки не можетъ считаться счастливой, ибо, приходя къ ней, эмиръ каждый разъ приводитъ съ собою и одного изъ самыхъ любимыхъ своихъ мальчиковъ, и въ то время, когда жена его своими ласками успѣетъ взволновать въ старикѣ кровь, онъ немедленно обращается къ своему мальчику и въ глазахъ жены удовлетворяетъ свою страсть на своемъ любимцѣ. Все, признаваемое эмиромъ, потомство его состоитъ изъ сына и 2-хъ дочерей, отданныхъ замужъ въ Бухарѣ. Сынъ эмира и наслѣдникъ бухарскаго престола, Музофаръ-ханъ въ настоящее время имѣетъ отъ роду 34 года, женатъ и имѣетъ 3-хъ сыновей, 7, 9 и 12 лѣтъ, которые пріѣзжали нынѣшнимъ лѣтомъ

въ Бухару просить у дѣда разрѣшенія на обрѣзаніе, на что и получили согласіе эмира и 2,000 тенегъ на устройство праздника по этому случаю. Принцъ-наслѣдникъ хорошъ собою, похожъ лицомъ на эмира; до 20 лѣтъ онъ жилъ постоянно въ Бухарѣ во дворцѣ отца, а потомъ назначенъ бекомъ въ Кермине. Принцъ очень умный и добрый человѣкъ, но участія въ дѣлахъ государства эмиръ ему не даетъ изъ опасенія, чтобы народъ не перешелъ на сторону принца. Во время войны принцъ командуетъ какимъ нибудь резервомъ въ Самаркандѣ или Джизахѣ; въ сраженіяхъ никогда не участвовалъ, а если и призывается въ армію эмира, то при окончаніи компаніи, причемъ отецъ видится съ сыномъ не болѣе часа. Проѣзжая чрезъ Кермине, эмиръ тамъ никогда не останавливается, избѣгая свиданія съ сыномъ, и принца въ Бухару никогда не призываетъ. Кромѣ Кермине въ вѣдѣніи принца находится и округъ Нурата, въ которомъ кочуютъ Киргизы. Главный городъ этого округа— Нурата лежитъ къ сѣверу отъ Кермине въ 12 камняхъ, населенъ Узбеками и Киргизами, изъ которыхъ составляется для защиты его гарнизонъ въ числѣ 500 человѣкъ. Нурата обведенъ стѣной, имѣетъ прекрасную ключевую воду и черезъ него проходятъ караваны, идущіе изъ Акъ-Мечети въ Бухару. Отъ колодца Юзъ-Кудукъ, лежащаго на караванной дорогѣ изъ Бухары въ Казалу, Нурата отстоитъ къ востоку на 15-ть камней. По дорогѣ изъ Кермине въ Нурату и въ 6-ти камняхъ сѣвернѣе сего послѣдняго города лежитъ большое селеніе Мѣхъ, состоящее тоже въ вѣдѣніи принца. Въ окрестностяхъ Нураты и Джизаха кочуетъ очень много Киргизъ, съ которыхъ эмиръ беретъ два раза въ годъ пошлину: каждый разъ по одной скотинѣ съ 40. При дворѣ эмира до сихъ поръ живутъ два сына убитаго имъ коканскаго хана: старшій Усень-ханъ 28 лѣтъ и младшій Музафаръ-ханъ 25 лѣтъ, эмиръ проситъ имъ во владѣніе Ходжендъ, но коканскій ханъ постоянно въ этомъ отказываетъ. Бухарцы говорятъ, что они были бы очень рады, если бы мы завладѣли Ташкендомъ, тогда бы имъ легче было завоевать Коканъ, не смотря даже на то, что Ташкендцы постоянно и даже нынѣшній годъ присылали просить эмира о принятіи ихъ въ подданство Бухары, говоря: чѣмъ намъ доставаться Русскимъ, мы лучше

хотимъ быть у единовѣрнаго государя, — но эмиръ постоянно отъ этаго отказывается.

Всѣ дороги, по которымъ ходилъ эмиръ, измѣрены шагами его скороходовъ. Измѣреніе это дѣлается такимъ образомъ, что по проходѣ 9,000 шаговъ, составляющихъ ташъ (камень), скороходъ, ведущій лошадь эмира подъ узцы говоритъ: ташъ, и тамъ кладутъ камень, за тѣмъ ведетъ подъ узцы лошадь другой скороходъ и дѣлаетъ тоже самое и т. д.

Укрѣпленные пункты въ бухарскомъ ханствѣ, кромѣ Бухары, слѣдующіе: Джизахъ, окруженъ глиняною стѣною, въ которой 4 воротъ, пушка одна, чугунная, 3-хъ фунтовая, жителей и кочующихъ вблизи Киргизовъ, которые въ случаѣ надобности собираются въ крѣпость для ея защиты, до 5,000. Джизахъ стоитъ въ лощинѣ на ключахъ, проходящихъ черезъ самую крѣпость, въ которой для сохраненія воды сдѣланы пруды. Самаркандъ окруженъ глиняною стѣною, но орудій нѣтъ ни одного. Китта-Курганъ окруженъ стѣною, но орудій нѣтъ. Заминъ окруженъ стѣною, имѣетъ 3 орудія 2-хъ и 3-хъ фунт. калибра, 6 крѣпостныхъ ружей и 500 человѣкъ бухарскаго гарнизона. Зіяддинъ, Янги-курганъ (между Зіяддиномъ и Кермине), Кермине, Миттанъ (въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ Китты-кургана), Карши и Усть-ты (по дорогѣ изъ Хивы въ Бухару) окружены стѣнами, но орудій не имѣютъ. Карки, по дорогѣ изъ Бухары въ Балхъ, на правомъ берегу Аму, окруженъ стѣною и имѣетъ одно орудіе 5 фунт. калибра. Здѣсь находятся лодки, состоящія въ вѣдѣніи каркинскаго бека, на которыхъ производится переправа черезъ Аму. Ура-Тюпе окруженъ стѣною, имѣетъ 3,000 человѣкъ бухарскаго гарнизона и 4 орудія: два большихъ и два маленькихъ и 12 крѣпостныхъ ружей. Чарджуй построенъ въ 2-хъ верстахъ отъ лѣваго берега Аму, снабжается водою изъ этой рѣки посредствомъ канавъ, расположенъ на низменномъ мѣстѣ и имѣетъ гарнизону 2,500 человѣкъ и одно чугунное орудіе 3-хъ фунтов. калибра.

По дорогѣ въ Коканъ на нѣкоторые припасы существовали слѣдующія цѣны: 10 снопов сѣяной травы продавались отъ 10 до 20 копѣекъ ассигн., батманъ ячменя — 4 теньги, каменной соли 5 фунтовъ 4 коп. ассигн. Въ Бухарѣ же, по большей части, продаются

припасы: батманъ сарацинскихъ крупъ 28 — 31 теньга, батманъ джугары 8 тенегъ, 20 фунтовъ баранины — $2^1/_2$ теньги и говядины 5 фунт. 20 коп. ассигн.

Довѣренныхъ людей у эмира очень мало, въ настоящее время съ нимъ постоянно бесѣдуетъ въ Бухарѣ и во время походовъ любимецъ его Токсаба-мурза-туйгунъ, не занимающій никакой особой должности, но и его однажды эмиръ выгонялъ отъ себя палками. Сарбазами до Шерукъ-хана управлялъ Бухарецъ Улу-бекъ-токсаба, а ранѣе сего послѣдняго Персіянинъ изъ Тавриза Наибъ-Абдусамадханъ; Наибъ этотъ, оскорбленный эмиромъ, хотѣлъ было передаться шахри-сябзскимъ владѣльцамъ, но эмиръ успѣлъ перехватить переписку Наиба и сейчасъ же его зарѣзалъ.

3.

Иванъ Ненилинъ, 60 лѣтъ отъ роду, казакъ сибирскаго войска № 4-го полка, взятъ въ плѣнъ въ 1840 году, при уроч. Улу-Тау, вмѣстѣ съ Суворовымъ, Киргизами мятежника Кенисары Касимова. Черезъ $1^1/_2$ мѣсяца по плѣненіи былъ препровожденъ въ подарокъ къ бухарскому эмиру; но когда эмиръ узналъ, что посланникъ его, поѣхавшій съ Бутеневымъ, не былъ принятъ въ Россіи, то, разсердясь на Русскихъ, продалъ Ненилина своему адъютанту (Пансатъ баши) за 22 червонца, у котораго Ненилинъ и находился 7 мѣсяцевъ, живя въ помѣстіи своего господина въ 8 верстахъ отъ Бухары при р. Джугунѣ, впадающей въ Зарьавшанъ — въ деревнѣ Ичке-Тамъ. Черезъ 7 же мѣсяцевъ, когда, командовавшій сарбазами, Наибъ (Шерукъ—хана тогда еще не было) просилъ эмира о пополненіи сарбазовъ русскими плѣнными, былъ перемѣщенъ въ сарбазы и Ненилинъ. Ненилинъ ходилъ 12-ть разъ подъ Шяхри-Сябзъ, нынѣшній годъ подъ Ходжендъ и два раза къ р. Аму-Дарьѣ—противу Хивинцевъ вмѣстѣ съ Суворовымъ. Для литья орудій у эмира живетъ Кабулецъ Насыръ-ханъ, котораго всѣ признаютъ за Англичанина,—но онъ не сознается. Насыръ-ханъ въ Бухарѣ уже лѣтъ 7, льетъ орудія отлично, гораздо лучше Шерукъ-хана и пользуется расположеніемъ эмира, по необходимости въ такомъ человѣкѣ. Шяхри-

сябзскій владѣлецъ въ настоящее время живетъ въ Бухарѣ — имущество его сохранено, и въ добавокъ на содержаніе его даются всѣ сборы съ г. Каракуля. О путяхъ, по которымъ ходилъ Ненилинъ въ походахъ, по слабой памяти, сообщить ничего не можетъ. О сарбазахъ и объ устройствѣ ихъ и артиллеріи показалъ тоже самое, что Суворовъ, съ слѣдующимъ добавленіемъ: карауловъ во дворцѣ эмира сарбазы не содержатъ, а только къ пороховому складу близь дворца ежедневно наряжается 4 ряд., 1 ефр., 1 унт. оф. и 1 оф. Зданіе, гдѣ хранятся снаряды и порохъ, 2 этажное, лежатъ на дворѣ, а порохъ хранится въ самомъ зданіи въ глиняныхъ кувшинахъ, закрытыхъ плитами. Разрывные снаряды лежатъ пустыми и начиняются передъ выступленіемъ въ походъ; начинкой завѣдуетъ одинъ изъ артиллерійскихъ миръ-охуровъ, Матусембекъ, родомъ Персіянинъ. За годъ передъ симъ перехвативъ письма Шерукъ хана въ Персію, въ которыхъ ханъ писалъ, что пользуется огромнымъ вліяніемъ въ Бухарѣ и что всѣ военныя силы эмира находятся въ его рукахъ, — Насыръ-улла обобралъ всѣ имѣнія у Шерукъ-хана, засадилъ его въ темницу въ собственномъ дворцѣ — гдѣ ханъ высидѣлъ 6 мѣсяцевъ, и только передъ походомъ въ нынѣшнемъ году въ Коканъ получилъ свободу. Во время похода въ Коканъ Ненилинъ слышалъ, что тамъ находится 7 человѣкъ Англичанъ, которые учатъ коканскія войска стрѣльбѣ, и дѣйствительно стрѣльба эта въ нынѣшнемъ году была очень хороша, такъ что Коканцы изъ Ходжепда подбили у эмира двѣ пушки. Въ то самое время, когда Коканцы осадили фортъ Перовскій, эмиръ тоже сталъ собирать войска свои и готовиться къ походу, будто бы въ Коканъ; но, когда получилъ извѣстіе, что Коканцы страшно разбиты, тотчасъ же распустилъ свою армію, сказавъ: «Русскіе нынѣ стали очень проворны и сильны, и въ послѣдствіи, не смотря на неоднократныя предложенія коканскаго хана и въ собственности хана хивинскаго, идти общими силами на Сыръ, эмиръ постоянно отъ этого отказывался, говоря:» идите и дѣлайте, что хотите. Русскіе меня не трогаютъ, и я не хочу съ ними начинать дѣла». Цѣны на дрова въ Бухарѣ существуютъ слѣдующія: верблюжій вьюкъ саксаульника 5—9 тенегъ, а ослиный—1 ½; бревно отъ 10 до 12 аршинъ длиною и въ отрубѣ 4 вершка — червонецъ.

4.

Василій Пшеничниковъ, 63 лѣтъ отъ роду, родился въ пермской губерніи, камышловскаго уѣзда, государственный крестьянинъ, служилъ въ линейномъ оренбургскомъ баталіонѣ, расположенномъ въ г. Троицкѣ, въ 4-й ротѣ, взятъ въ плѣнъ лѣтъ 40 тому назадъ, близъ г. Троицка, на рыбной ловлѣ, Киргизами, которые увели его за р. Тоболъ. Тамъ плѣнный находился въ продолженіи 6 мѣсяцевъ, потомъ былъ отвезенъ въ г. Бухару и проданъ одному купцу за 30 червонцевъ и лошадь. У купца жилъ 17-ть лѣтъ въ работникахъ, занимаясь земледѣліемъ; съ учрежденіемъ же сарбазовъ взятъ туда съ уплатой хозяину 20 черв.; въ сарбазахъ находился 22 года и потомъ до отправленія въ Россію 2 года былъ въ отставкѣ. Сарбазовъ при учрежденіи было 500 человѣкъ, составленныхъ изъ Персіанъ и 30 Русскихъ. При взятіи Кокана у эмира было войска до 40,000 человѣкъ и 12 орудій. Походъ этотъ совершался весною; и въ Ходжендѣ тогда забрали 4 пушки, городъ ограбили и, простоявъ два дня, пошли въ Коканъ. Коканскимъ ханомъ былъ тогда Магометъ-Али-ханъ. По взятіи Кокана, городъ и окружающія его селенія отданы были на разграбленіе бухарской конницѣ, а дворецъ хана сарбазамъ, которые тутъ захватили 16 сундуковъ съ разными платьями и 30 женъ, а казну эмиръ взялъ себѣ. Ханъ бѣжалъ въ Магерланъ, но былъ тамъ схваченъ и потомъ привезенъ въ телегѣ въ Коканъ, гдѣ его и зарѣзали. Изъ сыновей хана одного эмиръ зарѣзалъ въ Джизахѣ на обратномъ пути, а двоихъ съ матерью взялъ въ Бухару. Въ Коканѣ эмиръ пробылъ 14 дней. Коканъ величиною съ Бухару, построенъ на глинистомъ грунтѣ, улицы широки, вода ключевая, зданія такія же какъ въ Бухарѣ, т. е. по большей части изъ глины и сырца. На слѣдующую весну эмиръ послалъ въ Коканъ 300 маст., которые въ тотъ же годъ были заложены въ стѣну Коканцами, — бухарскій начальникъ убитъ и съ нимъ до 100 человѣкъ. Въ Ходжендѣ 2 стѣны на разстояніи одна отъ другой саж. 15-ти, къ р. Сыру стѣны нѣтъ; впереди стѣнъ располагаются стрѣльцы за небольшимъ брустверомъ въ ростъ че-

ловѣка. Пушки стрѣляютъ черезъ амбразуры, продѣланныя въ подошвѣ стѣны. О походѣ въ Хазаръ-Аспъ плѣнный ничего положительнаго сказать не можетъ по той причинѣ, что эмиръ, разсердясь, что посланный съ Бутеневымъ бухарскій посланникъ не былъ принятъ въ Россіи, распродалъ всѣхъ русскихъ, находившихся въ сарбазахъ въ то самое время, когда совершали походъ въ Хазаръ-Аспъ. О дорогахъ въ Балхъ и въ верховья Аму—никто не знаетъ, потому что тамъ никто не былъ и ходить съ караванами туда никому не позволялось. Хорошая земля около канавъ и на высокихъ мѣстахъ подъ Бухарой продается-танапъ 15 черв., а солончаки 2 и 3 черв. Лѣсъ самородный въ родѣ ели — (по бухарски арча) вывозится изъ горъ, лежащихъ за Самаркандомъ и сплавляется по Зарьавшану въ с. Курбунъ, въ одномъ ташѣ отъ Бухары, куда потомъ перевозится уже на арбахъ. Арча кладется въ основаніе домовъ и бревно саж. 2 длиною и 1½ четв. толщиною въ отрубѣ стоитъ три теньги. Жители прибрежной мѣстности отъ Кермине и до Самарканда по обоимъ берегамъ Зарьавшана, называемой Менкомъ, гонятъ въ Курбунъ осиновый и таловый лѣсъ; осиновыя бревна, идущія на балки, длиною 2½ саж., толщиною внизу 6 вершковъ — продаются по 5 тенегъ. Большой верблюжій вьюкъ крупнаго саксаулу стоитъ 6 тенегъ; мелкаго кустарника (по бухарски яушонъ и говрыкъ) верблюжій вьюкъ продается перваго 2 теньги, а втораго 3 и 3½.

5.

Павелъ Ярковъ, 36 лѣтъ отъ роду, государственный крестьянинъ оренбургской губерніи челябинскаго уѣзда, дер. Качагаровой. Взятъ въ плѣнъ мятежными Киргизами Кенисары Касимова въ 1844 году, во время рыболовства на р. Тоболѣ, вмѣстѣ съ другимъ своимъ однодеревенцемъ; у Кенисары плѣнные жили мѣсяца 3, потомъ Ярковъ отправленъ въ подарокъ къ бухарскому эмиру, а товарищъ его къ хивинскому хану; по приводѣ къ эмиру тотчасъ же посланъ въ сарбазъ-хане, гдѣ и находился до настоящаго времени. Не смотря на то, что Ярковъ былъ мужикъ, его прямо поставили въ ряды

сарбазовъ и учили на равнѣ съ старослуживыми, такъ какъ отъ сарбазовъ особой отчетливости во фронтовомъ образованіи не требуется, и кто какъ умѣетъ, такъ и служитъ, да притомъ же другіе русскіе плѣнные заранѣе переводили ему всѣ команды и объясняли, что по нимъ исполнять, въ слѣдствіе сего, безъ одиночнаго ученія, Ярковъ дошелъ до одинаковаго военнаго образованія съ прочими сарбазами. Ярковъ ходилъ въ походъ подъ Шяхри-Сябзъ и нынѣшній годъ подъ Коканъ. Во всѣ походы рукопашнаго боя ни разу не было; воинственнаго духу въ сарбазахъ никакого нѣтъ, при опасности прячутся въ ямы и при удачномъ выстрѣлѣ противника разбѣгаются. Разъ подъ Шяхри-Сябзомъ эмиръ приказалъ устроить лѣстницы для штурма, но ихъ не употребляли, а сдѣлали больше для страха непріятеля. Для подхода къ крѣпости строютъ подъ нею рвы съ валикомъ изъ земли и сучьевъ, въ которыхъ лежатъ и стрѣляютъ; съ разу же близко къ крѣпости не подходятъ.

6.

Ѳедоръ Федотовъ, 50 лѣтъ, изъ польскихъ военноплѣнныхъ, служилъ въ линейномъ оренбургскомъ батальонѣ № 6-го, расположенномъ въ крѣпости Озерной, взятъ въ плѣнъ около станицы Маріинской, во время осмотра кордоннаго сѣна въ 1837 году. Черезъ 9 мѣсяцевъ и послѣ перевозки изъ аула въ аулъ отвезенъ въ Бухару, гдѣ и проданъ за 20 тиллей эмиру, который тотчасъ же отослалъ Федотова въ сарбазъ-хане; послѣ же непринятія въ Россіи Бухарскаго посла, отправленнаго съ Бутеневымъ, проданъ одному Бухарцу въ Бухарѣ за 36 четв., у котораго и жилъ 9 мѣсяцевъ, а потомъ опять за ту же цѣну купленъ въ сарбазы. Ходилъ въ походъ 5 разъ—въ Коканъ, да въ Шяхри-Сябзъ ходилъ разъ до 20 и три раза къ Аму-Дарьѣ.

Городъ Коканъ очень обильно снабженъ водою; въ каждомъ домѣ въ срединѣ пола вырыта яма, обдѣланная кирпичами и закрываемая камнемъ. Эту яму постоянно наполняетъ прекрасная проточная вода, проведенная по всѣмъ, безъ исключенія, жилымъ строе-

ніямъ въ городѣ. По всей дорогѣ отъ Бухары до Кокана хлѣбопашество развито вездѣ очень сильно, только отъ Замина по дорогѣ къ Бухарѣ таша на 2 лежитъ голая непаханая степь. Лошадей подъ артиллерію собираютъ отъ бековъ за 2 недѣли до выступленія въ походъ. Лошади нисколько не пріѣзжены и по большей части аргамаки. Цѣнность поставляемыхъ аргамаковъ простирается отъ 4 до 20 черв. за каждаго. Цѣнность туркменскихъ лошадей, назначаемыхъ въ походъ, простирается отъ 20—30—50 черв.. а Карабаиры стоютъ иногда и гораздо выше этой цѣны. Войско коканскаго хана составляетъ конница, силою до 40,000. Войско это, по храбрости и по военному образованію, стоитъ далеко ниже бухарскаго. При взятіи г. Кокана тамъ нашли до 100 мѣдныхъ пушекъ, изъ нихъ 8 на лафетахъ и 50 мѣдныхъ замбуреко въ, не имѣющихъ лафетовъ. Замбуреки, при стрѣльбѣ, нѣсколько зарываются въ землю и такимъ образомъ устанавливаются. Длиною замбуреки 1¼ арш. къ дѣлу широкія и возятся на верблюдахъ; при пальбѣ ихъ сильно откидываетъ, въ слѣдствіе чего Коканцы, приложивъ фитиль, тотчасъ же бѣгутъ со страхомъ отъ замбурека. Въ Коканѣ же эмиръ взялъ небольшую пушку, слитую изъ серебра и чугуна полосками, такимъ образомъ, что одна полоска была въ ней чугунная, другая серебряная. Пушка эта вѣсила около 8 пудовъ и эмиръ, привезя ее въ Бухару, разбилъ и вытопилъ серебро. Сарбазы у Коканцевъ нынѣ тоже есть, состоящіе изъ пѣхоты и артиллеріи, числомъ до 1000 человѣкъ. Сарбазы преимущественно составлены изъ бѣглыхъ русскихъ Татаръ, но попадаются въ нихъ и бѣглые Русскіе, изъ коихъ особеннымъ значеніемъ пользуется юзъ-баши артиллеристовъ Николай Аршиновъ — морякъ, бѣжавшій изъ Астрахани въ Хиву, изъ Хивы въ Бухару, а отсюда въ Коканъ.

НѢСКОЛЬКО ДОРОЖНИКОВЪ

черезъ наши киргизскія степи въ среднюю Азію и между Бухарой, Коканомъ, Шяхри-Сябзомъ, Чарджуемъ, Ташкентомъ и пр.

ДОРОЖНИКЪ

отъ Оренбурга до бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія.

	Число верстъ.	
Отъ Оренбурга по Бердяно-Куралинской линіи до озера Караваннаго.		
Форпостъ Половинный или Рубниковскій. . . . . (р. Бердянка).	20	Вода въ р. Бердянкѣ во время лѣта бываетъ солоноватая.
Форпостъ Ханскій . . . . . (р. Бердянка).	28	На этомъ переходѣ встрѣчаются 2 форпоста: Бердянскій и Краснoярскій; первый отъ Половиннаго въ 9-ти, а послѣдній въ 18-ти верстахъ.
Озеро Караванное (въ долинѣ р. Илека)	42	Въ 7-ми верстахъ отъ Ханскаго встрѣчается форпостъ Озерной. Пеходъ чрезъ водораздѣлъ р.р. Куралы-Бердянки и переправа чрезъ р. Итъ-Чашканъ.
Отъ озера—Караваннаго до бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія.		
Озеро въ долинѣ р. Илека . .	35	На этомъ переходѣ четыре переправы чрезъ р.р. Акбулакъ, Чигиръ-Чинъ, Якши Карабутакъ и около ночлега черезъ р. безымянную.
Озеро въ долинѣ р. Илека . . (на правой сторонѣ).	33	Переправа чрезъ 3 рѣчки: Яманъ-Карабутакъ, Сабзы-Карабутакъ и Куралы.
Р. Илекъ на лѣвой сторонѣ при устьѣ р. Тангра-Бергеня . . .	30	Переправа чрезъ р. Аще-Сай, а при самомъ ночлегѣ чрезъ Илекъ.

	Число верстъ.	
Р. Илекъ (на лѣвой сторонѣ противъ горы Акъ-Тюби)	40	На этомъ переходѣ переправа черезъ рр. Курайли, оврагъ того же названія, Яманъ Курайли и устья Джаничке и Сазды. Съ правой стороны въ этомъ мѣстѣ въ р. Илекъ впадаетъ р. Якши-Каргала, обильная своими лугами и доставляющая хорошія зимовыя мѣста для Киргизъ изъ средней части Орды.
Р. Илекъ (урочище Бишъ-Тамакъ).	26	Мѣсто весьма удобное для дневки. Урочище Бишъ-Тамакъ носитъ названіе отъ соединенія пяти рѣчекъ: Тамбы, Исенъ-Батарь, Таванталь, Чіили и Сенбая, а по изобилію своему въ травахъ и удобству зимовокъ извѣстно почти всей Малой Ордѣ.
Р. Исенбай	34	На этомъ переходѣ встрѣчаются четыре рѣчки: Батнакты, Стокъ-Су, Талбы и Янгизъ-Агагъ.
Р. Тикъ-Темиръ (урочище Бурма)	30	Переходъ чрезъ водораздѣлъ р.р. Илека и Тикъ-Темира.
Р. Тикъ-Темиръ	30	На переходѣ встрѣчается р. Чіили.
Устье рѣчки Кульбененъ-Темира (на лѣвой сторонѣ)	32	На этомъ переходѣ переправы: черезъ р. Тулганай, на которой былъ осмотрѣнъ пунктъ для укрѣпленія полковникомъ Бларамбергомъ въ 1846 году, и при самомъ ночлегѣ чрезъ р. Кульдененъ-Темиръ.
Озеро Тагалы и Куйгунъ-куль (на плоской возвышенности между рѣкъ Темира и Эмбы)	22	

	Число верстъ.	
Р. Умба (около могилъ Бетъх-хаджа.	27	Въ 1846 году бывшимъ корпуснымъ командиромъ генераломъ Обручевымъ, предполагалось выстроить на этомъ мѣстѣ укрѣпленіе. Обозрѣніе пункта было возложено на полковника Бларамберга.
Бывшее укр. Эмбенское (р. Аты Джаксы.)	23	Переправа чрезъ р. Эмбу.
Всѣхъ переходовъ 15, а верстъ . . .	452	Укрѣпленіе Эмбенское было возведено въ 1839 году полковникомъ Жемчужниковымъ.

ДОРОЖНИКЪ

отъ бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія, западнымъ берегомъ Аральскаго моря, до г. Хивы.

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Примѣчанія.
Отъ бывшаго укр. Эмбенскаго до р. Аты-Джаксы . . . . . . (на правой сторонѣ при устьѣ Кокпекты).	22	Переправа въ бродъ черезъ рѣчку Аты-Джаксы въ двухъ мѣстахъ, послѣдняя у самаго ночлега. Кормъ плохой.
Родн. Джаннды (на правой сторонѣ)	31	Корму очень мало.
Родн. у горы Намазъ-Тау . .	23	
Родн. пройдя гору Караче-Тау.	36	
Род. Чеганъ (на правомъ берегу противъ горы Ходжа-Бергенъ)	28	Кормъ порядочный; р. Чеганъ течетъ плесами.
Р. Чеганъ	26	
Родн. Асютасты (на Усть-Уртѣ).	26	При выступленіи съ ночлега переправа чрезъ р. Чеганъ; далѣе подъемъ на Усть-Уртъ, удобный для телегъ.
Копани Соръ-Кудукъ (Куль-Кудукъ)	40	Воды достаточно, корму мало.
Уроч. Тюбя-Кудукъ	39	Воды въ прѣсныхъ коп. достаточно, кормъ порядочный.
Пески Исенъ-Чагыль	15	

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Примѣчанія.
Уроч. Каска-Джуль (на берегу Аральскаго моря).	35	Копани внизу подъ Усть-Уртомъ, спускъ къ нимъ удобенъ. Переходъ этотъ необходимо сдѣлать съ приваломъ на половинѣ разстоянія, и для этого, если можно запастись водою на ур. Каска-Джуль.
Родн. Акты-Кенды.	58	Спускъ съ Усть-Урта къ род. Акты-Кенды не очень затруднителенъ. Корму почти нѣтъ.
Родн. Акъ-Булакъ.	35	Здѣсь два удобные спуска къ роднику, корму нѣтъ.
Развалины Давлетъ-Гирей. . .	42	Спускъ къ водѣ довольно крутъ: на самомъ берегу подъ Усть-Уртомъ мѣстами имѣется кормъ. Топлива по всему Усть-Урту довольно.
Родникъ - Каска.	50	Спускъ къ роднику удобенъ, корму очень мало. На половинѣ разстоянія необходимо сдѣлать привалъ.
Уроч. Аджибай - Аксуатъ. . .	40	Спускъ къ заливу Ар. моря удобенъ, вода въ немъ прѣсная. Корму нѣтъ.
Уроч. Кара-Гумбетъ	34	Здѣсь удобный спускъ съ Усть-Урта, вода въ озерѣ Ай-Бугирскомъ прѣсная, корму мало.
Ночлегъ на берегу озера Ай-Бугирскаго	31	Корму нѣтъ.
Тоже	28	Тоже.
Тоже	28	Тоже.
Ночлегъ на берегу залива Акъ-Чеганакъ	24	(Тоже.)

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Примѣчанія.
Ночлегъ на берегу озера Ай-Бугирскаго	28	На 26 верстъ удобный спускъ Ай-Бугиръ.
Бывшее укр. Кызъ-Кала. . .	38	Вода проводится изъ канавъ, соединяющихъ укр. съ озер. Ай-Бугирскимъ; корму нѣтъ.
Городъ Куня-Ургенчь. . . .	28	
Ханскій домъ Чербакъ . . .	38	Въ 4 верстахъ отъ г. Куня-Ургенчь переправа въ бродъ чрезъ протокъ Саркраукъ.
Городъ Ильаллы (Джеланды). .	30	
Городъ Ташаусъ	28	
Городъ Амбаръ.	19	
Городъ Шахъ-Абатъ	14	
Городъ Хива. . . . . . . -	29	
Всѣхъ переходовъ 30		
а верстъ . . .	1395	

ДОРОЖНИКЪ

отъ Бухары до Кокана, Чарджуя, Шахри-Сябза, Гисеара, Джизаха и Ташкента.

Къ показанію плѣннаго Суворова.

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
Селеніе Сары-Пуль. . , . .	18	На рѣкѣ Зарьавшанѣ, дорога ровная.
— Арабъ-Хане	45	
— Джуасъ-Хане	35	
— Зеяддинъ	40	
Городокъ Катта-Курганъ. . .	32	
Селеніе Дабедъ.	28	
Урочище Сасыкъ-Булакъ. . .	32	Вода здѣсь изъ ключей, мѣсто гористое и здѣсь кочуютъ Киргизы.
Городокъ Янги-Курганъ (Сайбы)	32	Вода изъ ключей.
Городокъ Джизахъ.	32	Вода изъ ключей.
— Пишагаръ.	36	Вода изъ ключей.
Коканскій городъ Заминъ . .	24	Вода изъ ключей.
Раззоренный Караванъ-Сарай Саватъ	32	Вода изъ ключей.

Название ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
Крѣпость Ура-Тюпе	40	Вода изъ ключей.
Итого верстъ. .	426	
переходовъ.	13	
Селеніе Читтарыкъ	36	Вода изъ ключей.
Селеніе Акъ-Су.	32	На рѣкѣ того имени, впадающей въ Сыръ.
Рѣка Сыръ	24	
Караулка Танги, въ ущельи между горами и р. Сыромъ. . . .	24	Весь переходъ идетъ по р. Сыру.
Переправа въ бродъ черезъ небольшую рѣчку г. Ходжендъ . .	20	
Итого верстъ . .	136	
переходовъ.	5	
Селеніе Каракъ-Чикумъ . . .	32	Не въ далекѣ отъ р. Сыра.
Городъ Мегремъ	28	На небольшой рѣкѣ.
Городокъ Коны-Бодомъ . . .	36	Вода изъ ручья.
— Бишъ-Арыкъ . . .	28	Вода изъ ручья.
— Коканъ	20	
Итого верстъ. .	144	
переходовъ.	5	
А всего верстъ. . .	706	
Переходовъ . .	23	

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
Отъ Бухары до Чарджуя.		
Селеніе Шаръ-Исламъ . . .	24	Дорога ровная, вода изъ Зарьавшанской канавы.
Городокъ Каракуль.	32	На рукавѣ Зарьавшана.
Колодецъ въ пескахъ Кызылъ-Кумъ	36	
Селеніе Дангизъ на окраинѣ песковъ	28	Вода изъ канавы, проведенной изъ Аму.
Р. Аму противу Чарджуя . .	32	
Итого верстъ. .	152	
переходовъ.	5	
Отъ Бухары до Шяхри-Сябза.		
Уроч. Читтарыкъ близъ селенія Зереватъ-Маалля	16	Дорога ровная, — вода изъ Зарьавшанской канавы; на переходѣ встрѣчаются черезъ канавы три мостика и одинъ въ Читтарыкѣ.
Сарай-Караулъ	24	Дорога идетъ по пескамъ и черезъ небольшія кремнистыя горы; вода изъ 5-ти колодцевъ—горькая.
Городокъ Ходжа Муоракъ . .	48	Дорога ровная, городокъ стоитъ на канавѣ, проведенной изъ той рѣки, которая идетъ черезъКарши и Шяхри-Сябзъ.
Селеніе Косонъ.	24	Дорога ровная, селеніе стоитъ на вершинѣ той канавы, которая идетъ черезъ Ходжа-Муоракъ.

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
Городъ Карши	32	На Ш.-Сябзской рѣкѣ, имѣющей здѣсь до 25 саж. ширины — вода хорошая.
Гора Кара-Кунуръ.	8	Вода проведена изъ Ш.-Сябзской рѣки.
Урочище Кара-Тепа	40	Здѣсь кочуютъ Киргизы, вода изъ канавы проведенной изъ Ш.-Сябзской рѣки.
Городокъ Чиракчи.	32	По дорогѣ встрѣчаются небольшія овраги; городъ стоитъ на правой сторонѣ Ш.-Сябзской рѣки.
Г. Шяхри-Сябзъ	24	На половинѣ перехода переправа въ бродъ черезъ Ш.-Сябзскую рѣку, по грудь лошади.
Итого верстъ. .	248	
переходовъ.	9	
Отъ Шяхри-Сябза до Гиссара.		
Якъ-Кобакъ городокъ. . . .	24	Дорога ровная, — вода изъ горной рѣки.
Городокъ Гузаръ	32	На ключахъ, — дорога ровная.
Узбекское селеніе Дейнау . .	40	Дорога ровная, на ключѣ, вытекающимъ изъ горъ Юрчи.
Башъ-Гиссаръ (предмѣстіе Гиссара)	40	Дорога ровная.
Итого верстъ. .	136	
переходовъ.	4	

Здѣсь показана до Гиссара дорога кружная; если же слѣдовать съ одними конными и верблюжьими вьюками, безъ повозокъ, то къ Гиссару слѣдуютъ по горной дорогѣ черезъ снѣговыя горы въ три дня: сначала по долинѣ Улачь на городокъ того же имени, лежащій въ снѣговыхъ горахъ, 40 верст. Отсюда перевалъ черезъ снѣговыя горы и потомъ спускъ къ Гиссарской рѣкѣ, къ г. Гиссару — 32 версты.

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
Отъ Джизаха до Ташкенда.		
1-й колодецъ Джизахъ-Сарай .	35	Здѣсь выстроенъ сарай, колодецъ находится въ лощинѣ и, кромѣ своей воды, получаетъ воду отъ тающаго снѣга и дождей.
2-й колодецъ Олескеръ-Диванъ-Бечи-Сардова	28	
3-й колодецъ Сангинъ-Сардова.	30	
4-й переходъ къ переправѣ черезъ р. Сыръ на высотѣ Ташкенда.	28	
Отъ рѣки же Сыра до Ташкенда считается два дня караваннаго ходу. По всему этому пути можно ѣздить и на арбахъ.		

ДОРОЖНИКЪ

отъ Бухары въ Коканъ и Шяхри-Сябзъ.

Къ показанію плѣннаго Пшеничникова.

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
Городокъ Кун-Мачаръ. . . .	20	На канавѣ изъ Зарьавшана, имѣетъ много лавокъ; продается много сѣянной травы.
Селеніе Бустонъ	24	Вода таже; бываетъ базаръ.
— Хомъ-Чербакъ . . .	20	Вода таже, имѣетъ лавочки — дорога до этого селенія ровная, но въ дождь очень грязная.
Чулъ-Мавикъ-Большой каменный сарай для каравановъ, имѣетъ лавочки или комнаты . . .	20	Вода изъ канавы, проведенной изъ Зарьавшана.
Сарай въ окрестностяхъ Керешне и въ 2-хъ верстахъ отъ сего города	25	Вода таже.
Близь одной деревни (названія не помнитъ).	30	Вода таже.
Селеніе Таусъ	25	Вода таже, имѣетъ лавки,—дорога доТауса гориста, но подъемы и спуски не высоки и не круты.
Базаръ (названія не помнитъ) .	30	Вода изъ ключа, впадающаго въ Зарьавшанъ; на базарѣ этомъ постоянныхъ жителей нѣтъ, а разъ въ нѣдѣлю собираются сюда для торговли окрестные жители.

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
Городъ Кятты-Курганъ, величиною съ половину Бухары . . .	35	На канавѣ изъ Зарьавшана.
На берегу Зарьавшана . . .	33	Здѣсь бываетъ разъ въ недѣлю базаръ, есть лавочки, но жителей нѣтъ, на базарѣ продаютъ много сѣянной травы.
Селеніе Аббисіяхъ	37	На ключѣ того же имени, вода очень хорошая; есть лавочки и производится постоянная торговля.
Въ ½ верстѣ за Самаркандомъ.	40	Вода изъ Зарьавшана, дорога ровная.
Переправа на правую сторону Зарьавшана, въ бродъ по колѣно, а иногда и по грудь лошади.		
Г. Джизахъ	16	Дорога гористая, идетъ по ущелью вдоль берега ручья, текущаго черезъ Джизахъ; грунтъ дороги каменистый.
Крѣпость Замин	40	Вода изъ ключа, дорога ровная; есть подножный кормъ, но мало.
Небольшая крѣпость Іомъ . .	20	На ключѣ дорога ровная.
Селеніе Саватъ	25	Вода изъ ключа, дорога ровная.
Кр. Уре-Тюпя	20	На ключѣ, дорога ровная.
Итого верстъ . .	460	
переходовъ.	17	
Отъ Уре-Тюпя до Ходженда дороги не припомнитъ, а отъ Ходженда:		

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
Городокъ Мягремъ	30	Вода изъ ключа, подножнаго корму много.
— Каракъ-Чикумъ . .	30	Вода изъ ключа, подножнаго корму много.
— Коны-Бодонъ, въ горахъ	28	Мѣста вездѣ ровныя, стояли вблизи р. Сыра. Ширина этой рѣки здѣсь до 150 сажень. Фарватеръ идетъ подъ правымъ берегомъ, у лѣваго же очень мелко. Лѣсу нигдѣ нѣтъ по рѣкѣ, берега мѣстами песчаны.
Селеніе Бишъ-Арыкъ. . . .	28	Вода изъ ключей, дорога ровная—травы много.
Г. Коканъ	6	
Итого верстъ. .	122	
переходовъ.	5	
Отъ Бухары въ Шяхри-Сябзъ.		
Небольшое селеніе Куракъ . .	20	Вода изъ канавы, идущей изъ Зарьавшана, трава сѣянная привозится изъ окрестныхъ деревень; дорога глинистая, но ровная.
Караулъ-Сарай	24	Подножнаго корму нѣтъ; дорога каменистая, встрѣчается на переходѣ высокая гора, на ночлегѣ есть три колодца, но вода въ нихъ соленая.
Кошъ-Сардова-Сарай	28	Дорога ровная, въ двухъ мѣстахъ есть пески, трава сѣянная—изъ окрестныхъ деревень; на ночлегѣ колодцы съ каменными сводами; въ колодцы стекаетъ снѣговая вода, которая въ жаркое время около петрова дня часто высыхаетъ.

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
Городокъ Ходжа-Муоракъ . .	32	Травы нѣтъ, дорога ровная, вода изъ Каршинской рѣки, на дорогѣ встрѣчаются 2 колодца и вырытый прудъ.
Селеніе Кипъ	32	Встрѣчается немного песковъ, дорога ровная, вода изъ Каршинской рѣки.
Г. Карши.	24	Дорога ровная, подножнаго корму нѣтъ.
Уроч. Чимкатъ	30	Вода изъ 2 колодцевъ, пахнетъ тиною.
Уроч. Кара-Тепя	30	4 Колодца и вырытый прудъ; вода пахнетъ тиною и горька. Дорога ровная.
Городокъ Чиракчи	24	Дорога гориста и камениста, спуски круты; орудія спускаются на людяхъ; вода изъ Шяхри-Сябзской рѣки, рѣка эта запирается въ Шяхри-Сябзѣ плотиной.
Пистаханъ, раззоренный городокъ	36	На Шяхри-Сябзской рѣки дорога ровная.
Городокъ Кавнашикъ. . . .	28	Дорога ровная. Вода изъ Шяхри-Сябзской рѣки.
Уроч. Кайнаръ	32	Дорога ровная, вода проведена изъ Шяхри-Сябзской рѣки.
Городокъ Дува	28	На р. Дувѣ, впадающей въ Шяхри-Сябзскую рѣку. Дорога гориста. (Дува отъ Самарканда-семь ташей.)
Селеніе Ходжа-Канатты . . .	16	Вода изъ ключа и есть подножный кормъ; дорога ровная.

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
Ночлегъ 2 горъ на р. Каймакъ-Тепя	24	Дорога ровная и переправа черезъ р. Каймакъ-Тепя въ бродъ, по грудь лошади. Часто впрочемъ рѣка эта и пересыхаетъ.
Муйноводъ.	28	Дорога ровная, вода изъ ключей.
Шяхри-Сябзъ	4	
Итого верстъ. .	440	
переходовъ.	17	

ДОРОЖНИКЪ

отъ Бухары въ Коканъ, Шяхри-Сябзъ и Аму-Дарьѣ.

Къ показанію плѣннаго Федотова.

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
Селеніе Сары-Пуль	18	На Зарьавшанѣ, дорога ровная.
— Хишты.	32	На канавѣ Рудъ, проведенной изъ Зарьавшана,—трава сѣянная (по Бухарской Юнчка).
Не доходя селенія Арабъ-Хане.	48	На р. Карасу (вершина р. у Джизаха у Арабъ-Хане, ее совсѣмъ разбираютъ по полямъ), вода хорошая; на переходѣ встрѣчаются небольшие пески и одна гора не высокая, но каменистая.
Селеніе Мазаръ-Хане	40	На р. Карасу,—дорога ровная.
— Джаусъ-Хане	48	На р. Карасу,—дорога ровная.
— Карабальскъ	48	На ключѣ, впадающемъ въ Карасу —дорога ровная. Отъ Хишты и до Карабальска встрѣчается очень хорошій подножный кормъ.
КрѣпостцаЯны-Курганъ . . .	48	На рѣчкѣ образующейся изъ ручьевъ и текущей потомъ черезъ Джизахъ, дорога немного гориста и есть крутые спуски и подъемы, но орудія слѣдуютъ весь переходъ на лошадяхъ.
Городъ и крѣпость Джизахъ .	24	Дорога постепенно подымается на высокія горы, подойдя же къ Джи-

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
		заху круто спускается къ этому городу; грунтъ дороги каменистый. Горы идутъ по направленію къ Куратѣ, отстоящей отъ Джизаха въ 12 шагахъ. Вправо отъ Джизаха (идя въ него изъ Бухары) ташей на 7, находится раззоренная эмиромъ кр. Пилогаръ, въ окрестностяхъ которой есть прекрасные кормы и развито хлѣбопашество.
Черезъ Заминъ въ кр. Іомъ. .	56	На ключѣ, дорога ровная. Въ Заминѣ проходитъ въ бродъ ключь.
Городокъ Саватъ	24	На ключѣ, дорога ровная.
Крѣпость Ура-Тюпе	24	Вода изъ горной рѣчки, проходящей черезъ самую крѣпость. Подъ самой Ура-Тюпе встрѣчаютя высокія горы, подъемы и спуски очень круты, такъ что необходимо тормозить орудія. Отъ Карабаныка и до Ура-Тюпе попадается на ночлегахъ прекрасный подножный кормъ, сохраняющійся до глубокой осени.
Итого верстъ. .	410	
переходовъ.	11	
Ключь Акъ-Су	56	Дорога ровная и подножный кормъ есть.
Крѣпость Янди-Курганъ . . .	16	На рѣкѣ, вода совершенно бѣлая, молочная, но хорошаго вкуса; дорога ровная.
Городъ Ходжендъ	32	Дорога ровная. Не доходя 8 верстъ до города, надо проходить ущельемъ между горами и р. Сыромъ, шириною сажень въ 15. Городъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ.

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ:	Особыя примѣчанія.
Крѣпость Карачимчкумъ . . .	40	Дорога ровная и идетъ по берегу Сыра.
— Махремъ-Курганъ . .	24	Вода изъ ключей, впадающихъ въ Сыръ; дорога ровная и идетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ р. Сыра.
Крѣпостца Коны-Бодонъ. . .	32	На рѣкѣ того же имени, впадающей въ Сыръ. Дорога ровная и вездѣ по дорогѣ отъ самаго Ходженда есть прекрасный подножный кормъ.
Ночлегъ въ 32-хъ верстахъ отъ Коны-Бодона.	32	Дорога песчаная съ гальками, стояли здѣсь три дня по невозможности идти далѣе, вслѣдстіе сильнаго вѣтра, который заметалъ весь лагерь пескомъ и каменьями. Палатку ставили одному эмиру. Вода изъ Сыра, отстающаго отъ ночлега на 2 версты, но за бурей ѣхать къ рѣкѣ не было возможности, и потому три дня оставались безъ воды. (Походъ совершался въ маѣ мѣсяцѣ.)
Г. Коканъ	32	Дорога ровная, Коканъ построенъ на горной рѣчкѣ Ташъ-Купрыкъ, впадающей въ Сыръ.
Итого верстъ. .	264	
переходовъ.	8	
А всего верстъ . . .	674	
Переходовъ . .	19	
От Бухары до Шяхри-Сябза.		
Уроч. Куракъ на степи . . .	20	Вода проведена изъ Зарьавшана и кромѣ того вблизи ночлега есть боль-

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
		шое озеро. Подножнаго корма нѣтъ. Дорога ровная.
Караулъ-Сарай, селеніе . . .	24	Дорога песчаная, встрѣчаются горы, подъемы на которыя изъ Бухары пологи, а спуски круты, вода въ Караулъ-Сараѣ получается изъ Сардовы (крытый бассейнъ) и 3-хъ колодцевъ, изъ которыхъ въ 2-хъ соленая.
Ходжа-Муоракъ.	48	Вода изъ рѣки, текущей черезъ Карши, а по дорогѣ есть три Сардовы, да въ Ходжа-Муоракѣ выкопанный прудъ. Горъ нѣтъ. дорога песчаная.
Селеніе Корсонъ	32	Вода изъ рѣки, протекающей черезъ г. Карши, дорога нѣсколько песчана.
Г. Карши.	24	Дорога ровная, подножнаго корму нѣтъ нигдѣ.
Кара-Тепе (насыпной холмъ) .	48	Здѣсь кочуютъ Узбеки; вода проведена изъ Каршинской рѣки, дорога ровная, на половинѣ перехода есть два колодца, но вода въ нихъ соленая.
Городокъ Шракчи	24	Вода изъ рѣки, протекающей черезъ Шяхри-Сябзъ и Карши; дорога гористая, спуски и подъемы очень круты.
Крѣпость Катта-Курганъ. . .	16	Вода изъ рѣки, протекающей черезъ Шяхри-Сябзъ, дорога ровная.
Напбъ-Тепя, крѣпостца . . .	24	На Шяхри-Сябзской рѣкѣ.

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
Городъ Шяхри-Сябзъ	4	
Итого верстъ. .	264	
переходовъ.	10	
Другая же дорога отъ Бухары въ обходъ города съ лѣвой его стороны ведетъ отъ Чиракчи.		
Городокъ Каланшикъ	24	На Шяхри-Сябзской рѣкѣ, дорога ровная.
Крѣпость Пистоханъ	16	На каналѣ изъ Шяхри-Сябзской рѣки, дорога ровная.
Городокъ Дува-Бы	48	На рѣкѣ того же имени. На 32 верстѣ отъ Пистохана встрѣчается родникъ, за которымъ начинаются горы, идущія до самаго Дува-Бы.
Гора Каймакъ-Тепя	40	На рѣкѣ идущей черезъ Катта-Курганъ встрѣчается небольшія горы и на срединѣ перехода канава.
Уроч. Маймоноводъ.	12	На Шяхри-Сябзской рѣкѣ. Здѣсь переходъ на лѣвую сторону этой рѣки въ бродъ по песчаному ложу на глубинѣ ½ четверти. Ширина рѣки здѣсь доходитъ до 200 сажен., но есть мѣсто и уже.
Наибъ-Тепя	20	Дорога ровная.
Шяхри-Сябзъ.	4	
Отъ Бухары до Аму-Дарьи.		
Селеніе Шаръ-Исламъ. . . .	20	Дорога ровная, но пыльная, и въ грязь движеніе по ней затруднительно, подножнаго корму нѣтъ.

Названіе ночлеговъ.	Число верстъ.	Особыя примѣчанія.
Деревня (названія не помнитъ) передъ входомъ въ пески . .	16	
Песками, ночлегъ у озера по выходѣ изъ песковъ	24	Шли песками, подпрягая подъ каждую пушку въ помощь лошадямъ по 100 человѣкъ. Въ озерѣ вода горькая, получали воду изъ канавы р. Аму.
Аму-Дарья	24	Расположились на рукавѣ Аму, ниже Черджуя, версты на четыре, рукавъ глубиною по поясъ человѣка и шириною 12—15 саж. Трава здѣсь сѣянная (по бухарски юрумка), жнутъ ее 2 и 3 раза въ годъ, а сѣютъ въ 5 лѣтъ одинъ разъ.
Итого верстъ. .	120	
переходовъ.	5	

По разказамъ Кабульцевъ, приходящихъ въ Бухару съ караванами, пространство отъ Карши до Аму-Дарьи они проходятъ въ 4 дня, отъ рѣки до Балха въ 2 дня и отъ Балха до перваго Кабульскаго города Ташъ-Кургана въ 4 дня.

Показанія Авганцевъ и Туркменъ, сопровождавшихъ въ 1840 г. англійскихъ путешественниковъ Аббота и Шекспира изъ Герата въ Хиву и оттуда на Каспійское море.

---

1. Показанія Авганца Саметь-хана Мухаметьханова.

30-го Мая 1840 года.

Зовутъ меня Саметь-ханъ, Мухаметьхановъ сынъ, 38 лѣтъ, вѣры могаметанской, сунитскаго толка, Авганецъ изъ роду Сагы-Зеи, родился въ городѣ Кандагарѣ, жилъ 12 лѣтъ въ Кабулѣ, а въ Гератѣ въ продолженіи 24 лѣтъ, до сего времени. Назадъ тому шесть мѣсяцевъ отправились мы, всего 7 человѣкъ, кромѣ Трухменца, который присоединился къ намъ около стараго Ургенча, по приказанію шаха Камрана, съ Англичаниномъ Абботомъ, который нынѣ задержанъ вмѣстѣ съ нами, неизвѣстно мнѣ за чѣмъ, потому, что намъ приказано было отъ шаха Камрана во всемъ повиноваться Абботу и не отставать отъ него, куда бы онъ ни захотѣлъ ѣхать. Содержаніе въ дорогѣ мы получали отъ Аббота, по мѣрѣ надобности, на 8 человѣкъ по 5 буджаглей *) на 2 и на 3 дня. Изъ Герата въ Хиву пріѣхали мы въ 28 дней, черезъ города Елатанъ и

---

*) Голландскій червонецъ.

Мевръ, подвластные хану хивинскому. Лошадь мнѣ подарилъ шахъ Камранъ, я далъ свою ходжи Мухамеду Рахманову, а прочимъ товарищамъ были даны лошади отъ Англичанина Тата, начальника Англичанъ въ Гератѣ. Не доѣзжая до Хивы за версту, насъ встрѣтили пять хивинскихъ всадниковъ, изъ коихъ нѣкоторые были вооружены копьями, другіе саблями и даже топорами, и отвели всѣхъ насъ въ какой-то небольшой казенный сарай. Въ одной половинѣ помѣстили Аббота, а въ другой насъ. Сначала дней 5 никого къ намъ не допускали, но потомъ черезъ Трухменцевъ, которые носили траву для нашихъ лошадей, мы могли покупать пищу для насъ и все, что хотѣли, имѣли свободный выходъ на рынокъ и ходили по городу. Аббота первые 5 или 6 дней тоже не выпускали, но потомъ онъ очень часто прогуливался по саду, бывшему близъ сарая, одинъ, безъ всякаго присмотра. По улицамъ онъ никогда не ходилъ, кромѣ того, когда его требовалъ ханъ; тогда хивинскіе есаулы сажали его на лошадь и провожали его до ханскаго двора, а мы двое всегда ходили за нимъ пѣшкомъ. Три человѣка были при насъ для прислуги, а двое стояли у дверей на часахъ, вооруженные одинъ ножемъ, а другой топоромъ. Въ Хивѣ прожили мы около 45 дней. Абботъ былъ у хана хивинскаго два раза, но я и товарищъ мой, мирза Абдулеаметъ Мегематчаліевъ, хотя и ходили съ нимъ, но оставались у дверей ханскихъ, и потому я не слыхалъ, о чемъ онъ говорилъ съ ханомъ. Передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Хивы, ханъ не дарилъ ничѣмъ ни насъ, ни Аббота и не отпустилъ денегъ на путевое продовольствіе, но во время пребыванія нашего въ Хивѣ иногда присылалъ намъ мяса и плову. Изъ Хивы до Мангышлака доѣхали мы въ 39 дней и отъ Мангышлака до урочища Сусанъ-Ата, отстоящаго, въ прямомъ направленіи, на одинъ день ѣзды отъ Ново-Александровскаго укрѣпленія, въ 8 дней, и тамъ, во время вечерней молитвы, напали на насъ Киргизы, неизвѣстнаго мнѣ рода, подъ предводительствомъ Сююнкары, въ числѣ 50 человѣкъ. Мнѣ разсѣкали топоромъ голову, всѣхъ прочихъ переранили, а Абботу отрубили одинъ палецъ, другой же висѣлъ только на кожицѣ, но послѣ въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи отрѣзалъ, достовѣрно не знаю, самъ ли Абботъ или кто другой, а я отъ этого отказался. Киргизы взяли у насъ лучшее платье, деньги, бывшія у каждаго изъ насъ

по 20 и по 30 буджаглей, у меня 38 бухарскихъ тиллей, ружье, данное мнѣ Абботомъ, два халата: суконный и бумажный и двѣ рубахи съ портами; но у Аббота, не знаю, сколько именно денегъ и какія вещи, а думаю, что очень много. Съ урочища Сусанъ-Ата Киргизы повезли было насъ обратно къ Хивѣ и для этого представили хивинскому юзбашію, Мурадъ-Алію, кочевавшему на 2 дня ѣзды отъ Сусанъ-ата; но Мурадъ-Алій предоставилъ на волю Аббота: ѣхать ли впередъ или воротиться, и потому мы отправились по направленію къ Ново-Александровскому укрѣпленію и пріѣхали туда на 5 день. Изъ Хивы до Тамъ-Гауза ѣхали мы на 4 телѣгахъ о двухъ колесахъ, но въ Тамъ-Гаузѣ наняли 11 верблюдовъ съ платой до Мангышлака по $2^1/_4$ тиллы, а одного верблюда въ старомъ Ургенчѣ, который принадлежалъ Трухменцу Хидыру Курнину, задержанному вмѣстѣ съ нами, котораго мы взяли болѣе для показанія дороги и обѣщались отпустить изъ Ново-Александровскаго укрѣпленія. Въ Мангышлакѣ прежніе 12 верблюдовъ остались, а наняли тамъ у Киргизовъ снова 3 верблюдовъ, но одинъ изъ нихъ, по худобѣ, шелъ безъ вьюка. Изъ Тамъ-Гауза до Мангышлака ѣхали съ ними около 15 конныхъ Трухменцевъ, не знаю для чего, но кажется ихъ аулы находятся около Мангышлака, гдѣ они и отстали отъ насъ.

Гератомъ нынѣ владѣетъ шахъ Камранъ, а прежній владѣтель Кабула и Газни, Досъ-Магомедъ-ханъ, бѣжалъ въ Бальхъ и теперь, какъ слышно, живетъ въ Бухарѣ.

Отъ Киргизовъ мы слышали, что насъ, будто бы, велѣлъ ограбить ханъ хивинскій, но впрочемъ достовѣрно о томъ не знаю. Кромѣ этого ничего важнаго съ нами не случалось и ни о какихъ слухахъ не знаю.

Въ дополненіе къ показанію, отобранному отъ Авганца Саметьхана Мухаметьханова, 30-го мая, онъ прибавилъ:

Сколько именно Киргизы у кого отняли денегъ, я вѣрно не знаю, но слышалъ, что у товарищей моихъ прежде было у кого 10, у кого 30 буджаглей, но въ послѣдствіи времени, быть можетъ, издержали ихъ.

Абботъ подарилъ мнѣ ружье двух-ствольное съ фистонами, работы европейской, которое теперь находится у коменданта Ново-Александровскаго укрѣпленія, подполковника Лихошерстова. На пути изъ Герата въ Хиву проѣзжали мы чрезъ города Елатанъ и Мавръ, первымъ управляетъ, отъ имени хана хивинскаго, юзбашій Мадаминъ, а послѣднимъ не знаю кто. Больше никакихъ населенныхъ мѣстъ не было. По выѣздѣ изъ Герата, шесть дней ѣзды вода была прѣсная, хорошая, а четыре дня—горькая, нездоровая и потомъ на 11-й день переѣхали черезъ рѣку Мавручахъ. Городъ Елатанъ построенъ при каналѣ, проведенномъ изъ сей рѣки. Черезъ день мы пріѣхали изъ Елатана въ Мавръ, отъ Мавра на два дня ѣзды, воды нѣтъ — ни колодезной, ни рѣчной, а далѣе до Хивы есть колодцы на каждыхъ 20, 25 или 30 фарсангъ. Караванъ въ день обыкновенно проходитъ на хорошихъ верблюдахъ 12 и 15 фарсангъ, а мы, ѣдучи день и ночь, проѣзжали 18 и 20 фарсангъ. Сколько саженъ или шаговъ содержитъ въ себѣ фарсангъ—опредѣлительно сказать не могу. Лѣсъ между Хивою и Мавромъ изъ дикорастущаго, большею частію тагъ, гязь и харь. Отъ Герата до Мавра и 2 ночлега далѣе за Мавръ, лѣсу мало, а оттуда до Хивы довольно много. Изъ Герата выѣхали, по истеченіи рамазана, 17-го числа слѣдующаго мѣсяца Шавата. У хана съ Абботомъ былъ я два раза, но былъ ли Абботъ еще, я не знаю, потому что ѣздилъ въ Ургенчъ, для починки сабель, жилъ тамъ три дня, и быть можетъ, что Абботъ былъ у хана безъ меня. Абботъ, какъ мнѣ извѣстно, никакихъ подарковъ Алла-Кулъ хану не привозилъ и отъ него ничего не получалъ. У меня Киргизы отняли сверхъ всего прочаго, лошадь, но не возвратили.

Въ Хивѣ Англичанъ, кромѣ Аббота, не было и теперь нѣтъ, но въ Бухарѣ, какъ слышно, есть одинъ, по имени Истадиръ, пріѣхавшій туда изъ Герата. Въ Гератѣ нынѣ живутъ 6 человѣкъ Англичанъ: Упатъ, Шекспиръ, Лудинъ и Сандаль, а прочихъ двухъ не знаю. Войска Англійскаго при нихъ нѣтъ. Приверженцевъ Досъ-Мухамедъ-ханъ, кажется, въ Авганистанѣ не имѣетъ. Изъ братьевъ его я знаю черырехъ; 1-й Кугандиль-ханъ владѣлъ Кандагаромъ и 2-й Мирдиль-ханъ тоже жилъ въ Кандагарѣ, 3-й Джаббаръ-ханъ жилъ въ Кубалѣ вмѣстѣ съ Досъ-Мухаммедомъ, а имя четвертаго забылъ.

2. Показаніе Авганца Мирзы Абду-Самета Мегеметьаліева.

30 Мая 1840 года

Зовутъ меня Мирза Абдуметъ, Мегеметьаліевъ сынъ, 50 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, Авганецъ, родился въ Гератѣ. Назадъ тому болѣе 6 мѣсяцевъ отправился я, по приказанію шаха Камрана, съ Англичаниномъ Абботомъ, который нынѣ задержанъ здѣсь, для отправленія при немъ письменныхъ дѣлъ, но, куда мы должны были ѣхать, никто не говорилъ. Изъ Герата въ Хиву пріѣхали въ 28 дней. Изъ Хивы до Мангышлака ѣхали 38 дней, изъ Мангышлака до урочища Сусанъ-Ата кажется 7 или 8 дней, а съ Сусанъ-Ата Киргизы везли насъ обратно къ Хивѣ 18 или 20 дней, но потомъ, когда отпустили, доѣхали до Ново-Александровскаго укрѣпленія въ 5 или 6 дней. Въ Гератѣ я никакихъ бумагъ не писалъ, но только одинъ разъ сдѣлалъ надпись на бумагѣ, писанной самимъ Абботомъ на имя Тата. Другую писалъ я изъ Мангышлака къ хану хивинскому о томъ, что Трухменецъ Асанъ-Батырь довезъ насъ до Мангышлака въ 38, а не въ 16 дней, какъ онъ обѣщался намъ, что въ Мангышлакѣ для переправы не было судовъ, и мы перенесли много трудностей въ пути. Бумагу эту отдали Трухменцу Асанъ-Батырю для доставленія хану и третью, коею увѣдомляли, что насъ разграбили Киргизы. На одной сторонѣ было написано мною по персидски, а на другой самимъ Абботомъ по англійски къ Англичанину Тату. Письмо это взялъ Абботъ, но отправилъ ли его, я не знаю. По пріѣздѣ въ Хиву, Абботъ былъ у хана, но, сколько именно разъ, не знаю, а только мнѣ извѣстно, что не болѣе 3-хъ или 4-хъ разъ. Всякой разъ я ходилъ съ нимъ къ хану, но оставался у дверей, и потому не знаю, о чемъ говорилъ съ ханомъ, а разъ входилъ для перевода словъ и слышалъ, что ханъ расправшивалъ Аббота объ Англіи, Лондонѣ и Индіи, и просилъ у Аббота лекарства для уха, но Абботъ отказалъ изъ боязни, что ханъ, въ случаѣ недѣйствительности лекарства, подвергнетъ его отвѣтственности, а объ Россіи ничего не говорилъ.

Ханъ Алла-Кулъ не знаетъ по-персидски, а Абботъ по татарски, и потому одинъ разъ, для перевода словъ, призывали меня, но въ прочее время переводчикомъ между Абботомъ и ханомъ былъ Хи-

винецъ Магометъ Киримъ, который знаетъ оба языка. Киргизы при урочищѣ Сусанъ-Ата отняли у меня: саблю, ножъ, 2 рубахи съ портами, кушакъ, 1 кадифе, *) очки, печать, 10 бухарскихъ тиллей, сѣдло съ приборомъ, 6 книгъ и чернильницу; но возвратили только саблю и 2 книги. Одинъ изъ Трухменцевъ, бывшихъ съ нами, Асанъ-Батырь говорилъ, что взяли въ плѣнъ Русскаго, по имени Кара-Дильмачъ (Киргизы такъ называютъ корнета Антова) и везутъ въ Хиву, а на одномъ ночлегѣ близь стараго Ургенча сказали, что въ ту ночь провезли Кара-Дильмача.

У насъ мирзами называютъ тѣхъ, кто знаетъ грамотѣ и занимается письмоводствомъ, счетоводствомъ и вообще состоитъ на службѣ по письменной части, но это не наслѣдственное достоинство.

Въ Хивѣ, кромѣ Аббота, Англичанъ не было и теперь нѣтъ, но въ Бухарѣ, какъ слышно, есть одинъ, по имени Истадиръ, пріѣхавшій туда изъ Герата, но болѣе ни о комъ не слыхалъ. Въ Гератѣ Англичане живутъ въ дружбѣ съ шахомъ Камраномъ и оказываютъ ему пособія въ деньгахъ и во всемъ, въ чемъ онъ имѣетъ нужду. Главный начальникъ Англичанъ въ Гератѣ Татъ; кромѣ его есть еще казначей, по имени мнѣ неизвѣстный, потомъ Англичанинъ Шекспиръ, который наблюдаетъ за порядкомъ въ городѣ и въ окрестностяхъ. У каждаго изъ нихъ по пяти и болѣе человѣкъ прислуги, но войска Англійскаго и пушекъ нѣтъ. Въ управленіе народомъ Англичане не вступаются, но иногда ходатайствуютъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ имъ людяхъ. Въ Кабулѣ, говорятъ, есть при шахѣ Шуджѣ англійское войско, но сколько именно, не знаю. Приверженцевъ у Досъ-Магометъ хана много, изъ знатныхъ фамилій, но всѣ они лишены мѣстъ и большею частью имѣнія. У Досъ-Магометъ-хана, говорятъ, есть семь братьевъ; 1-й Кугандиль-ханъ владѣлъ Кандагаромъ, но, назадъ тому болѣе года, бѣжалъ въ Тегеранъ къ шаху Мегемету, сыну Аббаса Мирзы; 2-й Мирдиль-ханъ тоже, кажется, въ Тегеранѣ, но вѣрнаго объ немъ ничего сказать не могу, а прочіе мало извѣстны, и потому я объ нихъ не слыхалъ.

На пространствѣ отъ Герата до Хивы большаго недостатка въ водѣ мы не встрѣчали, потому что есть колодцы на каждыхъ 20

*) Въ видѣ халата, которое надѣваютъ послѣ бани, купанія и проч.

или 25 фарсангъ. Караванъ въ день обыкновенно проходитъ около 8 фарсангъ, а мы, имѣя хорошихъ лошадей, проѣзжали 10 и 12 фарсангъ. Каждый фарсангъ имѣетъ 12,000 шаговъ. Лѣсу между Хивою и Мавромъ довольно много. Изъ дикорастущаго, болѣе всего, тагъ, гязь и кустарникъ харъ (терновникъ). Города Елатанъ и Мавръ подвластны хану хивинскому, и первымъ отъ его имени управляетъ юзбаши Мадаминъ, а послѣднимъ не знаю кто.

Дополнительное показаніе Авганца Мирзы Абду-Самета-Мемедъ-Аліева.

30 іюня 1840 года.

Передъ отъѣздомъ изъ Хивы капитанъ Абботъ просилъ Мехтяра, чтобъ онъ ему далъ надежнаго провожатаго до мангышлакской пристани. Мехтяръ вытребовалъ Трухменца Асанъ-Батыря изъ рода Чаудуръ, который живетъ въ какомъ-то селеніи, отстоящемъ отъ Хивы на два дня пути, по дорогѣ къ Мангышлаку, и велѣлъ ему ѣхать съ нами. Отъ роду Асану лѣтъ за 50, росту онъ средняго и тученъ собою. Онъ имѣетъ сына лѣтъ 30, который уже съ годъ живетъ около Мангышлака, для того, чтобы наблюдать, не появятся ли тамъ россійскія войска изъ Астрахани чрезъ море и чтобъ, въ случаѣ появленія ихъ, тотчасъ дать знать въ Хиву. Онъ участвовалъ въ сожженіи, минувшею зимою, судовъ, обмерзшихъ льдомъ около Ново-Александровскаго укрѣпленія.

Отъ Герата до Хивы имущество наше было везено на наемныхъ верблюдахъ, сами же мы ѣхали на собственныхъ лошадяхъ. Верблюдовъ, по пріѣздѣ въ Хиву, мы отпустили, но лошади остались при насъ и содержались на дворѣ того строенія, въ которомъ мы жили сами. Четверо изъ насъ находились при нихъ безпрерывно. На продовольствіе лошадей Алла-Кулъ присылалъ иногда по нѣскольку сѣна, но, большею частью, мы содержали ихъ, покупая фуражъ на собственныя наши деньги. Изъ Хивы мы поѣхали на тѣхъ же лошадяхъ, а скарбъ нашъ до мѣста жительства Асанъ-Батыря взяли на нанятыхъ нами арбахъ. здѣсь же наняты нами были верблюды, которые шли подъ вьюками нашими до Мангышлака.

По выѣздѣ отъ Асанъ-Батыря около Куня-Ургянча, Абботъ нанялъ еще одного верблюда у Трухменца Кыдыра Курпина, который и самъ поѣхалъ съ ними верхомъ на собственной своей лошади, и теперь находится съ нами здѣсь. Въ окрестностяхъ Куня-Ургянча находятся соляныя озера, которыя были осмотрѣны Абботомъ.

Асанъ-Батырь увѣрялъ насъ, дорогою, что мы найдемъ у Мангышлака готовыи россійскіи суда для переѣзда въ Астрахань; когда же мы, пріѣхавъ туда, ихъ не нашли, онъ просилъ у Аббота денегъ и обѣщался нанять лодку трухменскую, и дать намъ провожатыхъ, но Абботъ отъ этого рѣшительно отказался, сказавъ, что денегъ у него нѣтъ и, что онъ провожатымъ его не вѣритъ. Онъ рѣшился поѣхать въ Ново-Александровское укрѣпленіе, и, нанявъ верблюдовъ, мы пустились въ путь, но Асанъ-Батырь остался на мѣстѣ, не желая ѣхать съ нами.

Черезъ день, по отъѣздѣ нашемъ отъ Мангышлака, напали на насъ какіе-то неизвѣстные намъ люди, ограбили, избили и нѣкоторыхъ изъ насъ поранили, какъ я уже разказалъ. Происшествіе это случилось недалеко отъ мѣста кочеванія Киргизовъ Черкесъ Батыря и Арымъ-Бая, которые, услыхавъ шумъ и крикъ, пріѣхали къ намъ и остановили разбойниковъ. Они насъ призрѣли, держали насъ у себя дней съ 18 и, въ теченіи этого времени, собрали отъ грабителей часть отнятыхъ у насъ вещей и денегъ. Потомъ они насъ повезли къ находившемуся отъ кочевья ихъ въ разстояніи одного дня пути Трухменцу Мурадъ-Алію, который съ 20 или 30 товарищами, Трухменцами же, собиралъ подать съ Киргизовъ. Онъ встрѣтилъ насъ самъ и объявилъ намъ, что, для спасенія насъ пошлетъ въ Хиву, но Абботъ ему сказалъ, что онъ туда ни подъ какимъ видомъ не поѣдетъ. Продержавъ насъ 3 дня, онъ наконецъ согласился отпустить насъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Въ это время пріѣхали къ Мурадъ-Алію, Асанъ-Батырь и сынъ его, котораго мы здѣсь видѣли въ первый разъ.

Когда напали на насъ разбойники, у насъ было 10 лошадей, изъ которыхъ одна принадлежала Трухменцу Кыдыру Курпину, находящемуся здѣсь съ нами. Семь лошадей намъ возвратили, въ томъ числѣ и Кыдырову, а три лошади остались у грабителей. Возвращенныя 7 лошадей остались наконецъ въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи.

По ограбленіи насъ, пріѣзжалъ къ намъ одинъ Авганецъ, именемъ Сали-Мухамедъ-Мулла-Хасановъ, который послѣ нашего выѣзда изъ Герата, былъ посланъ оттуда для того, чтобы узнать, гдѣ мы находимся и что съ нами сдѣлалось. Абботъ отправилъ его обратно съ извѣстіемъ о постигшемъ насъ несчастіи.

Въ Хивѣ нашли мы въ плѣну Авганца Амиръ-бека, служившаго прежде у Англичанина Тата въ Гератѣ. Онъ былъ посланъ отъ Тата съ бумагами въ Мешедъ, но дорогою напали на него Трухменцы, взяли его въ плѣнъ, повели въ Хиву и продали. Его тамъ перепродавали нѣсколько разъ, но мы его застали въ рабствѣ у Мехтяра. Однажды онъ бѣгалъ, но его поймали и отрѣзали у него уши. Амиръ-бекъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ Авганцевъ, которые держатся шіитскаго толку магомеданской вѣры, въ прочемъ въ Хивѣ держатъ въ плѣну и сунитовъ; я самъ видѣлъ человѣкъ до 50 Авганцевъ этой секты. На базарѣ я видалъ, что продаютъ земляковъ моихъ, уроженцевъ гератскихъ, такъ же сунитовъ. Когда я къ нимъ подходилъ для подаванія милостыни деньгами или пищею, меня бранили и отгоняли.

Абботъ выкупилъ Амиръ-бека и отправилъ его въ Гератъ съ письмами, которыя передъ выѣздомъ его изъ Хивы были у него отобраны и большею частью удержаны. Объ этомъ разказалъ намъ Сали-Мухамедъ-Мулла-Хасановъ, который встрѣтился съ Амиръбекомъ между Гератомъ и Хивою.

Хивинцы очень недовѣрчивы, и чужеземцы въ Хивѣ подвергаются всегда крайней опасности. Мы нашли тамъ одного достаточнаго Индѣйца, у котораго Абботъ, по недостатку въ деньгахъ, хотѣлъ занять 100 червонцевъ голландскихъ съ тѣмъ, чтобы заплатить въ Гератѣ 125. Индѣецъ былъ на то согласенъ, но не рѣшился дать денегъ, боясь возбудить подозрѣнія. Послѣ того Абботъ обратился къ Мехтяру, который на тѣхъ же условіяхъ досталъ ему потребную сумму отъ какого-то купца.

Въ 1838 году, какъ я слышалъ отъ очевидцевъ, убиты были въ Хивѣ 6 человѣкъ чужеземцевъ, изъ которыхъ трое были мусульмане, а прочіе Англичане. Ихъ сочли за лазутчиковъ и, прежде лишенія ихъ жизни, пытали ихъ, домогаясь признанія, кто они и зачѣмъ пріѣхали.

Передъ отправленіемъ изъ Хивы я нанялъ одного выкупившагося на волю Персіянина. Со втораго ночлега онъ убѣжалъ, оставляя скарбъ свой, сказавъ, что слышалъ, будто насъ всѣхъ велѣно убить.

Абботъ совѣтовалъ Мехтяру отдать всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, но Мехтяръ сказалъ: «Мы отослали уже 170 человѣкъ, но Русскіе не освобождаютъ ни одного изъ нашихъ и сверхъ того задерживаютъ нашихъ посланцевъ. Теперь Русскихъ осталось уже очень не много, а если найдутся, то мы ихъ отдадимъ.»

Во время пребыванія нашего въ Хивѣ, приготовляли лафеты къ пушкамъ и припасали къ нимъ лошадей. Страха особеннаго въ Хивинцахъ замѣтно не было, и они надѣялись непремѣнно отразить нападеніе Русскихъ. Войско, которое было выслано въ киргизскую степь, воротилось при насъ. Оно потеряло много людей, а особенно лошадей и верблюдовъ. Ханъ намѣревался выслать еще войско къ Кунграту.

Англичане въ Гератѣ всѣ одѣваются по европейски, но бороды не брѣютъ. Абботъ въ Хивѣ къ Алла-Кулу ходилъ въ мундирѣ, съ бѣлою чалмою на головѣ, но вмѣсто шпаги былъ у него кабульской работы поясъ, который пропалъ при ограбленіи насъ.

За позволеніе жить въ Гератѣ Англичане платятъ Ша-Камрану по 10,000 рупій въ мѣсяцъ. Татъ обязался заплатить ему 14 лакъ рупій, съ тѣмъ чтобы онъ удержалъ часть для себя, часть отдалъ визирю своему, а остальныя употребилъ на пособіе народу, пришедшему отъ войны съ Персіянами въ крайнюю бѣдность. Деньги эти, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ часть, уже выплачены и издерживаются по назначенію. Войско получаетъ жалованье, а бѣднымъ поселянамъ даютъ по небольшему количеству въ долгъ съ тѣмъ, чтобы они чрезъ 3 или 4 года заплатили. Люди визиря сбираютъ подати, но Англичане совѣтуютъ не требовать ничего теперь, для того, чтобы народъ могъ поправиться.

Одинъ изъ Англичанъ поправляетъ укрѣпленія Герата на счетъ правительства англійскаго, платя работникамъ ежедневно, по условію, деньги. Другой завелъ больницу, въ который лечитъ безвозмездно больныхъ на свой счетъ. Еще одинъ изъ нихъ, именно Шекспиръ, измѣряетъ землю и повѣряетъ разстояніе между селеніями и урочищами.

Вообще Англичане устраиваютъ въ Гератѣ порядокъ, спокойствіе и безопасность. Многіе достаточные люди, выѣхавшіе въ Мешедъ, черезъ письма спрашиваютъ Тата, ручается ли онъ за безопасность ихъ и неприкосновенность имущества въ случаѣ возвращенія.

---

3. Показаніе Трухменца Кыдыра Кирпина.

30 мая 1840 года.

Зовутъ меня Кыдыръ Курпинъ сынъ, 49 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, рожденъ въ Тамъ-Гаузѣ, Трухменецъ, изъ рода Чодуръ. Назадъ тому около 4 мѣсяцевъ въ Старомъ Ургенчѣ отдалъ я верблюда для провоза тяжестей, принадлежащихъ Англичанину Абботу, за 2$^1/_4$ тилли и обѣщался указать дорогу до Мангышлака. Прочіе верблюды были наняты у Трухменцевъ: одинъ у Трухменца Пиръ-Берды Халлибекова, три у Кучкара Пиръ Маметева, три у Бикназара Хаджіева, а остальные 4, не знаю у кого, и отданы были, два подъ присмотръ Халлибекова, и два Хаджіева, съ платою до Мангышлака по 2$^1/_4$ тилли. Вожаки эти съ верблюдами остались на Мангышлакѣ, а мой верблюдъ палъ, и потому я, не имѣя средства возвратиться, по просьбѣ Аббота, согласился проводить его до Ново-Александровскаго укрѣпленія. Не доѣзжая до укрѣпленія на одинъ день ѣзды, напали на насъ Киргизы, Адаевскаго рода, подъ предводительствомъ Суюнкары и ограбили у Англичанина Аббота и бывшихъ съ нимъ Авганцевъ много денегъ и вещей, но меня не тронули. Авганцы, вѣроятно съ позволенія Аббота говорили, что ѣдутъ къ русскому императору, но за чѣмъ, они никому не говорили. Киргизы сказывали мнѣ, что Англичанина разграбили по приказанію хана хивинскаго. Когда получили извѣстіе въ Хивѣ, что противъ Хивинцевъ выступили русскія войска, то Кушбеги, нѣкоторые говорятъ съ 20,000, а другіе съ 30,000 войска и 2 пушками, выступилъ противъ Русскихъ, но ихъ не встрѣтилъ и воротился съ большимъ урономъ людей, верблюдовъ и лошадей, и почти все войско пришло пѣшкомъ. Въ дорогѣ на мѣстечкѣ Айбугиръ слышалъ я, что въ Хиву провезли какого-то русскаго Кара-Дильмача (Антова).

Авганцы, задержанные вмѣстѣ со мною, отъ Хивы до Мангышлака ѣхали черезъ слѣдующія мѣста: городъ Казаватъ, Шабадъ, Ташъ-Гаузъ, Ключъ-Ніязъ, Старый Ургенчъ, гдѣ и я присоединился къ нимъ, потомъ урочище Айбугуръ, колодцы: Табынъ, Ильтджа, Каракынъ, Сай-Кудукъ, Башъ-Углы, Сингакъ, Сумса, Уръ, Беки, Аджи-Башъ, Аджъ-Урякъ, Канга, Чуйли и Кядикъ, на морскомъ берегу. Отъ Айбугура до колодца Табына 2 дня ѣзды; воды нѣтъ, травы, называемой юманъ и буюргунъ, довольно много. Отъ колодца Табына до колодца Ильтджа пять дней ѣзды, воды нѣтъ, кромѣ дождевой, которая стоитъ 10 и даже 15 дней. Трава юманъ и буюргунъ и много саксаулю. Отъ Ильтджа до Каракына 4 дня ѣзды, воды нѣтъ, юману и буюргуну много, но саксаулъ попадается рѣдко. Отъ Каракына до Сай-Кудука 4 перехода, юману и буюргуну много, а саксаулей нѣтъ и далѣе не растетъ. До Башъ-Углы 3 перехода, до Сингака тоже три, а до Сумса 2 перехода. Юманъ и буюргунъ есть. Отъ Сумса до колодцевъ Уръ и Беки по 3 денныхъ перехода, и до Аджи-Баша два дня ѣзды. Отъ Аджи-Баша до Аджъ-Уряка 1 переѣздъ, а до Канги 2, трава есть. До Чуйли 2 дня ѣзды, а до Кядика однодневный переходъ. На Чинкъ поднялись при Айбургурѣ, а спустились при колодцѣ Каракынѣ. Отъ Стараго Ургенча до Мангышлака по причинѣ холода и булановъ, ѣхали 26 дней, но въ хорошее время на верблюдахъ доѣзжаютъ въ 20 дней, а на лошадяхъ въ 10 дней. Отъ Мангышлака до Сусанъ-Ата ѣхали 7 дней; здѣсь розграбили насъ Киргизы и держали у себя 20 дней, но когда отпустили, пріѣхали въ Ново-Александровское укрѣпленіе въ 3 дня.

---

4. Показаніе Авганца Али-Мухамеда Мухаммедъ-Шерифова.

30 мая 1840 года.

Зовутъ меня Али-Мухаммедъ, Мухаммедъ-Шерифовъ сынъ, 34 лѣтъ, вѣры магометанской, шіитскаго толка, Авганецъ, изъ рода Бурдураны-Юсуфъ-Зеи, находился 12 лѣтъ въ плѣну у Хивинцевъ и откупился въ мѣсяцѣ Мухарремѣ прошлаго года за 52 червонца. Въ плѣнъ взятъ Аймаками изъ горъ близь Герата, гдѣ находился

на службѣ и проданъ Трухменцу, живущему на Таджанѣ, по имени Сафа-Ходже за 42 тилли, а имъ перепроданъ въ Хиву Абдуллѣ-беку, брату нынѣшняго хивинскаго кумбегія Ата-Мурадъ-бека, у котораго и жилъ все время нахожденія въ плѣну. Изъ Герата выѣхали мы въ мѣсяцѣ Шаватѣ (въ концѣ января), назадъ тому 7 мѣсяцевъ. Еще до пріѣзда нашего въ Хиву слышалъ я, что Русскіе въ нынѣшнемъ году усилили войска, находящіяся въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи до 100,000 человѣкъ, и что хотятъ итти въ Хиву. По этому Кумбегій собралъ изъ Киргизовъ, Трухменцевъ, Каракалпаковъ, Узбековъ и Ямутовъ, всего около 10,000 человѣкъ войска и отправился противъ Русскихъ, но войско Кумбегія понесло ужасный уронъ въ людяхъ, верблюдахъ и лошадяхъ отъ необыкновенныхъ холодовъ и возвратилось безъ успѣха, спустя десять или болѣе дней, послѣ нашего прибытія въ Хиву. Во время пребыванія нашего въ Хивѣ замѣтно было, что занимаются исправленіемъ пушекъ. Изъ нихъ годныхъ къ дѣйствію, на колесахъ, видѣлъ я 8 пушекъ, а около 20 ни къ чему негодны: у нѣкоторыхъ вышиблены края, у другихъ казенная часть, но разорваны ли онѣ порохомъ или разбиты, по неосторожности, я утвердительно сказать не могу. Во время нахожденія моего въ плѣну въ Хивѣ, я зналъ многихъ Русскихъ; у хозяина моего Абдуллы-бека были: Василій, Павелъ, Демьянъ, Андрей, Иванъ и Сидоръ, послѣдніе два умерли, а Павелъ откупился. Киргизы на мѣстечкѣ Сусанъ-Ата отняли у меня: ножъ, рубаху съ портами, нагрудникъ насѣченный серебромъ и халатъ, но послѣдній возвратили. Саблю, копье и лошадь отобрали въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи. Въ самой Хивѣ мнѣ нѣкоторые благопріязненные Хивинцы говорили, что Англичанина Аббота ханъ велѣлъ убить; объ этомъ я говорилъ Абботу, и онъ, разсмѣявшись, сказалъ, что теперь уже дѣлать нечего, а надобно ѣхать въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Абботъ у хана былъ три раза, но привозилъ ли подарки хану, я не знаю.

---

5. Показаніе Авганца Хаджи Мухаммеда Мулла Рахманова.

30 мая 1840 года.

Зовутъ меня Хаджи Мухаммедъ, сынъ муллы Рахмана, вѣры магометанской, сунитскаго толка, родился въ Гератѣ, отъ роду имѣю 21 годъ, Авганецъ, изъ рода Сагы-Зеи. Изъ Герата выѣхали по окончаніи мѣсяца Рамазана, кажется 15 или 16 Шавата (въ концѣ января), по приказанію Камрана, для сопровожденія Англичанина Аббота. Для чего Абботъ ѣздилъ въ Хиву и съ какою цѣлію пріѣхалъ сюда, я не знаю. Абботъ, какъ я знаю, былъ у хана два раза, но объ чемъ говорилъ съ нимъ, ни отъ кого узнать не могъ. Во время бытности нашей въ Хивѣ былъ слухъ, что ханъ Алла-Кулъ намѣренъ поступить съ нами дурно, но, что именно хотѣлъ сдѣлать, убить или посадить въ тюрьму, не слыхалъ. Основываясь на этомъ, Абботъ поспѣшилъ выѣхать изъ Хивы въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Киргизы при Сусанъ-Ата у меня отняли: чуху *), рубаху съ портами, чалму, ичиги и лошадь, данную мнѣ Саметъ-ханомъ, но денегъ у меня не было. Отняли ли Киргизы деньги у Аббота и сколько, я не знаю, и также мнѣ неизвѣстно, откуда онъ взялъ деньги, которыя теперь у себя имѣетъ. О подаркахъ Аббота хану хивинскому, я ничего не слыхалъ и не знаю. Въ Хивѣ былъ слухъ, что Алла-Кулъ высылалъ противъ Русскихъ 8,000 войска, но что оно возвратилось безъ всякаго успѣха и отъ чрезмѣрнаго холода потерпѣло большой уронъ.

---

6. Показаніе Авганца Махмуда Исмаилова.

30 мая 1840 года.

Зовутъ меня Махмудъ, сынъ муллы Исмаила, 20 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, родился въ Зіяратъ-Гязѣ, Авганецъ изъ рода Асанъ-Зеи. Изъ Герата мы выѣхали, какъ я помню, 15 Шавата (въ концѣ января), перваго мѣсяца послѣ Рама-

---

*) Халатъ особеннаго покроя.

зана, по приказанію шаха Камрана, для сопровожденія Англичанина Аббота, который не знаю, куда и съ какою цѣлію отправился, и зачѣмъ сюда пріѣхалъ. Изъ Герата до Хивы ѣхали мы чрезъ Пенди, Елатанъ и Мавръ. Первое небольшое селеніе, а послѣдніе хорошіе города. Отъ Киргизовъ я слышалъ, что до 100,000 человѣкъ русскаго войска выступило противъ Хивы, но о хивинскомъ ничего не слышалъ. Во время бытности моей въ Ташъ-Гаузѣ былъ слухъ, что въ Хиву везутъ какого-то плѣннаго Ногайца Кара-Дильмача. При урочищѣ Сусанъ-Ата у меня отняли: ножъ, двѣ чухи, поясъ, пять цѣпей для ковки лошади и три рубахи съ портами, но возвратили только рубаху съ портами, О подаркахъ Аббота хану Аллакулу, ничего не слыхалъ и не знаю. Лошадь отобрали у меня въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи.

Показаніе Авганца Якупа Юсуфова.

30 мая 1840 года.

Зовутъ меня Якупъ Юсуфовъ сынъ, 45 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, родился въ Гератѣ. Изъ Герата отправился я съ Англичаниномъ Абботомъ, по приказанію шаха Камрана, неизвѣстно мнѣ съ какою цѣлію. Изъ Герата до Хивы ѣхали мы чрезъ Бабаджи, Кушкъ, Елатанъ и Мавръ, довольно большіе города; въ нихъ еженедѣльно бываютъ торговые съѣзды, а прочія незначительныя селенія. На всемъ пространствѣ отъ Герата до Хивы недостатка въ водѣ и топливѣ не встрѣчали, и безводныхъ пространствъ не было болѣе, какъ на два дня ѣзды. Въ Хивѣ я былъ долго боленъ, и потому ничего объ Хивѣ и о пріемѣ ханомъ Алла-Куломъ Аббота, сказать не могу. На урочищѣ Сусанъ-Ата у меня Киргизы отняли: саблю, три ножа, два халата, три рубахи съ портами, лошадь, три платка, шерстяные шаровары, пятнадцать рупій, сорокъ тянегъ, суконную куртку съ шароварами и шапку, но возвратили только сорокъ тянегъ, лошадь и куртку, безъ шароваровъ. Въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи отобрали у меня лошадь.

Авганцы, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ Абботомъ, по разнорѣчію показаній ихъ о томъ, сколько разъ былъ Абботъ у хана Алла-Кулла, были сведены на очную ставку и показали:

30 мая 1840 года.

1-й Саметь-ханъ Мухамметь-хановъ говоритъ, что былъ у хана съ Абботомъ два раза, но утвердительно сказать не можетъ, потому, что на три дня ѣздилъ въ Ургенчь. 2-й Мирза Абдусаметъ Мегеметь-Аліевъ хорошо не помнитъ, но говоритъ, что не болѣе 3-хъ или 4-хъ разъ, а всѣ прочіе утверждаютъ, что три раза. О подаркахъ Аббота хану, такъ и отъ хана Абботу, никто ничего не знаетъ. Въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи у нихъ отобрали: шесть лошадей, четыре сабли, одно ружье, одинъ топоръ, семь ножей и кинжалъ и копье.

---

7. Показаніе Авганца Низамеджика Нурмегеметева.

24 іюня 1840 года.

Зовутъ меня Низамеддинъ Нурмегеметевъ сынъ, 15 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, родился въ селеніи Ширѣ, на полдня ѣзды отъ города Газни, Авганецъ, изъ рода Ибрагимъ-Зеи. Я не помню, сколько лѣтъ жилъ въ Ширѣ и потомъ въ Нанѣ, а оттуда перешелъ въ Кандагаръ и былъ постельникомъ четыре года у начальника Кандагара, Рандиль-хана Паиндыханова, а потомъ два года у Мегеметь-Садыка Кугандиль-ханова, племянника Досъ-Мегеметь-хана, а другія шесть лѣтъ у разныхъ лицъ, живущихъ въ Кандагарѣ, и между прочимъ, вторично у Мегеметь-Садыка Кугандиль-ханова. Въ прошломъ году, по приходѣ англійскихъ войскъ въ Кандагаръ, я вмѣстѣ съ Кугандиль-ханомъ, Рамдиль-ханомъ, Мильди-ханомъ и Миръ-Афзаль-ханомъ, сыномъ Пурдиль-хана, которые отправились въ Тегеранъ, къ шаху Мегемету, доѣхалъ до города Кушкъ-Нухудъ, а тутъ отсталъ отъ нихъ и, возвратившись въ Кандагаръ, вступилъ въ службу къ Англичанину Абботу, съ платою мнѣ по десяти рупій въ мѣсяцъ, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Гератъ. Изъ Герата, не знаю по чьему приказанію и съ какою

цѣлію, онъ поѣхалъ въ Хиву, но въ дорогѣ говорилъ мнѣ, что онъ посланъ отъ своего царя къ россійскому императору. Изъ Герата выѣхали въ мѣсяцѣ Шаватѣ (въ январѣ) и, пріѣхавъ въ Хиву, прожили тамъ сорокъ дней, но впрочемъ вѣрно не знаю, потому что все время пребыванія нашего въ Хивѣ былъ болѣнъ, и по этой причинѣ, не могу сказать навѣрное, сколько разъ Абботъ былъ у хана Аллакула и ни отъ кого не слыхалъ, объ чемъ онъ говорилъ съ ханомъ. При Сусанъ-Ата Киргизы ограбили насъ и отняли у меня: три буджагли *), три бухарскихъ тилли, три чухи, двѣ рубахи съ портами, но возвратили двѣ рубахи и порты, а у Аббота, какія вещи и сколько денегъ, я не знаю и ни отъ кого не слыхалъ.

Въ Хивѣ кромѣ Аббота, Англичанъ не было и теперь нѣтъ, а въ Бухарѣ есть ли, я не знаю. Въ Гератѣ есть десять или двѣнадцать человѣкъ Англичанъ, именъ ихъ я не знаю, кромѣ Тата, главнаго ихъ начальника; всѣ они чиновники, имѣютъ прислугу, но войска англійскаго и пушекъ нѣтъ. Сколько войска въ Кандагарѣ, я не знаю, потому что, по входѣ его въ Кандагаръ, я немедленно выѣхалъ изъ него. Кандагаромъ владѣетъ шахъ Шуджа, чрезъ посредство Англичанъ; что дѣлается въ Кабулѣ и сколько тамъ Англичанъ, я вѣрно не знаю, но только слышалъ, что и туда отправлено англійское войско. Досъ-Мегеметь-ханъ бѣжалъ изъ Кабула, но неизвѣстно мнѣ, гдѣ находится. У Досъ-Мегеметь-хана шесть братьевъ: 1-й Фети-ханъ былъ визиремъ при шахѣ Камранѣ, владѣтелѣ Герата, но, по повелѣнію его, лишенъ зрѣнія и, не знаю, сколько лѣтъ назадъ тому, умеръ, 2-й Мирдиль-ханъ, 3-й Пурдиль-ханъ, 4-й Кугандиль-ханъ, 5-й Рандиль-ханъ и 6-й Мирдиль-ханъ: изъ нихъ Шурдиль-ханъ и Пурдиль-ханъ умерли, а Кугандиль-ханъ, Кандиль-ханъ и Мирдиль-ханъ уѣхали въ Тегеранъ. Больше ни объ чемъ не слыхалъ.

Касательно лѣтъ, Нурмегеметевъ говоритъ явную неправду, невозможно, чтобы онъ, трехъ лѣтъ поступилъ въ прислугу, сверхъ того онъ имѣетъ довольно густую бороду, и надобно думать, что ему около двадцати пяти лѣтъ.

---

*) Голландскій червонецъ.

Показаніе Авганца, прибывшаго въ августѣ 40 года вмѣстѣ съ Шекспиромъ и посланникомъ хивинскимъ, сопровождавшимъ отпущенныхъ изъ Хивы нашихъ плѣнныхъ, Худай-Берды Касимъ-али бекова.

29 сентября 1840 года.

Зовутъ меня Худай-Берды, Касимъ-али-бековъ сынъ, отъ роду имѣю тридцать шесть лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толко, уроженецъ гератскій, читать по персидски могу, но писать не умѣю. На восемнадцатомъ году вступилъ я въ службу къ Фетхалихану, секретарю шаха Камрана и, прослуживши у него три года, по смерти его, служилъ у Ата-Меметь-хана, который тоже вскорѣ померъ, а послѣ него остались три сына, которые теперь въ Гератѣ сердарями (начальники войска), прочее время служилъ у старшаго сына Ата-Меметь-хана, Динъ-Меметь-хана и средняго сына Гулямъ-хана. Во время нашествія Персіянъ на Гератъ, я уходилъ въ городъ Меймунъ близь Шабиргана, и потомъ, возвратившись въ Гератъ, назадъ тому около года, вступилъ въ службу къ Англичанину Шекспиру. Не знаю, для чего Шекспиръ ѣздилъ въ Хиву, но только слыхалъ, что онъ требовалъ выдачу русскихъ плѣнныхъ и поручился хану Алла-Кулу, что онъ выдастъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, то и купцевъ его непремѣнно отпустятъ изъ Россіи. Въ Хивѣ мы жили пятьдесятъ дней. Шекспиръ очень часто бывалъ у хана, но о чемъ говорилъ съ нимъ, я не слыхалъ ни отъ кого. Во время пребыванія въ Хивѣ, мы ежедневно получали отъ хана сорочинское пшено, масло и мясо, а для лошадей сѣно и овесъ. Ханъ, при отпускѣ плѣнниковъ изъ Хивы, далъ каждому человѣку по батману муки и на разные расходы: какъ-то на наемъ верблюдовъ и на прочее, отпустилъ Шекспиру на 2,000 голландскихъ червонцевъ. Въ Тамъ-Гаузѣ и въ Куне-Ургенчѣ для плѣнниковъ нанято было 208 верблюдовъ. Дабы плѣнники не могли растеряться и отстать, Шекспиръ раздѣлилъ ихъ на отдѣленія по тридцати человѣкъ, и каждый староста отдѣленія обязанъ былъ ежедневно пересчитывать и доносить о ихъ числѣ и здоровьи Шекспиру. Въ подарокъ Алла-Кулъ хану я знаю достовѣрно, что Шекспиръ привелъ изъ Герата гнѣдаго жеребца арабской породы, но о цѣнѣ не слыхалъ, а толь-

ко Шекспиръ его хвалилъ. Другихъ подарковъ никакихъ не видѣлъ. Объ Абботѣ я ничего нэ слыхалъ. Во время отправленія Аббота въ Хиву, я находился въ войскѣ, посланномъ для усмиренія взбунтовавшихся горцевъ, Аймаковъ изъ племени Таймуни. Въ этомъ войскѣ, состоявшемъ изъ 2,000 человѣкъ Авганцевъ, находились: главный начальникъ Англичанъ въ Гератѣ Татъ, Шекспиръ и Сандаль. Въ Гератѣ, какъ я слышалъ, остались только Татъ и Натъ, а Сандаль уѣхалъ въ Кандагаръ. Англійскихъ солдатъ въ Гератѣ нѣтъ, но Татъ и другіе имѣютъ около 100 человѣкъ прислуги изъ Индійцевъ и Авганцевъ, которыхъ они у себя содержатъ на жалованьи. Въ Гератѣ Англичане построили больницу, принимаютъ всѣхъ больныхъ и содержатъ на своемъ иждивеніи.

Укрѣпленіе Герата уже съ годъ продолжаютъ поправлять наемщиками изъ разныхъ народовъ, съ платою каждому работнику по двухъ-аббаснику въ день. Работа кончится не ранѣе трехъ лѣтъ. Ровъ глубиною прежде былъ 10 аршинъ; а теперь дѣлаютъ 20 аршинъ; въ ширину около 30 аршинъ. Валъ шириною около 50 шаговъ и имѣетъ множество каменныхъ башенъ. Возмущеніе Аймаковъ кончилось тѣмъ, что они, услыхавъ о приближеніи войска, выслали отъ себя парламентеровъ изъ знатныхъ фамилій, подарили Тату десять лошадей и говорили, что они, положившись только на слова Тата, пріѣхали, а визирю они не повѣрили бы: визирь хотѣлъ задержать ихъ, но Татъ не согласился и они обѣщались на будущее время не возмущаться. Въ Кабулѣ, въ Кандагарѣ и въ Баміянѣ, какъ въ провинціяхъ, покоренныхъ Англичанами, говорятъ есть англійскіе солдаты и артиллерія, но сколько именно, не слыхалъ. О Досъ-Меметь-ханѣ, говорятъ, что онъ живетъ въ Бухарѣ съ семействомъ, но достовѣрно не знаю и не слыхалъ, какого о немъ мнѣнія бывшіе его подданные.

Изъ Герата до Хивы, мы ѣхали въ числѣ 35 человѣкъ, изъ Хивы выѣхало только 20 человѣкъ; изъ Ново-Александровскаго укрѣпленія воротились и остальные, и насъ осталось только двое. Больше ни объ чемъ не слыхалъ и не знаю.

ДНЕВНИКЪ

переводчика Армянина Турпаева, посыланнаго въ 1834 г. изъ Ново-Александровскаго укрѣпленія въ Хиву.

(Переводъ съ армянскаго).

25 іюля.

25-го іюля, съ вожатымъ Киргизомъ Баймухаметъ Маннымъ и рабочимъ Киргизомъ же Шиндау Балтасовымъ отправился изъ Ново-Александровска.

26 іюля.

26-го числа, по закатѣ солнца, доѣхали до Эчки-Кыгыргана, мѣста расположенія аула вожака Баймухамета, обще съ 30 кибитками Адаевцевъ. На пути къ Эчки-Кыгыргану находятся два прѣсные колодца: первый, называемый Ченгола, въ 25-ти верстахъ отъ Ново-Александровска, а другой Басаръ въ 40 верстахъ. Оба колодца, по словамъ Киргизовъ, имѣютъ глубины по 17-ти маховыхъ саженъ. При колодцахъ сидятъ адаевскіе аулы, при каждомъ по 10 кибитокъ. Въ Эчки-Кыгырганѣ четыре колодца, одинаковой мѣры съ предъидущими, съ весьма обильною водою. Отъ Ново-Александровска до Эчки-Кыгыргана, примѣрно, 45 верстъ. На вопросъ Киргизовъ, куда мы ѣдемъ, отвѣчали, что велѣно отправиться въ Хиву;

далѣе Киргизы спрашивали о причинѣ и надобности поѣздки: я отвѣчалъ, что ѣду къ управляющему дѣлами хивинской торговли беги - Ніязу - диванъ - бегію, для приглашенія хивинскихъ купцовъ въ Ново-Александровскъ съ товарами, а также для извѣщенія о томъ же кочующихъ по тракту Киргизовъ и Туркменъ. Киргизы объявили, что старшина ихъ Мая, по призыву хивинскаго хана, уѣхалъ въ Хиву и что за нимъ пріѣзжалъ нарочный Киргизецъ табынскаго рода Ніязъ. Я спрашивалъ, почему Ніязъ не пріѣзжалъ въ Ново-Александровскъ и почему они не дали намъ о томъ знать? Киргизы отвѣчали, что онъ былъ присыланъ тайно, узнать, не имѣютъ ли они сообщенія съ Русскими, не дѣлаютъ ли имъ вспоможенія, а по сему изъ боязни не рѣшились извѣстить о немъ. Ніязъ ночью подъѣзжалъ близко къ крѣпости, видѣлъ стоящія въ ней кибитки, говорилъ Киргизамъ о негодованіи хана за даваемыхъ Русскимъ верблюдовъ, и на слѣдующій день съ старшиною Маей отправился въ Хиву. Киргизы совѣтовали мнѣ дождаться Маи и тогда уже ѣхать въ Хиву. Я отвѣчалъ, что мнѣ нельзя нарушить приказанія, и какъ поѣздка моя не имѣетъ для нихъ ничего продосудительнаго, то просилъ не удерживать. Они отзывались съ похвалою о начальникѣ укрѣпленія, благодарили за хорошую расплату съ вощиками верблюдовъ, расположеніе къ ихъ старшинамъ и подарки. Ханъ объ этомъ слышалъ, сердится, и Киргизы боятся худыхъ послѣдствій. Мнѣ дали пять лошадей, принесли извиненіе за продержку двухъ дней и просили не доводить объ этомъ до свѣденія начальника укрѣпленія. На прощаньи старался я ихъ успокоить, увѣрялъ, что ханъ сердиться не будетъ, и просилъ, чтобы они по примѣру прежнихъ сношеній съ Русскими, ходили въ Ново-Александровскъ, гдѣ укрѣпленіе строится для общей позьзы Хивинцевъ, Туркменъ и Киргизовъ.

28 іюля.

28-го въ полдень, съ прежними моими вожатыми, выѣхалъ я изъ Эчки-Кыгыргана; въ 7 часовъ вечера достигли до пяти колодцевъ, при урочищѣ Бешчингравъ; здѣсь расположено 20 адаевскихъ кибитокъ, при коихъ скота 18,000 головъ разнаго рода; колодцы глубже тремя саженями Эчке-Кыгырганскихъ, при которыхъ, какъ и при

первыхъ, лежатъ каменныя колоды для водопоя. Всѣ эти 20 кибитокъ съ большимъ избыткомъ удовлетворяются водою изъ 5-ти колодцевъ. Киргизы спрашивали, куда мы ѣдемъ? я отвѣчалъ: въ Хиву. Они радовались водворенію Русскихъ и сближенію торговли, сказывали, что слышали о начальникѣ крѣпости, котораго называютъ Карелъ, знаютъ, что онъ дастъ подарки Киргизамъ, и спрашивали, дастъ ли и имъ? Я отвѣчалъ: ведите на работу верблюдовъ, за которыхъ дадутъ хорошую плату, а старшинѣ подарятъ. Чрезъ три часа выѣхали мы изъ Бешчинграва и, отъѣхавъ примѣрно 15 верстъ, въ степи ночевали.

29 іюля.

29-го рано отправились, и въ 10-мъ часу утра доѣхали до Джангизъ Кудука (одного колодца), воды въ немъ немного и на вкусъ солона, тутъ расположены четыре адаевскія кибитки. Напоивъ въ колодцѣ лошадей, мы, по совѣту Баймамбета, не останавливаясь, поѣхали до прѣснаго колодца Артагали, къ которому прибыли въ полдень. При семъ колодцѣ сидятъ 20 адаевскихъ кибитокъ, 2000 головъ скота, который по очереди поятъ съ утра до полуночи. Колодезь имѣетъ глубины 23 сажени. Вода по значительномъ уменьшеніи становится нѣсколько солоною, когда же набѣгаетъ, то снова дѣлается прѣсною. Тутъ приняли насъ отлично: поставили для роздыха шатеръ изъ краснаго, толстаго сукна и спрашивали Баймамбета, кто я? Вожакъ сказалъ, что астраханскій Эрмели-ногай. Меня называли мулла эльчи (посланникъ); говорили, что дѣды и отцы ихъ не видали въ здѣшнемъ краю Русскихъ и потому не знаютъ, будетъ-ли имъ то полезно или нѣтъ? Я увѣрялъ, что всѣ рода киргизскіе находятся подъ покровительствомъ Россіи, слѣдственно нельзя думать, чтобы одно поколѣніе было исключено изъ сего правила, что крѣпость выстроена для торга съ Хивинцами, Туркменами и Киргизами, и что въ ней для порядка находится начальникъ, который не допуститъ никого до обиды Киргизы этому весьма радовались, жаловались на притѣсненія хивинскаго хана, по приказанію котораго, за три года передъ тѣмъ, были они ограблены, причемъ до 400 человѣкъ Киргизовъ перерѣзаны, и сорокъ женщинъ увлечены въ неволю. Сверхъ того обременяютъ ихъ нало-

гами при вывозѣ хлѣба и товаровъ, и берутъ съ каждаго верблюда по пяти и болѣе рублей; хвалили русское правительство и желали единственно зависѣть отъ него. Черезъ два часа отправились въ путь; въ сумерки доѣхали до колодца Акъ-Курухъ, имѣющаго воду прѣсную и 12 саженъ глубины; кибитокъ не было. Напоивъ лошадей и отдохнувъ, отправились далѣе; проѣхавъ 30 верстъ, на дорогѣ ночевали.

30 іюля.

30 іюля въ 10-мъ часу прибыли къ колодцу Джангысъ-Чинграу; качество воды и глубина тѣже, что и въ Акъ-Курухѣ; кибитокъ не было. Отсюда въ сумерки достигли трехъ колодцевъ Кошъ-Ата, глубиною по 20 саженъ; вода прѣсная; при каждомъ каменныя колоды; въ правой сторонѣ отъ колодцевъ стоитъ каменное, небольшое кладбище; кибитокъ нѣтъ. По словамъ вожатыхъ, въ этихъ колодцахъ можно поить до трехъ тысячь скота. Тутъ пробыли мы четыре часа, и вожакъ сказалъ, что теперь колодцевъ не будетъ до Табынъ-су; другіе въ сторонѣ, въ 15 верстахъ отъ дороги. Всю ночь слѣдуя, передъ разсвѣтомъ, на дорогѣ отдохнули.

31 іюля.

31-го іюля въ полдень доѣхали до колодца Табынъ-су, имѣющаго глубины 15-ть саженъ, и воду прѣсную; ауловъ нѣтъ. Тутъ встрѣтили мы десять адаевскихъ Киргизовъ, слѣдовавшихъ съ 20-ю верблюдами, навьюченными хлѣбомъ и товарами. Киргизы объявили, что возвращаются изъ земли—Каракалпаковъ, куда ѣздили для торговли. Въ свою очередь спрашивали они насъ: куда ѣдемъ? мы отвѣчали, что посланы въ Хиву начальникомъ русской крѣпости. Адаевцы сказали, что слѣдовать туда не возможно, потому что водою покрыло всѣ дороги; мы возразили, что пока своими глазами не увидимъ, воротиться не смѣемъ. Разставаясь, вожакъ ихъ сказалъ, что съ Айбугыра должно намъ поворотить вправо на туркменскую дорогу. Простившись съ Киргизами, проѣхали три колодца, также Табынъ-су, называемые и расположенные не вдалекѣ одинъ отъ другаго. Отдыхали на дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой растетъ большой саксауловый лѣсъ, начавшійся съ перваго колодца Та-

бынъ-су. Вожакъ объявилъ, что въ лѣсахъ этихъ, при большой дорогѣ, скрываются разбойники, которые проѣзжающихъ грабятъ, почему, при солнечномъ закатѣ, своротили вправо и ѣхали до разсвѣта стороною.

1-го августа.

На разсвѣтѣ, 1-го августа, выѣхали на большую дорогу, отдохнули, и въ полдень доѣхали до Айбугыра. Въ этомъ мѣстѣ обрывъ Усть-Урта весьма крутъ; отъ подошвы, къ Хивѣ, начинаются низменныя мѣста и протекаетъ рѣка Айбугыръ-Дарья, нѣкогда, по словамъ вожаковъ, принимавшая въ себя Аму-Дарью. Нынѣшнимъ лѣтомъ, при сильномъ разливѣ сей послѣдней, потопило всѣ низменныя мѣста на большое пространство, причемъ залило и прямую хивинскую дорогу. Вода дошла до самаго обвала Усть-Урта, съ вершины котораго до разлива теперь не болѣе 60-ти саженъ. Чтобы напоить лошадей, мы спустились узкою одноконною дорогой. Ежегодно Каракалпаки приходятъ зимовать въ здѣшніе камыши и саксауловые лѣса; но теперь всѣ эти мѣста подъ водою. Во 2-мъ часу поворотили мы вправо на кладбище Ибрагимъ-ата, до котораго около 50-ти верстъ; въ полночь доѣхали до этого мѣста. Здѣсь оканчивался разливъ, и мы ночевали.

2-го августа.

2-го августа спустились съ высоты Усть-Урта въ хивинскія владѣнія, на низменную песчаную почву. Ѣхали дорогою, и въ 1-мъ часу достигли до туркменскихъ ауловъ, въ числѣ ста кибитокъ, которыя были расположены на узкихъ каналахъ, проведенныхъ изъ вышесказанныхъ разливовъ. Туркмены занимаются посѣвомъ хлѣба и огородныхъ овощей. Они приняли насъ хорошо, зарѣзали барана и спрашивали откуда и куда мы ѣдемъ. Я отвѣчалъ также, какъ и Киргизамъ, при колодцѣ Артагали 29-го іюля. Туркмены весьма радовались заведенію при Кызылъ-Ташѣ русской крѣпости, говоря, что о томъ уже слышали. Ханъ, по появленіи Русскихъ, сдѣлался къ нимъ, Туркменамъ, отмѣнно добръ: дѣлаетъ подарки, жалуетъ въ юзъ-баши и болѣе не притѣсняетъ; думая, что я ѣду съ требованіями просили, чтобы ни въ чемъ не уступалъ, ибо ханъ теперь боится,

сдѣлался уступчивъ и имъ будетъ лучше. Навѣдывались, нѣтъ ли въ крѣпости ихъ однородцевъ. Я отвѣчалъ, что нѣтъ, но что по окончательномъ устройствѣ укрѣпленія, безъ сомнѣнія, пріѣзжать станутъ. Туркмены ласково выспрашивали меня, убѣждая сказать правду, и, потрепавъ рукою по спинѣ, примолвили: не бойся ничего, мы рады Русскимъ! скажи зачѣмъ ѣдешь въ Хиву. Я отвѣчалъ, что посланъ извѣстить по тракту Киргизовъ, Туркменъ и Хивинцевъ объ устраиваемой торговой крѣпости, и буде кому угодно, то пріѣзжали бы съ товарами; на что Туркмены возразили, что ханъ не только Хивинцамъ, но и Киргизамъ запретилъ туда ѣздить. Я спросилъ о причинѣ, они отвѣчали, что это для того, чтобы Киргизы, не задолго передъ тѣмъ Хивинцами обиженные, не перешли на русскую сторону. Я увѣрялъ, что Русскіе, по волѣ начальства, строятъ укрѣпленіе для свободнаго и удобнѣйшаго торга со всѣми Азіатцами; что Киргизы вымѣниваютъ нужное и возвращаются по кочевкамъ и что Русскіе нужды въ нихъ не имѣютъ. Пробывъ два часа въ первыхъ туркменскихъ аулахъ, отправились мы въ дальнѣйшій путь. Въ сумерки доѣхали до урочища Кюнь-Ургенчъ, мѣста, на которомъ стояла древняя столица хивинскаго ханства. Здѣсь видны развалины каменнаго дворца и еще нѣсколько уцѣлѣла круглая каменная башня, имѣющая 20 саженъ высоты, внутри коей до самаго верху витая лѣстница. Объ этой башнѣ сказываютъ, будто строилъ ее какой то святой, который, по окончаніи работы, получилъ крылья и улетѣлъ. Вблизи отъ этого мѣста находятся каменныя большія могилы. При Кюнь-Ургенчѣ сидитъ 20 кибитокъ Ногаевъ; вода держится въ небольшихъ каналахъ, проведенныхъ изъ Айбугыра; занимаются посѣвомъ хлѣбовъ и овощей. Двое изъ Ногайцевъ, подошедъ, спрашивали, что мы за люди и куда ѣдемъ? имъ отвѣчали какъ и прочимъ; за симъ спросили они, нѣтъ ли въ Россіи манифеста? Я, не зная хорошенько, сказалъ, однакоже, что есть. Вожакъ просилъ растолковать, что такое манифестъ; я отвѣчалъ, что это милостивое прощеніе прежнихъ проступковъ. Въ Кюнь-Ургенчѣ соединяются всѣ дороги, изъ коихъ одна большая ведетъ въ Хиву, а потому, во всякое время года, находятся тутъ четыре довѣренныхъ хивинскихъ смотрителя и всѣхъ, слѣдующихъ въ Хиву, переписываютъ. Проѣзжающіе платятъ въ Хивѣ пошлину и получаютъ пропускные

виды на обратный проѣздъ непремѣнно черезъ Кюнь-Ургенчъ. Здѣсь мы ночевали. Ночью услышали крикъ, и на вопросъ о причинѣ, сказали мнѣ, что кабаны травятъ овощи, а потому караульные ихъ гоняютъ. Изъ Кюнь-Ургенча поѣхали мы большею дорогою и въ 9-мъ часу прибыли къ каналу Чаркрауку, проведенному изъ Айбугыра. Каналъ шириною пять, а глубиною слишкомъ полторы сажени. На немъ нашли мы большую лодку съ четырьмя Хивинцами для переправы; каждый проѣзжающій платитъ по 25 копѣекъ съ лошади, которыхъ помѣщается на лодкѣ по 10-ти. Каналъ глубокъ только при водоразлитіи Айбугыра; въ самые сухіе годы воды въ немъ нѣтъ или бываетъ очень мало, такъ что броды повсемѣстны. По переправѣ черезъ каналъ, я хотѣлъ заплатить перевощикамъ, но Хивинцы отказались, говоря, что съ посланцовъ денегъ не берутъ. Отъ Чаркраука слѣдовали до Ташъ-Гауза, встрѣчая по обѣимъ сторонамъ дороги, многіе каналы и частые Туркменскіе аулы, которыхъ отъ Кюнь-Ургенча до Ташъ-Гауза насчиталъ я до 2,000 кибитокъ; при каждомъ почти селеніи стоитъ, во всей готовности, по одной лошади изъ аргамаковъ. Вожатые сказывали, что Туркмены владѣютъ жалованною отъ хана землею, которая раздѣлена на малые участки, по числу душъ мужскаго пола каждаго семейства, полагая примѣрно по 30 саженъ на каждую; участокъ земли обозначается насыпью въ аршинъ вышиною. Туркмены сѣютъ хлѣбъ и овощи.

3-го августа.

Во 2-мъ часу ночи доѣхали до Ташъ-Гауза, перваго города, населеннаго Туркменами. Здѣсь вожакъ мой узналъ, что отецъ его Мая возвратился изъ Хивы и находится въ домѣ юзъ баши Кошмамбета. Отыскавъ Маю, слышали мы отъ него, что, по прибытіи въ Хиву, явился онъ въ пріемный домъ къ служащему при ханѣ вельможѣ Метеру, гдѣ находился беги-Ніязъ диванъ-бегій (управляющій торговлей). На поклонъ старика, Метеръ сказалъ ему сердито; ты теперь сталъ Русской; а беги-Ніязъ поздравлялъ его съ принятіемъ русской вѣры. Мая спросилъ, почему называютъ его Русскимъ? вельможи отвѣчали, что считаютъ его такимъ потому, что даетъ Русскимъ помощь верблюдами и заставляетъ Киргизовъ на нихъ рабо-

тать. Мая возразилъ: дѣйствительно бѣдные Киргизы даютъ верблюдовъ, но за то Русскіе хорошо имъ платятъ. Скоро привели его къ хану, который также упрекалъ старика въ связи съ Русскими и требовалъ отчета. Мая представилъ, что Русскіе, по прибытіи, освѣдомились о старшинѣ; Киргизы показывали на него; послѣ чего пригласили его въ лагерь. Не видя ни обидъ, ни притѣсненій не смѣлъ онъ отказаться. По прибытіи въ крѣпость, начальникъ объявилъ ему, что, по волѣ государя императора, основывается городъ и пристань для торговли съ Хивинцами, Туркменами и Киргизами, просилъ жить мирно и честно, и буде хотятъ, ѣздить на мѣну въ укрѣпленіе; за тѣмъ отдаривъ, отпустилъ. Ханъ тоже отпустилъ Маю, приказавъ ему дожидаться въ Хивѣ рѣшенія. Двѣнадцать дней у хана были совѣты и въ послѣдній призвали Маю. Ханъ приказывалъ Адаевцамъ соединиться съ Табынцами и сдѣлать на русскую крѣпость нападеніе. Мая отказывался ,говоря, что Адаевцы трусливы. Ханъ называлъ храбрыми Табынцевъ, на что старикъ сказалъ: когда пойдутъ они, то и мы принуждены будемъ за ними слѣдовать. Тутъ началъ выхвалять храбрость своего рода тотъ Табынскій шпіонъ Ніязъ, который подъѣзжалъ къ русской крѣпости. Ханъ далъ Маѣ повелѣніе, по прибытіи въ аулъ, откочеватъ къ Мангышлаку, и отпустилъ, приказавъ дожидаться въ городѣ Ташъ-Гаузѣ трехъ человѣкъ: Хивинца юзъ-башу Амамбая, долженствовавшаго ѣхать до аула Маи, съ которымъ велѣно откочевать ему отъ русской крѣпости; Табынскаго рода, старшину Джамбуру Асау-Баракова, которому ханъ подарилъ 30 червонцевъ (отецъ его Асау-Баракъ, почетнѣйшій старшина своего рода, бывшій прежде аманатомъ въ Хивѣ) и Ніяза (шпіона), который живетъ въ Хивѣ и находится въ должности сборщика податей. Мая дожидался ихъ уже третій день.

4-го августа.

4-го августа, оставя на квартирѣ трехъ лошадей при работникѣ Шиндау-Балтасовѣ, выѣхали изъ Ташъ-Гауза въ городъ Шабатъ. По обѣимъ сторонамъ дороги расположены хивинскіе глиняные дома, саженяхъ въ 50-ти одинъ отъ другаго. При закатѣ солнца доѣхали до города Шабата, въ который не въѣзжая, ночевали въ одномъ

хивинскомъ домѣ, знакомомъ вожаку Баймухамету. Насъ приняли хорошо, и сдѣлали обыкновенный вопросъ, куда ѣдемъ и для чего дѣлается крѣпость? я отвѣчалъ тоже, что говорилъ прочимъ. Они одобрили предпріятіе, разсуждая: купцы наши ѣздятъ въ Оренбургъ и Астрахань, обидъ не видятъ, а потому надѣемся, что и тутъ будетъ хорошо. Впрочемъ не скрыли опасеній и негодованія хана на то, что крѣпость строится безъ его позволенія. Я говорилъ, что мѣсто не представляетъ никакихъ особенныхъ выгодъ или удобствъ; тамъ нѣтъ ни рѣкъ, ни плодородной земли; единственное же желаніе Россіи основать прочную и обоюдно-выгодную торговлю. Хивинцы съ этимъ согласились.

5-го августа.

На другой день выѣхали изъ Шабата и видѣли на дорогѣ такіе же дома, какъ на пути до этого города. Въ полдень, не доѣзжая до Хивы 5-ть верстъ, остановились въ небольшемъ предмѣстіи и въѣхали на дворъ къ управляющему хивинскою торговлей беги-Ніязу диванъ-бегію. Тотчасъ доложили ему, что я присланъ изъ новой русской крѣпости; насъ приняли въ особенной комнатѣ, и угощали чаемъ, виноградомъ, яблоками, дынями и арбузами. Черезъ короткое время позвавъ къ беги-Ніязу, ввели въ пріемную комнату, посреди которой сдѣлано было возвышенное мѣсто; на немъ сидѣлъ беги-Ніязъ, а за нимъ стояли до десяти человѣкъ Хивинцевъ. Взошедши, я, по Хивинскому обыкновенію, поклонился, и мы, взявшись взаимно за руки, спрашивали другъ друга о здоровьѣ. Беги-Ніязъ посадилъ насъ близъ себя на возвышенномъ мѣстѣ. Первымъ вопросомъ его было: кѣмъ я посланъ? я отвѣчалъ: его высокоблагородіемъ, начальникомъ торговой крѣпости и пристани Григоріемъ Силовичемъ Карелинымъ, извѣстить купцевъ, что устроена, при урочищѣ Кызылъ-Ташѣ, новая, торговая, Ново-Александровская пристань, куда могутъ приходить они свободно, получая черезъ то великія выгоды и совершая, вмѣсто одного оборота въ годъ черезъ Астрахань, четыре и даже шесть. Торговые люди будутъ какъ сами, такъ и ихъ имущество въ совершенной безопасности; и какъ вы приближенный вельможа и первое лице по торговымъ дѣламъ при ханѣ, то господиномъ Карелинымъ поручено мнѣ просить васъ лично позво-

лить купцамъ ѣздить съ товарами въ русскую крѣпость, дабы такимъ образомъ усилить торговлю и дружескія сношенія и если вы этого желаете, то неугодно ли послать къ начальнику довѣреннаго человѣка. Беги-Ніязъ, одобря рѣчь мою, отвѣчалъ: высокостепенный ханъ гнѣвается, что крѣпость дѣлается безъ его позволенія, говоря, что видно Русскіе не почитаютъ его ханомъ и государство его независимымъ. Я представилъ, что, ничего не зная по сему предмету, въ объясненіе входить не могу и не смѣю, но, при отправленіи, слышалъ отъ начальника, что польза отъ сближенія торговли съ Русскими слишкомъ велика и очевидна для Хивинцевъ, Туркменъ и Киргизъ, для того, чтобы находили они въ этомъ что либо предосудительное, и что напротивъ должны радоваться такому сосѣдству. Беги-Ніязъ спросилъ, не имѣю ли я какой бумаги? Я показалъ ему, данный мнѣ господиномъ Карелинымъ на Русскомъ языкѣ, открытый листъ для свободнаго проѣзда до Хивы, при чемъ сказалъ, что имѣю отъ начальника приглашеніе на татарскомъ языкѣ, къ купцамъ того каравана, который поѣхалъ въ Астрахань, о пріѣздѣ въ Ново-Александровскъ съ товарами. Беги-Ніязъ взялъ обѣ мои бумаги и положилъ въ шапку; потомъ, обратясь къ вожаку, спрашивалъ во много ли дней прибыли мы въ Хиву? и когда Баймухаметъ сказалъ: въ 7 дней, то беги-Ніязъ вскрикнулъ, погладилъ себя по бородѣ и сказалъ: скоро, хорошо! и въ ту же минуту приказалъ Хивинцу Ишназару отвести меня въ прежнюю комнату и угощать какъ можно лучше, а самъ съ вожакомъ Баймамбетомъ выѣхалъ изъ дому. Чрезъ три или четыре часа Баймамбетъ, пришедши ко мнѣ, говорилъ, что съ беги-Ніязомъ ѣздилъ въ Хиву къ хану, по выходѣ отъ котораго сказывалъ ему беги-Ніязъ, что высокостепенный ханъ приказалъ ему воротить Маю, и на него, Баймамбета, очень сердится. Тутъ мы ночевали.

6-го августа.

На другой день, приставленный ко мнѣ Хивинецъ Ишназаръ сказался зятемъ беги-Ніяза и объявилъ, что ему приказано быть при мнѣ для развлеченія. Я просилъ его съѣздить вмѣстѣ на хивинской базаръ; но онъ старался отклонить меня отъ того, представляя, что тамъ ничего нѣтъ занимательнаго. Постигая причину

отказа, я сказалъ, что у насъ въ Россіи всѣ пріѣзжающіе ходятъ по базарамъ свободно; Ишназаръ возразилъ, что онъ бывалъ въ Оренбургѣ и Астрахани, и что Россію никакъ нельзя сравнить съ Хивою. Ханъ всегда посланниковъ, до самаго окончанія дѣла, держитъ въ заперти въ одномъ мѣстѣ. Ишназаръ вывѣдывалъ у насъ съ Баймухаметомъ, нѣтъ-ли въ крѣпости кого изъ магометанъ или астраханскихъ купцовъ. Я отвѣчалъ, что изъ Астраханцевъ только одинъ я, а изъ магометанъ сынъ Караулъ-ходжи, служащій переводчикомъ; я же приглашенъ начальникомъ для посылокъ, потому, что знаю татарскій языкъ и веду небольшую торговлю.

7-го августа.

7-го августа пришелъ ко мнѣ знакомый Хивинецъ Алдашъ, торговавшій въ Астрахани; я сообщилъ о цѣли своей поѣздки, и Алдашъ объявилъ, что для нихъ предпріятіе весьма полезно, но, по видимому, ханъ не расположенъ допускать ихъ до Русскихъ.

8-го августа.

8-го августа въ полдень Баймухаметъ поѣхалъ въ Хиву навѣдаться, не прибылъ ли его отецъ и черезъ три часа возвратился съ нимъ и однимъ Туркмениномъ, Казою называемымъ, у котораго Киргизы Адаевскаго рода похитили 60 верблюдовъ. Мая успѣлъ мнѣ сказать только, что Баймухамета велѣно остановить; о большемъ же будетъ говорить на дорогѣ. Черезъ полчаса беги-Ніязъ позвалъ меня, Маю, Баймухамета и Туркмена Казу; посидѣвъ немного. вручилъ мнѣ письмо и приказалъ ѣхать съ Маей, при чемъ объявилъ, что Баймухаметъ долженъ остаться; поручилъ кланяться господину Карелину и доставить ему письмо. Я спросилъ, не имѣетъ ли еще чего приказать? Больше ничего, отвѣчалъ диванъ-беги, что нужно, въ письмѣ писано. Я изъявилъ желаніе ѣхать съ Баймухаметомъ, но беги-Ніязъ отозвался, что за нимъ есть дѣло; но что черезъ 20 дней его отпустятъ. Мы откланялись и вышли. На дворѣ имѣлъ я случай потихонько спросить Баймухамета о причинѣ задержанія. Онъ успѣлъ только сказать, что ханъ чрезмѣрно сердится за скорый пріѣздъ въ Хиву. При разставаньи, по просьбѣ его, далъ я

ему изъ отпущенныхъ мнѣ начальникомъ денегъ, одинъ полуимперіалъ и отправился съ Маей въ обратный путь.

9-го августа.

9-го августа прибыли въ городъ Ташъ-Гаузъ, гдѣ оставались наши лошади при товарищѣ Балтасинѣ. Дорогою Мая разсказывалъ мнѣ, что его воротили, по поводу жалобы помянутаго Туркмена Казы на покражу Адаевцами 60 верблюдовъ; ханъ сказалъ: до прибытія Русскихъ Адаевцы не дѣлали воровства, а теперь, какъ видно, въ надеждѣ на нихъ, становятся дерзкими. Затѣмъ приказалъ ему остальную часть пени за убійство въ четвертомъ году Туркменъ, тысячу хивинскихъ червонцевъ немедленно заплатить, 60 верблюдовъ возвратить, откочевать съ своими однородцами къ Мангышлаку, не имѣть съ Русскими никакого сообщенія и меня проводить въ крѣпость съ другимъ Киргизомъ; по исполненіи всего, прибыть въ Хиву, гдѣ ханъ обѣщался возвратить ему прежнее довѣріе и милость.

10 и 11 августа.

10 и 11 августа, пробыли мы въ Ташъ-Гаузѣ въ ожиданіи 3-хъ спутниковъ, въ сопровожденіи которыхъ повелѣлъ мнѣ ханъ ѣхать обратно. Здѣсь сообщилъ мнѣ Мая, что Туркменецъ мулла Муратъ желаетъ со мною говорить. Мы видѣлись; онъ просилъ передать начальнику крѣпости, господину Карелину, поклонъ и объявилъ слѣдующее: лѣтъ за 30 передъ симъ односемцы его, Туркмены: Иралибекъ, Турга, Оденефисъ и Ходжа-Берди, стѣсненные грабежами и нападеніями Киргизовъ, отправились въ Россію и ходатайствовали у государя императора о дозволеніи водвориться въ ея предѣлахъ. Государь, снисходя на ихъ всенижайшую просьбу, явилъ имъ благодѣяніе, всемилостивѣйше дозволивъ переселиться въ астраханскія степи. Тогда множество ауловъ съ имуществомъ перебралось въ Россію. Туркмены, памятуя таковую милость бѣлаго царя, дерзаютъ на новую просьбу: за два года передъ симъ, по велѣнію хана, принуждены они были переселиться въ теперешнія мѣста, на которыхъ отъ малаго числа данной земли и разныхъ притѣсненій, Туркмены пришли въ крайнюю бѣдность. Въ прошломъ году многіе изъ нихъ умерли отъ голода; Хивинцы же вмѣсто вспоможенія брали

съ нихъ по 7 рублей за пудъ муки. Желая, какъ единаго блага, возвращенія на Мангышлакскій кряжь, убѣдительно просятъ начальника новой крѣпости войти въ ихъ положеніе и довести до высочайшаго свѣдѣнія о бѣдствіяхъ, ими терпимыхъ. Когда же послѣдуетъ всѣмилостивѣйшій отзывъ, то для лучшаго удостовѣренія прислать къ нему, муллѣ Мурату, только одного изъ астраханскихъ Туркменъ съ бумагою; тогда онъ со всѣми Туркменами навсегда оставитъ предѣлы ханства. Если же бы случилось что Русскіе станутъ селиться въ Мангышлакѣ, то по полученіи о томъ основательнаго извѣстія, всѣ Туркмены въ одну ночь туда откочуютъ. Наконецъ прибавилъ, что, имѣя ежегодныя сношенія съ астраханскими Туркменами, онъ знаетъ, сколь покойную ведутъ они жизнь, въ сравненіи съ которою ихъ бытъ подъ игомъ Хивы истинная каторга. Подъ непосредственнымъ начальствомъ муллы Мурата 200 туркменскихъ кибитокъ; способностями снискалъ онъ вліяніе надъ всѣми однородцами, знаетъ ихъ намѣренія и весьма ими уважается. Я увѣрялъ его, что все переданное имъ сохраню въ тайнѣ и доложу своему начальнику; разказывалъ о привольной жизни водворенныхъ въ Россіи Туркменъ и наконецъ просилъ совѣтовать своимъ соотчичамъ ѣздить къ намъ для торговли; ему же предлагалъ послать къ господину Карелину довѣреннаго человѣка. Онъ отвѣчалъ, что посылать человѣка и писать бумагу теперь опасается, не зная, какъ Русскими примется подобное дѣло и какъ скоро получитъ онъ отзывъ; между тѣмъ можетъ дѣло огласиться, и онъ погибнетъ. Прибывшій въ Ташъ-Гаузъ, одинъ изъ трехъ ожидаемыхъ спутниковъ Маи, Хивинецъ юзъ-баши Амамбай объявилъ, что старшина Джамбура скоропостижно умеръ, а Ніязъ (шпіонъ) боленъ. Мы отправились вмѣстѣ съ киргизскимъ караваномъ, слѣдующимъ изъ Хивы. Туркменецъ Казы, претендующій по дѣлу 60 верблюдовъ, отправился въ свой аулъ, а вмѣсто себя послалъ до аула Маи двухъ Туркменъ, именъ которыхъ не знаю. На пути изъ Ташъ-Гауза ночевали въ туркменскомъ аулѣ, въ числѣ 100 кибитокъ. Мая объявилъ, что здѣсь желаетъ со мною видѣться одинъ туркменскій старшина Абдальскаго рода, называемый, сколько могу припомнить, Канбъходжа. Не совсѣмъ довѣряя, выпытывалъ я у старика, нѣтъ ли тутъ какого подлога; но Мая удостовѣрилъ меня, что намѣренія Турк-

менъ чисты. Утромъ видѣлся я съ старшиною, который сначала освѣдомился о здоровьи живущихъ въ Астрахани Туркменъ Акмамбета-бека, бывшаго въ первой экспедиціи съ господиномъ Карелинымъ въ 1832 году, и Челдыра-муллы. Я, зная сихъ Туркменъ, сказалъ, что они здоровы. Далѣе вступилъ онъ со мною въ пространный разговоръ, во всѣхъ отношеніяхъ сходный съ тѣмъ, какой имѣлъ я съ Муратомъ-муллою (въ Ташъ-Гаузѣ), горько жалуясь на бѣдственное положеніе однородцевъ. Я успокоилъ его, давъ обѣщаніе обо всемъ донести начальнику, господину Карелину. Въ оба пути мои, гдѣ только имѣлъ я случай видѣться и разговаривать съ Туркменами, удостовѣривался, что всѣ они искренно ради Русскому въ здѣшнемъ краю водворенію, питаясь надеждою на лучшую будущность. Въ семъ же завѣрялъ меня и спутникъ мой Мая Анетовъ. Простясь съ Канбъ-ходжей, отправились мы въ дальнѣйшій путь; при переѣздѣ черезъ Чаркра'къ подарилъ я перевощикамъ три рубля, за что были они очень благодарны. Не доѣзжая до Кюнь-Ургенча, ночевали на дорогѣ въ туркменскомъ аулѣ у юзъ-баши Хошъ-Мамбета, имѣющаго въ своемъ завѣдываніи до 200 кибитокъ. Хозяина не застали, но въ тотъ-же часъ за нимъ послали; въ ожиданіи его, легъ я у кибитки. Хошъ-Мамбетъ пріѣхалъ, вошелъ въ кибитку, поздоровался съ Маей и спрашивалъ о новостяхъ и разговорахъ съ ханомъ. Тотъ отвѣчалъ, какъ было. Я притворился спящимъ и слушалъ ихъ разговоръ. Хошъ-Мамбетъ продолжалъ, что спустя два дня по прибытіи Маи въ Хиву, ханъ присылалъ гонца возвѣстить Туркменамъ, чтобы аламанъ ихъ (войско) черезъ пять дней былъ готовъ къ выступленію; но Туркмены съ неудовольствіемъ отзывались худобою лошадей. Мая возразилъ, что хотя объ этомъ ничего въ Хивѣ не слыхалъ, но замѣтилъ, что ханъ замышлялъ что-то противу Русскихъ или Киргизовъ. Хошъ-Мамбетъ подтвердилъ догадку Маи, присовокупивъ, что теперь ханъ оставилъ это намѣреніе; потомъ спросилъ обо мнѣ и получивъ въ отвѣтъ, что я, посланный отъ Русскаго начальника, принесъ овощей и хлѣба. Меня разбудили. Хошъ-Мамбетъ дружески поздоровался со мною и извинялся, что мы не застали его дома; сказалъ, что за счастіе почитаетъ видѣть у себя посланца изъ отдаленной русской страны; просилъ отдохнуть, сильно суетился и, желая потѣшить меня, позвалъ

музыканта и перваго пѣсенника, подъ конецъ зарѣзалъ барана и собралъ Туркменъ. Тутъ явился музыкантъ съ огромной балалайкой и началъ играть, воспѣвая сначала, по обычаю Туркменъ, подвиги древнихъ богатырей, а потомъ восхваляя русскаго императора и хивинскаго хана, и радуясь, что черезъ согласіе между ними будетъ свободная торговля на благо и въ утѣшеніе народа. Пиръ кончился на разсвѣтѣ. Я подарилъ пѣвцу полную одежду. Хошъ-Мамбетъ извинялся, что не имѣлъ средствъ угостить лучше. Я сердечно благодарилъ его и всѣхъ туркменскихъ стариковъ, за радушный пріемъ, дѣланный мнѣ повсюду ихъ однородцами.

14 августа.

14 августа доѣхали до Кюнь-Ургенча, гдѣ видѣлись съ пятнадцатью Хивинцами, возвращавшимися изъ Астрахани; изъ нихъ одинъ купецъ, по имени Норлыбай, былъ мнѣ знакомъ. Съ Хивинцами слѣдовало шестеро Киргизовъ, знакомыхъ моему спутнику.

Отъ 15 до 24 августа.

Отъ Кюнъ-Ургенча слѣдовали мы весьма тихо, переходя самыя малыя разстоянія съ частыми дневками до колодцевъ — Кошъ-Ата, куда прибыли 24 августа. На пути отъ Ибрагимъ-Ата къ Айбугыру, у спуска къ водѣ, догналъ насъ шпіонъ Ніязъ съ однородцемъ Бектасомъ. При трехъ колодцахъ Кошъ-Ата нашли мы до 20 кибитокъ Киргизовъ табынскаго рода. Я провелъ ночь у колодцевъ, а Мая съ Ніязомъ и хивинскій юзъ-баши Амамбай въ табынскомъ аулѣ.

25 августа.

25 августа Амамбай и Ніязъ остались. Я приглашалъ перваго въ крѣпость, увѣряя, что онъ будетъ хорошо принятъ, но Амамбай уклонился отъ этого, говоря, что онъ знаетъ Русскихъ и не сомнѣвается въ полной безопасности, но боится прогнѣвить хана. Онъ разказалъ, что за 14 лѣтъ передъ симъ, по порученію хана, ѣздилъ собирать оброкъ съ Киргизовъ, но былъ ими задержанъ и доставленъ къ бывшему хану Арунгазію, который препроводилъ его въ

Оренбургъ. Тамъ хотя содержался подъ карауломъ, но продовольствовали его хорошо и въ послѣдствіи, найдя невиннымъ, отправили въ Астрахань, а оттуда въ Тифлисъ. Не имѣя возможности попасть изъ сего города въ Хиву, обращенъ онъ былъ въ Астрахань. Генералъ Ермоловъ, начальствовавшій въ Грузіи, далъ ему 50 червонцевъ на путевые расходы, снабдивъ кромѣ того одеждою и всѣмъ нужнымъ. Оттуда возвратился онъ съ купцами на родину. Ханъ зная, что онъ долго жилъ въ Россіи и въ дѣлахъ опытенъ, призвавъ его, спрашивалъ: съ какимъ намѣреніемъ, по мнѣнію его, Русскіе построили городъ? Амамбай отзывался, что цѣли угадать не можетъ и ничего о томъ не слышалъ, ибо въ Россіи не какъ въ хивинскомъ ханствѣ, дѣла содержатся въ тайнѣ и вѣдаетъ ихъ единственно то лицо, которому поручено исполненіе. Ханъ предложилъ ему ѣхать открытымъ образомъ въ укрѣпленіе, но онъ отказался, представляя, что, по старости, ему трудно будетъ дожидаться отвѣта изъ Россіи. Но съ какимъ именно порученіемъ хотѣлъ послать его ханъ, того Амамбай не открылъ. Вмѣсто поѣздки въ укрѣпленіе, приказалъ ему ханъ отправиться съ Маей, чтобы былъ свидѣтелемъ при откочеваніи его съ ордою, сборѣ 1,000 хивинскихъ червонцевъ (16,000 руб.) и возвращеніи Туркменамъ 60 верблюдовъ. На прощаньи Амамбай говорилъ, что ежели бы начальнику понадобилось писать въ Хиву, то присылалъ бы бумаги къ нему, въ аулъ Киргиза Бутакары, расположеннаго близъ Мангышлака; въ заключеніи поручилъ мнѣ просить у начальника о присылкѣ ему чаю, сахару и фунта леденцу. Продолжая путь съ двумя повѣренными отъ Казы и Маей, выспрашивалъ я у сего послѣдняго, не было ли какого замѣчательнаго разговора на ночлегѣ у Табынцевъ? Старикъ сказалъ, что на ханское повелѣніе откочевать дальше, переданное Ніязомъ, Табынцы съ ропотомъ отказались, говоря: гдѣ намъ еще кочевать. На пути къ колодцу Артагали ночевали.

26 августа.

26 августа Туркмены узнали, что одинъ адаевскій Киргизъ собираетъ угнанныхъ 60 верблюдовъ, почему туда и отправились. Тогда же извѣстился я, что въ Ново-Александровское укрѣпленіе пріѣзжалъ г. оренбургскій военный губернаторъ и за одного вы-

бѣжавшаго къ намъ магометанскаго плѣнника пожаловалъ въ вознагражденіе хозяину 500 рублей. Киргизы сказывали, что его превосходительство убѣждалъ ихъ жить мирно, приказалъ возвратить Туркменамъ 60 верблюдовъ и никогда на подобныя грабительства не отваживаться, слѣдующіе же изъ Хивы караваны не обижать. Туркмены, слыша то, весьма радовались, обѣщаясь быть мирными и добрыми сосѣдями.

27 августа.

27 августа прибыли въ Эчке-Кигырганъ, въ аулъ Маи, который объявилъ своимъ однородцамъ ханскую волю. Огорченные Адаевцы долго совѣтовались между собою, признавали повелѣніе притѣснительнымъ и объявивъ, что Русскіе обидъ имъ не дѣлаютъ, разошлись съ разными намѣреніями. Мая, провожая меня, обѣщался какъ нибудь украдкой пріѣхать въ крѣпость.

28 августа.

Изъ аула его отправился я 28 августа съ посланными имъ Киргизами Теленчіемъ, Огамбекомъ, и работникомъ Шиндау Балтасинымъ; на дорогѣ ночевали, а 29 августа прибылъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Управляющій торговлею беги-Ніязъ-диванъ-бегій имѣетъ домъ въ предмѣстіи Хивы, въ 5 верстахъ отъ ханскаго дворца, глиняный, на четырехъ саженяхъ по переднему фасаду. Дворъ четвероугольникомъ, каждый бокъ котораго въ 30 саженъ. На дворѣ у него видѣлъ я двухъ русскихъ плѣнныхъ, первому не болѣе 17, а другому 30 лѣтъ. Молодой имѣлъ случай говорить со мною по русски;

онъ сказалъ мнѣ, что похищенъ съ оренбургской линіи Киргизами, 5 лѣтъ, что плѣнники слышали о заселеніи въ здѣшней странѣ Русскихъ, и что многіе плѣнные желаютъ со мною видѣться, но ихъ къ тому не допускаютъ. Я утѣшалъ его, что можетъ статься Русскіе будутъ по торговымъ отношеніямъ ѣздить въ Хиву, и тогда положеніе ихъ улучшится. Далѣе говорить помѣшалъ одинъ Хивинецъ, и плѣнникъ скрылся.

Отъ Хивы до города Шабата 15-ть верстъ, въ немъ находится до 200 небольшихъ глиняныхъ домовъ, расположенныхъ безъ всякаго порядка; бываетъ базаръ. Городъ обнесенъ глинянымъ валомъ, который частію обрушился.

Отъ Шабата до города Шабара около 30-ти верстъ. Оба города во всемъ между собою сходны.

Отъ Шабара до Ташъ-Гауза 15-ть верстъ. Въ самомъ послѣднемъ городѣ 300 глиняныхъ домовъ, равно безобразно расположенныхъ. Стѣнъ нѣтъ. Въ немъ живутъ Туркмены. Въ день моего пріѣзда въ Ташъ-Гаузъ былъ базаръ, и я ходилъ по оному: видѣлъ продажу халатовъ, бязи, выбойки, кумача, шелковыхъ хивинскихъ матерій, лѣса, скота и хлѣба. Купцы всѣ изъ Хивинцевъ. Пройдя далѣе, увидѣлъ, повѣшеннаго за кражу 4-хъ халатовъ, человѣка. Ташъ-Гаузъ окруженъ превосходными садами. Я былъ въ одномъ изъ нихъ и видѣлъ до 1,000 разныхъ фруктовыхъ деревъ.

Аму-Дарья или просто хивинская Дарья протекаетъ на югъ въ 15-ти верстахъ отъ самой Хивы и изобилуетъ всякаго рода рыбою. Изъ нея проведено 5 главныхъ каналовъ. Одинъ таковой каналъ пересѣкаетъ дорогу подъ городомъ Шабатомъ, а другіе не доведены и находятся въ разныхъ недальнихъ разстояніяхъ отъ дороги и городовъ. Каждый до 2-хъ саженъ ширины и $1^1/_2$ сажени глубины. Изъ этихъ главныхъ каналовъ проведено множество малыхъ для удобнѣйшаго орошенія пашень и садовъ.

Отъ Кюнь-Ургенча до Айбугыра по обѣимъ сторонамъ дороги, на значительномъ пространствѣ тянутся саксауловые лѣса, въ которыхъ держатся большія стада кабановъ и годъ отъ году увеличиваются; есть также лисицы и другіе звѣри. Отъ Айбугыра до Эчки-Кыгыргана идетъ большая отличная дорога совершенно ровная, по которой вовсе нѣтъ овраговъ, ни возвышеній. Есть впадины, въ ко-

торыхъ весною и осенью, отъ дождей и снѣговъ, держится много воды. Травы, исключая юлшина (кормовой полыни) не имѣется. Отъ Айбугыра до Эчки-Кыгыргана встрѣчаются саксауловые лѣса только при Табынъ-Су, на протяженіи 60-ти верстъ по дорогѣ.

Каракалпаки смирный народъ, находящійся въ крайне жалкомъ положеніи отъ утѣсненій Хивинцевъ; недавно еще казнилъ ханъ четырехъ ихъ старшинъ, приказавъ перерѣзать имъ горло. Каракалпаки очень рады сближенію Русскихъ и намѣрены, въ случаѣ войны, откочевать къ Россіи.

На второй день пріѣзда моего въ Хиву — прибыло туда десять человѣкъ Персіянъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго всѣ почитали за Русскаго. Слухъ носился, что Персіяне пріѣхали изъ города Мешеда просить о размѣнѣ плѣнныхъ.

Извлеченіе изъ дѣла Московскаго Сенатскаго Архива, объ отправленіи Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полка Капитана Князя Бековича-Черкаскаго на Каспійское море и въ Хиву, — въ 1714 — 1717 гг.

Въ указѣ императора Петра I, данномъ, 17-го мая 1714 года, на Березовыхъ островахъ, и предъявленномъ княземъ Бековичемъ-Черкаскимъ казанскому губернатору 13-го августа того же года, сказано, что князь Черкаскій посылается въ Астрахань, и оттуда далѣе на Каспійское море, для нѣкотораго нужнѣйшаго дѣла; почему повелѣвалось дать въ его распоряженіе отрядъ изъ 1.500 чел. и деньгами 5000 руб. на расходы.

Отрядъ этотъ простирался въ дѣйствительности до 1.760 чел. и въ составъ его поступило: 1000 чел. изъ Астрахани (драгунъ и пѣхотныхъ солдатъ), 100 яицкихъ (уральскихъ) казаковъ, бывавшихъ въ Хивѣ, а остальные драгуны и пѣхотные солдаты были взяты изъ такъ называвшихся низовыхъ городовъ: Самары, Саратова, Дмитровска, Царицына и Казани. При отрядѣ находилось 8 мѣдныхъ и 3 чугунныхъ орудія, при коихъ было прислуги: 14 чел. артиллеристовъ и 17 стрѣлковъ.

Отрядъ былъ снабженъ также и инженернымъ инструментомъ, а именно было дано ему: 600 лопатокъ и 300 кирокъ.

Для поднятія отряда, съ продовольствіемъ и тяжестями, было отдано въ распоряженіе кн. Черкаскаго: 20 брегантинъ, 64 струга.

37 лодокъ, 1 буса и отъ флота 2 шхуны съ 8-ю орудіями, (4 мѣдныхъ и 4 чугунныхъ), всего 124 судна,

28-го октября 1714 года князь Черкаскій отправился въ море изъ Астрахани, куда возвратился 3-го декабря того же года, не имѣвъ возможности продолжать плаванія, по случаю появленія льда на пространствѣ между устьями р.р. Волги и Урала, при чемъ три судна съ провіантомъ затерло въ устьѣ сей послѣдней рѣки, а два — въ устьѣ р. Терека.

25-го Апрѣля 1715 года князь Черкаскій вновь отправился въ Каспійское море, откуда возвратился въ Астрахань 9-го октября, а 5-го ноября того же года поѣхалъ съ донесеніемъ къ императору въ г. Ригу.

Изъ дѣла не видно: что совершилъ князь Черкаскій въ 1715 году и сколько возвратилось съ нимъ въ Астрахань людей и судовъ, только упоминается: 1, что онъ былъ въ Тюкъ-Караганѣ и 2, что по возвращеніи изъ похода въ 1715 году, сдано лишь 7 мѣдныхъ орудій, а остальныя показаны въ расходѣ, безъ означенія, гдѣ и на что именно были употреблены.

Независимо отъ означеннаго указа, предъявленнаго казанскому губернатору княземъ Черкаскимъ, былъ данъ еще, въ маѣ же мѣсяцѣ 1714 года, указъ правительствующему сенату. Въ этомъ послѣднемъ указѣ упоминается, во первыхъ, объ отправленіи князя Черкаскаго на Каспійское море для отысканія устья Аму-Дарьи, а во вторыхъ, о пріисканіи средствъ къ склоненію кавказскихъ горскихъ народовъ на нашу сторону, согласно съ письмомъ князя Черкаскаго по сему предмету.

Въ письмѣ этомъ, выставляя независимое положеніе племенъ, обитающихъ по Кубани и Тереку, и воинственный ихъ характеръ, а также намѣреніе Турецкаго султана привлечь ихъ на свою сторону, — князь Черкаскій предполагаетъ предупредить въ этомъ дѣлѣ Турецкое правительство. Въ случаѣ успѣха предвидитъ большое вліяніе на Персію, — уничтоженіе происковъ Турціи и обезпеченіе собственныхъ границъ.

Изъ дѣла не видно: какія были приняты мѣры въ слѣдствіе такого письма князя Черкаскаго о привлеченіи кавказскихъ горскихъ племенъ на нашу сторону.

По личномъ объясненіи императора съ княземъ Черкаскимъ, данъ былъ 14-го февраля 1716 года въ г. Либавѣ правительствующему сенату указъ объ отправленіи князя Черкаскаго на Каспійское море и далѣе посланъ къ хивинскому хану; къ хану же бухарскому и монголу индѣйскому велѣно было послать купца.

Въ тоже время государь императоръ собственноручно начерталъ инструкцію князю Черкаскому. Сущность этой извѣстной инструкціи заключается: 1) въ устройствѣ крѣпости на 1000 чел. на Каспійскомъ морѣ, при прежнемъ устьѣ Аму-Дарьи; 2) въ изслѣдованіи прежняго русла этой рѣки; 3) въ устройствѣ крѣпости у плотины, обратившей воды Аму-Дарьи въ Аральское море; 4) въ склоненіи хивинскаго хана къ подданству; 5) въ назначеніи къ нему части гвардіи, если бы онъ того пожелалъ; 6) въ розысканіи золота у г. Иркети; 7) въ отправленіи по Аму-Дарьѣ въ Бухару и далѣе въ Индію посла; 8) въ склоненіи бухарскаго хана на сторону Россіи; 9, 10, 11 и 12-й пункты заключаютъ въ себѣ распоряженія, въ послѣдствіи нѣсколько измѣнившіяся относительно состава отряда и вообще снаряженія экспедиціи.

Въ слѣдствіе распоряженія сената, а также по особымъ требованіямъ князя Черкаскаго, было дано въ его распоряженіе:

Три полка, каждый въ 1200 чел.	3600	чел.
Драгунъ	695	»
Яицкихъ казаковъ	1500	
Гребенскихъ казаковъ	500	
Артиллеристовъ	43	
Инженеровъ	4	
Итого	6240	чел.

Сверхъ того разныхъ лицъ, какъ то: нѣсколько дворянъ Астраханской губерніи, купцовъ, вожатыхъ, переводчиковъ и проч. около . . . . 110 чел.

Всего 6.350 человекъ,

не считая офицеровъ и нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства.

Этотъ общій итогъ выведенъ на основаніи свѣдѣнія, доставленнаго княземъ Черкаскимъ астраханскому оберъ-коменданту, по случаю требованія провіанта на наличное число людей.

При отрядахъ находились 6 мѣдныхъ и 9 чугунныхъ орудій.

Инженернаго инструмента отпущено: 1638 лопатъ, 1500 заступовъ, 650 кирокъ и 500 топоровъ.

Каждому солдату велѣно было дать: по одной шубѣ, рыбы по ½ пуду и вина и уксусу по ведру. Казакамъ и драгунамъ вьючныхъ лошадей, на каждыхъ двухъ человѣкъ по одной, и кромѣ того, было куплено 200 верблюдовъ.

Для перевозки отряда къ берегамъ Каспійскаго моря, велѣно было дать всѣ готовыя суда, имѣвшіяся на лицо въ Астрахани, Казани и вообще въ низовыхъ городахъ рѣки Волги, а также построить новыя, согласно съ требованіемъ Черкаскаго, которому однакожъ вмѣнено было въ обязанность ограничиться самою необходимою постройкою новыхъ судовъ, дабы не вводить казну въ излишнія издержки и не замедлить отправленіемъ экспедиціи; для чего онъ и долженъ былъ обратить готовыя суда два или три раза для перевозки войскъ и продовольствія.

Изъ доставленной выписки астраханскимъ оберъ-комендантомъ видно, что было приготовлено для экспедиціи 1716 и 1717 годовъ—147 судовъ разной величины и названій; но въ сей выпискѣ не упомянуто: включены ли въ это число суда, находившіяся въ распоряженіи князя Черкаскаго въ 1715 году, или сказанное число показываетъ только суда, вновь приготовленныя для экспедиціи, въ слѣдствіе указа 1716 года.

Для экспедиціи 1716 и 1717 годовъ истрачено 183,157 руб., а съ издержками 1714 и 1715 годовъ — всѣ расходы простираются до 218,095 руб.

Изъ донесенія астраханскаго оберъ-коменданта видно, что князь Черкаскій отправился въ третій разъ въ Каспійское море, 20-го сентября 1716 года; но о построеніи крѣпостей на восточномъ берегу этого моря, о времени его возвращенія въ Астрахань, о выступленіи въ Хиву и о печальной развязкѣ экспедиціи — никакихъ оффиціальныхъ донесеній въ найденномъ дѣлѣ не находится. Только одни показанія спасшихся лицъ заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о совершенныхъ предпріятіяхъ въ 1716 и 1717 годаюъ. Показанія эти состоятъ въ слѣдующемъ:

Выступивъ 20-го сентября 1716 года изъ Астрахани *), князь Черкаскій прибылъ 9-го октября въ Тюкъ-Караганъ, гдѣ высадилъ войска на песчаную косу, не имѣвшую ни удобной земли, ни свѣжей воды, ни лѣсу. Не смотря на эти невыгоды, онъ заложилъ тамъ крѣпость, названную въ послѣдствіи крѣпостью св. Петра, въ которой оставилъ полковника Хрущова полкъ.

Изъ Тюкъ-Карагана князь Черкаскій отправилъ флота поручика Кожина въ Астрабадъ, куда онъ долженъ былъ отвезти флота же подпоручика Давыдова, назначеннаго посломъ къ бухарскому хану. Почти въ тоже время князь Черкаскій послалъ Туркменца ходжа Нефеса, бывшаго въ послѣдствіи вожатаемъ при отрядѣ, и съ нимъ двухъ Астраханцевъ: дворянина Званскаго и Николая Ѳедорова, для осмотра прежняго русла Аму-Дарьи и плотины, обратившей воды этой рѣки въ Аральское море.

Сдѣлавъ эти распоряженія, князь Черкаскій отправился 23-го октября, съ оставшимися при немъ войсками къ Краснымъ водамъ, куда прибылъ 3-го Ноября и заложилъ крѣпость, построеніе которой поручилъ полковнику Фандербидену съ двумя полками.

На Красныхъ водахъ возвратились къ князю Черкаскому: поручикъ Кожинъ, донесшій ему, что подпоручика Давыдова не впустили въ Астрабадъ, по случаю бывшаго тогда бунта въ Персіи, — что касается до ходжи-Нефеса съ посланными при немъ Астраханцами, то сіи послѣдніе обьявили, что ходжа Нефесъ, по прибытіи на урочище, находящееся въ двухъ верстахъ отъ Аму-Дарьи, привелъ ихъ на земляной валъ — вышиною въ 1½ аршина, шириною въ 3 сажени и длиною верстъ пять, устроенный Хивинцами для обращенія будто бы водъ Аму-Дарьи въ Аральское море. Проѣхавъ по этому валу и степью верстъ около 20, они прибыли къ прежнему руслу Аму-Дарьи, по которому ѣхали три дни до урочища. На обоихъ берегахъ того русла они видѣли развалины прежнихъ жилищъ и слѣды проведенныхъ къ нимъ канавъ. Отъ урочища Ата-Ибраи-

---

*) Не упоминается, на сколькихъ судахъ и какія именно были съ нимъ войска; только видно изъ дальнѣйшихъ показаній, что Уральскіе и Гребенскіе казаки не участвовали въ этой поѣздкѣ.

ма, опасаясъ погони Хивинцевъ, ходжа Нефесъ не повелъ ихъ по руслу до моря, но поѣхалъ прямо на Красныя воды.

Желая имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о существованіи этого русла, князь Черкаскій приказалъ астраханскому дворянину Тарасовскому осмотрѣть съ Туркменами означенное русло отъ Каспійскаго моря до урочища Ата-Ибраима; но Туркмены отказались указать дорогу.

Въ заключеніе Астраханецъ Николай Өедоровъ присовокупилъ, что, при возвращеніи своемъ изъ плѣна въ Астрахань, лѣтъ тридцать тому назадъ, онъ видѣлъ прежнее русло Аму-Дарьи, которое въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ переѣзжалъ, — было шириною саженъ съ 50.

Отъ Красныхъ водъ князь Черкаскій отправился 17-го декабря сухимъ путемъ, черезъ Тюкъ-Караганъ, въ Астрахань, куда прибылъ 20-го февраля 1717 года. Конвой его состоялъ изъ 100 человѣкъ солдатъ и 60 человѣкъ Туркменъ.

По возвращеніи въ Астрахань, онъ приступилъ къ окончательнымъ распоряженіямъ къ походу и получилъ въ тоже время свѣдѣніе отъ посланныхъ имъ въ Хиву Астраханцевъ — Ивана Воронина и Алексѣя Святаго — о непріязненныхъ намѣреніяхъ хивинскаго хана — Ширгазы, который, по увѣдомленію калмыцкаго хана Аюки, приказалъ своимъ подвластнымъ быть въ готовности къ походу.

Въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1717 года князь Черкаскій отправилъ изъ Астрахани сухимъ путемъ въ Гурьевъ городокъ 1500 уральскихъ и 1500 гребенскихъ казаковъ, при коихъ находились и лошади драгуновъ. Отрядъ этотъ прибылъ, по назначенію, черезъ 12 дней, а черезъ 7 дней присоединился къ казакамъ и князь Черкаскій съ 500 драгунъ, пріѣхавъ изъ Астрахани моремъ.

Тотчасъ, по прибытіи въ Гурьевъ, князь Черкаскій погнался за партіею Каракалпаковъ, отбившихъ у нашихъ казаковъ табунъ лошадей и захватившихъ до 60 человѣкъ въ плѣнъ. Погоня эта увѣнчалась успѣхомъ: табунъ и плѣнные были отбиты и кромѣ того взяты у непріятеля нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ.

Послѣ сего войска, собранныя у Гурьева городка, провели четыре недѣли въ приготовленіяхъ къ походу, а около 20-го іюня вы-

ступили въ степь *). Подробный составъ отряда, при коемъ находилось 7 орудій, не извѣстенъ; но численность онаго простиралась до 3000 человѣкъ.

О колесномъ обозѣ не упомянуто; лошадей же, по приблизительному исчисленію, было около 6000.

Главнымъ вожатымъ былъ Калмыкъ Манглай-Кагикъ, данный Аюкой-ханомъ, и при немъ 10 человѣкъ его единоземцевъ **).

Путь слѣдованія отряда обозначенъ слѣдующимъ образомъ:

Отъ Гурьева городка шли малою новою дорогою до рѣки Эмбы, оставивъ большую дорогу въ лѣвой сторонѣ на одинъ переходъ. Измѣненіе это сдѣлано собственно въ томъ вниманіи что по новому направленію находилось болѣе воды и корма для лошадей. По переправѣ черезъ рѣку Эмбу, шли вверхъ по ней до урочища Богачаша, а потомъ по большой караванной дорогѣ до озеръ, образуемыхъ рѣкою Аму-Дарьей, верстахъ въ 250 отъ Хивы.

Всего отрядъ находился въ движеніи около 8 недѣль и, прибывъ 15-го августа къ озерамъ, обнесъ въ тотъ же день лагерь валомъ со рвомъ.

Отдѣлившіеся отъ отряда 30 человѣкъ казаковъ для ловли рыбы были немедленно схвачены Хивинцами.

Во время слѣдованія отряда по степи произошли между прочимъ слѣдующія обстоятельства:

1) У колодца Чирдана, на половинѣ пути, вожатый Манглай-Кагикъ, съ своими одноземцами, тайно ушелъ изъ отряда. Въ послѣдствіи открылось, что онъ съ 4 человѣками отправился окольными дорогами въ Хиву, для предупрежденія хана о слѣдованіи Русскихъ, а остальные 6 человѣкъ — къ Аюкѣ-хану.

2) Съ привала у колодца Яргызу, отстоявшаго въ 300 верстахъ

---

*) Съ княземъ Черкаскимъ отправился въ походъ и хивинскій посланникъ, купецъ Ширимъ Узбековъ, пріѣзжавшій въ Астрахань въ 1716 году, для продажи ханскихъ товаровъ.

**) Кромѣ того при отрядѣ находилось 70 юртовскихъ татаръ; при самомъ же князѣ Черкаскомъ состояли: два его брата съ 20 узденями, князь Замановъ, астраханскій дворянинъ Керейтовъ, еще 20 астраханскихъ дворянъ и 13 астраханскихъ купцовъ.

отъ колодца Чирдана, князь Черкаскій отправилъ дворянина Керейтова, съ 100 человѣкамъ казаковъ, въ Хиву для извѣщенія хана, что онъ идетъ посломъ отъ россійскаго императора.

3) У колодца Яргызу было оставлено до 1000 человѣкъ казаковъ съ усталыми лошадьми, а на половинѣ дороги бросили много провіанта, взятаго на полгода, по случаю падежа значительнаго числа вьючныхъ лошадей.

4) Во время пребыванія отряда на урочищѣ Акулъ-рѣкѣ, *) гдѣ выжидали присоединенія оставленныхъ у Яргызу казаковъ, — за коими были посланы верблюды, — прибыли къ князю Черкаскому: два посланныхъ отъ хивинскаго хана и одинъ отъ Керейтова. Посланные привезли ему отъ имени хана: лошадь, бархатный кафтанъ и другіе подарки. Вѣроятно, не желая выказать малочисленность отряда, князь Черкаскій принялъ посланныхъ отъ хана, по присоединеніи казаковъ, оставленныхъ на Яргызу.

Изъ показаній видно, что Керейтову былъ сдѣланъ ханомъ благосклонный пріемъ; но когда прибылъ въ Хиву вожатый Манглай-Кагикъ, то Керейтова и находившихся при немъ людей тотчасъ же посадили подъ арестъ, при чемъ ханъ сталъ набирать войско.

О числительности противупоставленныхъ силъ отряду Черкаскаго — показанія весьма разнствуютъ; однако можно предполагать, что Ширгазы имѣлъ въ сборѣ до 15.000 человѣкъ, но безъ всякой артиллеріи.

Съ этими силами ханъ атаковалъ отрядъ князя Черкаскаго, 16-го августа, и, вынужденный послѣ трехъ-дневнаго боя отступить отъ лагеря безъ всякаго успѣха, прислалъ для переговоровъ двухъ приближенныхъ лицъ, Кулумбея и Назыръ-ходжу, съ увѣреніемъ, что войска атаковали Русскихъ безъ его приказанія, и что если князь Черкаскій пришелъ посломъ, а не съ непріязненною цѣлью, то онъ проситъ его явиться къ нему въ лагерь. Въ знакъ же искренности обѣщанія, что отряду не будетъ сдѣлано никакого вреда, присланные цѣловали коранъ въ присутствіи всѣхъ.

---

*) Судя по числу переходовъ, сдѣланныхъ отъ этого урочища до озеръ, образуемыхъ Аму-Дарьей, должно полагать, что оно находится верстахъ въ 120 отъ Аму-Дарьи.

Колумбей и Назыръ-ходжа были назначены для переговоровъ, по указанію самаго князя Черкаскаго, который объявилъ хану черезъ астраханскихъ юртовскихъ Татаръ, Измаила-Мурзу и Куза-Була, что онъ только съ ними вступитъ въ переговоры. Ширгазы изъявилъ на это согласіе, и въ удостовѣреніе того, что Хивинцы нападали на лагерь Русскихъ безъ его приказанія, наказалъ двухъ изъ нихъ, въ присутствіи нашихъ посланныхъ, приказавъ продернуть одному черезъ ноздри, а другому—черезъ ухо тонкія веревки и водить ихъ на показъ передъ лагеремъ.

Довѣрясь вѣроломнымъ обѣщаніямъ Хивинцевъ, князь Черкаскій, вмѣстѣ съ княземъ Замановымъ, отправился, подъ прикрытіемъ 700 человѣкъ драгунъ и казаковъ къ хану Ширгазы, поручивъ начальство надъ оставшимся войсками — маіору Франкебергу.

Лишь только князь Черкаскій, прибывъ въ непріятельскій лагерь, гдѣ ему былъ приготовленъ шатёръ, растояніемъ въ 250 саженяхъ отъ ханскаго, какъ Хивинцы тотчасъ расположились такимъ образомъ, чтобы онъ не могъ болѣе соединиться съ войсками, оставшимися подъ начальствомъ маіора Франкеберга.

Ширгазы, не принявъ князя Черкаскаго, сдѣлалъ переходъ въ 10 верстъ, по направленію къ Хивѣ, и только на другой день пригласилъ его къ себѣ, вмѣстѣ съ княземъ Замановымъ. Свиданіе ихъ продолжалось нѣсколько часовъ, въ продолженіи которыхъ были представлены хану грамота и подарки. Подарки эти въ тотъ же день были возвращены ханомъ, который велѣлъ сказать, что въ грамотѣ всѣ вещи показаны цѣлыми, а поднесенныя ему разорваны на куски, каждый въ пять аршинъ. Князь Черкаскій сильно сѣтовалъ за подобный безпорядокъ на князя Заманова, завѣдывавшаго подарками; на что сей послѣдній отвѣчалъ, что онъ допустилъ такую экономію, дабы имѣть средства къ возвращенію на Уралъ. *)

Слѣдующіе два дня послѣ свиданія князя Черкаскаго съ Шир-

*) Изложенное здѣсь о подаркахъ основано на показаніяхъ нѣсколькихъ лицъ. Уральскій же казакъ, Татаринъ Уразметъ Ахметьевъ, находившійся въ числѣ 700 чел., взятыхъ княземъ Черкаскимъ при отправленіи въ хивинскій лагерь, показываетъ, что хивинскій ханъ возвратилъ подарки, поднесенные ему отъ имени князя Черкаскаго, подарки же, представленные отъ государя, принялъ.

газы, войско хивинское находилось въ движеніи, по направленію къ Хивѣ и остановилось у рѣчки Парсу Сунгула.

Князь Черкаскій, съ своимъ прикрытіемъ, слѣдовалъ среди Хивинцевъ. Хотя маіоръ Франкебергъ расположился отъ непріятельскаго лагеря только въ двухъ верстахъ, но Хивинцы строго наблюдали, чтобы ввѣренный ему отрядъ никоимъ образомъ не соединился съ прикрытіемъ князя Черкаскаго.

На другой день, по прибытіи на р. Парсу-Сунгулъ, хивинскій ханъ объявилъ чрезъ своихъ приближенныхъ, что такъ какъ онъ своего отряда въ одномъ мѣстѣ продовольствовать не можетъ, то предлагаетъ раздѣлить его на пять частей, которыя и поставить по квартирамъ въ пяти городахъ.

Князь Черкаскій довѣрился этому вѣроломному предложенію и, удержавъ при себѣ 200 чел., остальныхъ, находившихся при немъ драгунъ и казаковъ, раздѣлилъ на 4 части. Въ то же время онъ послалъ приказаніе черезъ дворянина Званскаго и маіору Франкебергу о раздѣленіи ввѣреннаго ему отряда на 5 частей. Не довѣряя словамъ Званскаго, маіоръ Франкебергъ отправился самъ къ князю Черкаскому, чтобы лично удостовѣрится въ дѣйствительности приказанія. Къ сожалѣнію князь Черкаскій подтвердилъ слава Званскаго и раздѣленіе отряда на части было сигналомъ къ его истребленію. Части, составлявшія отрядъ маіора Франкеберга, были уничтожены спустя нѣсколько часовъ по ихъ раздѣленіи, когда ихъ едва только успѣли отвести на нѣсколько верстъ отъ лагернаго мѣста, по разнымъ направленіямъ. Части же, составлявшія прикрытіе князя Черкаскаго, были уничтожены на другой день. На каждаго изъ Русскихъ нападало не менѣе трехъ Хивинцевъ, которые защищавшихся рубили, а не оказывавшихъ сопротивленія вязали.

Едва князь Черкаскій былъ лишенъ защитниковъ, ханъ Ширгазы тотчасъ же приказалъ казнить: сперва дворянина Экономова, а наконецъ и самаго князя Черкаскаго, упрекавшаго хана въ вѣроломствѣ. Первымъ двумъ отрубили просто головы, а князя Черкаскаго раздѣли прежде до нага, а потомъ отрубили голову, при чемъ распороли и животъ. Отрубленныя у этихъ трехъ жертвъ головы были отосланы въ Хиву, и повѣшаны у Аидарскихъ воротъ на висѣлицѣ.

Изъ лицъ, съ коихъ сняты были показанія, только двое Русскихъ, а остальные, Татары. Изъ показаній сихъ послѣднихъ видно:

1) что братья князя Черкаскаго были отпущены хивинскимъ ханомъ невредимыми.

2) что почти всѣ магометане, находившіеся при отрядѣ и обреченные уже на казнь, были прощены по ходатайству старшаго духовнаго лица въ Хивѣ; и

3) что спасшіеся Татары встрѣчали въ Хивѣ и на дорогѣ только однихъ молодыхъ солдатъ, коихъ вели связанными. Это послѣднее обстоятельство даетъ поводъ заключить, что всѣ офицеры и дворяне, а также старые солдаты, оказавшіе сопротивленіе, погибли подъ ударами Хивинцевъ.

По полученіи извѣстія о гибели отряда князя Черкаскаго, повелѣно было крѣпость Св. Петра, т. е. построенную въ Тюкъ-Караганѣ, удерживать до послѣдней крайности. Въ этой крѣпости находилось 11 пушекъ: 3 мѣдныя, 8 чугунныхъ, а гарнизонъ ея, въ концѣ ноября 1717 года, состоялъ только изъ 597 чел. Для полученія воды рыли черезъ каждые три дня новые колодцы, а старые засыпали, потому что вода въ нихъ дѣлалась негодною къ употребленію.

Что касается до крѣпости Красноводской, то извѣстно только то, что хивинскій ханъ, не довольствуясь истребленіемъ отряда князя Черкаскаго, подстрекалъ Туркменъ атаковать эту крѣпость. Ограничившись сначала въ августѣ мѣсяцѣ нападеніемъ на команду, высланную за дровами, при чемъ взяли въ плѣнъ 20 чел., Туркмены въ послѣдствіи, въ сентябрѣ, подступили къ самой крѣпости съ моря и съ сухаго пути и ворвались въ нее. Хотя они были оттуда вытѣснены, однако на мѣстномъ военномъ совѣтѣ было рѣшено оставить крѣпость, изъ которой гарнизонъ, (числительность его не извѣстна), и отправился 3-го октября 1717 года на 13-ти судахъ подъ начальствомъ полковника Фандербидена. По выходѣ въ море, эскадра эта претерпѣла сильную бурю, разогнавшую всѣ суда, изъ коихъ одна буса погибла, но люди бо̀льшею частію спасены. Изъ этихъ судовъ: три бусы съ 400 чел. зимовали въ низовой; нѣсколько офицеровъ и солдатъ, находившихся на двухъ бусахъ, разби-

тыхъ у устья р. Куры., зимовали на урочищѣ Бермакъ; полковника Фандербидена, съ 5-ю судами, отбросило въ Баку, и наконецъ около Гилянь разбило одну шняву и одну бусу.

Астраханскій оберъ-комендантъ, бывъ увѣдомленъ о гибельномъ положеніи гарнизона, оставившаго Красноводскую крѣпость, сдѣлалъ распоряженіе о доставленія ему продовольствія и судовъ къ переѣзду въ Астрахань. Сколько же изъ этихъ несчастныхъ возвратилось въ отечество, о томъ въ дѣлѣ свѣдѣній никакихъ не находится.

Независимо отъ предметовъ, относящихся собственно до экспедиціи князя Черкаскаго, въ найденномъ дѣлѣ заключаются также слѣдующія свѣдѣнія:

1) Показаніе, снятое съ нѣкоего Андрея Семенова, находившагося при купцѣ Малинковѣ, который ѣздилъ, въ концѣ XVII столѣтія въ Персію и Индію съ разными товарами, снабженный отъ посольскаго приказа грамотами и подарками къ шаху персидскому и моголу индійскому. Показаніе это не заключаетъ въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ того, что Малинковъ, употребивъ на поѣздку пять лѣтъ времени, умеръ на обратномъ пути въ Шемахѣ, а всѣ собранныя имъ свѣдѣнія о Персіи и Индіи пропали.

Путь его слѣдованія былъ слѣдующій: изъ Астрахани моремъ къ Низовой пристани; оттуда сухимъ путемъ чрезъ Шемаху въ Испагань и Бендеръ-Абасъ; изъ этого послѣдняго водою въ Бенберъ-Суротъ, а оттуда въ Бурайпуръ, гдѣ расположено было въ лагерѣ около 60.000 чел. подъ предводительствомъ могола индійскаго. Изъ Бурайпура Малинковъ отправился въ Агру, (Акъ-Паработъ тожъ), а оттуда въ Шаму-Набомъ или Дили. Изъ этого города онъ ѣздилъ въ деревню Хуржп. Закупивъ тамъ разные товары, возвратился опять въ Агру, откуда чрезъ Бендеръ-Суратъ отправился тѣмъ же путемъ въ Шемаху, гдѣ умеръ.

Моголъ индійскій, имѣвшій, по словамъ Андрея Семенова, около 100 лѣтъ, въ замѣнъ привезенныхъ ему падарковъ, послалъ съ

Малинковымъ небольшаго слона. Былъ ли доставленъ этотъ слонъ въ Россію, изъ дѣла не видно.

Купецъ Малинковъ нѣсколько разъ былъ приглашаемъ для объясненія съ шахомъ персидскимъ и моголомъ индійскимъ.

2) Распоряженіе объ отправленіи подполковника Волынскаго, — назначеннаго посломъ въ Персію, — изъ Астрахани къ западнымъ берегамъ Каспійскаго моря безъ содержанія, не взирая на большую потребность судовъ для экспедиціи князя Черкаскаго.

3) Указъ Петра I отъ 10-го Мая 1716 года о ласковомъ пріемѣ бухарскаго посла, удержаніи его до возвращенія государя изъ-заграницы и сообщеніи князю Черкаскому цѣли, съ которою онъ присланъ, и

4) Донесеніе, въ концѣ 1717 года, правительствующему сенату, казанскаго губернатора о намѣреніи хана кубанскаго Баты-Гирея идти на грабежъ къ Саратову и Астрахани, вмѣстѣ съ Кубанцами и жителями Терека. Казанскій губернаторъ предупреждалъ, что если полученное имъ свѣдѣніе о намѣреніи Баты-Гирея окажется справедливымъ, то онъ не отвѣчаетъ за охраненіе ввѣреннаго ему края, въ которомъ, за откомандированіемъ полковъ для экспедиціи князя Черкаскаго, осталось мало войскъ, въ особенности же въ Астрахани, гдѣ малочисленный гарнизонъ безсмѣнно содержалъ караулы. Изъ дѣла не видно, какія были сдѣланы распоряженія сенатомъ, въ слѣдствіе такого донесенія.

Краткія свѣдѣнія о караванной дорогѣ изъ Мангышлака въ Хиву.

Н. Ѳ. Бларамбергъ, въ своемъ топографическомъ и статистическомъ описаніи восточнаго берега Каспійскаго моря *), говоритъ, между прочимъ, о четырехъ караванныхъ дорогахъ отъ восточнато и сѣверо-восточнаго береговъ Каспія въ Хиву: — 1) Мангышлакской, 2) Сары-Камышъ-Іольской (отъ Балханскаго залива) 3) Дегели-Іольской (съ полуострова Дарджи) и 4) Орта-Куй-Іольской (отъ южнаго берега Хивинскаго залива). Послѣднимъ тремъ изъ нихъ помѣщены довольно подробные дорожники; о первой-же Мангышлакской — сказано только, что караваны употребляютъ на слѣдованіе ею 29 дней, что дорога эта безлѣсна, и что черезъ одинъ или два перехода встрѣчаются по ней колодцы съ болѣе или менѣе прѣсною водою. Между тѣмъ дорога эта имѣетъ несравненно большее значеніе передъ другими поименованными: ею собственно производятся торговыя сношенія наши съ среднею Азіею черезъ Астрахань, тогда какъ остальные пути имѣютъ только личное значеніе для прибрежныхъ Туркменъ, отправляющихся по онымъ въ Хиву для закупа разныхъ потребностей.

Вотъ тѣ свѣдѣнія о Мангышлакской дорогѣ, которыя я имѣлъ

---

*) Записки Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. IV.

случай получить въ пребываніе мое на Мангышлакскомъ полуострове, лѣтомъ, 1859 г.

1) Отъ Мангышлака до Канга около двухъ дней пути. Водою запасаются въ Мангышлакѣ. Почва земли каменистая. Вправо и влѣво горы средней величины (Канга-Баба), въ горахъ лѣсъ и пастбища.

2) Отъ Канга до Баки-Худука 4 дня пути. Воду берутъ на часть дороги въ Канга и затѣмъ достаютъ ее изъ колодцевъ, вырываемыхъ Киргизами-Адаевцами, по всему пути, на глубинѣ не болѣе 3 саженъ; вода въ нихъ вездѣ хорошихъ качествъ. Почва твердая и холмистая. Травы вообще хорошіе. На всемъ протяженіи растетъ кустарникъ.

3) Отъ Баки-Худука до Буръ-Худука день пути. Дорога ровная и песчаная. Колодцы роются на 5 саженъ глубины. Травы хорошія. Съ этого перехода начинается саксауловый кустарникъ, замѣняющій дрова.

4) Отъ Буръ-Худука до Сенгека или до Бишъ-Оглу день пути. Дорога ровная и песчаная. Колодцы роются на 2 и на 3 сажени глубины. Вода прекрасная. Травы тоже. Саксаулу много.

5) Отъ Сенгека или отъ Бишъ-Оглу до Сай-Худука 2 дня пути. Водою запасаются въ Бишъ-Оглу; большіе караваны берутъ ее сверхъ того изъ колодцевъ по сторонамъ дороги. Почва ровная известковая и мѣстами каменистая. Травы хорошія. Саксаулу довольно.

6) Отъ Сай-Худука до Каракынъ, или все тоже, до Кара-Худука три дня пути. Водою запасаются въ Сай-Худукѣ. Колодцевъ по дорогѣ нѣтъ. Почва каменистая. По обѣимъ сторонамъ дороги голыя, каменистыя, довольно высокія горы, наз. Каракынъ, видимыя еще изъ Бишъ-Оглу. Травы дурныхъ качествъ и въ небольшомъ количествѣ. Саксаулу вовсе нѣтъ. Вмѣсто дровъ употребляютъ здѣсь кустарникъ іокшанъ и кизякъ.

Вода Худука или колодца Каракынскаго соленаго вкуса и вредна людямъ, но животные ее пьютъ. По этому караваны запасаются достаточнымъ для людей количествомъ воды въ Сай-Худукѣ.

По выходѣ изъ Каракына идетъ подъемъ на Кыръ-Дагъ, гору высокую и крутую:

7) Отъ Кыръ-Дага до Эль-Таджа 4 дня пути. Колодцы по сторонамъ дороги, на всемъ переходѣ въ верстахъ 5, 7 и 10 въ сторону, на 20 саженъ глубины. Вода хорошая. Почва земли твердая. Мѣстность отсюда вплоть до хивинскихъ границъ совершенно ровная. Травы хорошихъ качествъ, саксаулу много.

8) Отъ Эль-Таджа до Табынь-Худука 4 дня пути. Водою запасаются для людей въ Эль-Таджѣ. Колодцевъ ни на дорогѣ, ни по сторонамъ нѣтъ. Верблюды и лошади идутъ безъ воды до Табынь-Худука. Почва земли твердая и мѣстами каменистая. Травы и саксаулъ находятся по всей дорогѣ. Никто не кочуетъ здѣсь ни зимою, ни лѣтомъ.

9) Отъ Табынь-Худука до Айбугыра 4 дня пути. Водою запасаются въ Табынь-Худукѣ. Колодцевъ нѣтъ ни на дорогѣ, ни по сторонамъ. Почва твердая и совершенно ровная, травы и саксаулъ ростутъ вдоль всей дороги. Никто и здѣсь не кочуетъ ни зимою, ни лѣтомъ.

Отъ Айбугыра караванная дорога идетъ хивинскими владѣніями, сначала кочевьями Туркменъ, потомъ Каракалпаковъ и наконецъ черезъ различные хивинскіе города. Отъ Айбугыра путь караванный хорошъ повсюду.

10) Отъ Айбугыра до стараго Ургенча 3 дня пути.

11) Отъ стараго Ургенча до Таш-Гауза два дня.

12) Отъ Таш-Гауза до Хивы на Шаватъ, Казаватъ и Кушкупыръ 3 дня пути.

Означенные пункты: Баки-Худукъ, Буръ-Худукъ, Сенгекъ и Бишъ-Оглу, Сай-Худукъ, Каракынъ, Эль-Таджъ и Табынь Худукъ — обозначаютъ большіе колодцы, у которыхъ, по изобилію воды, караваны останавливаются. Изъ нихъ особенно привольны Сенгекъ и Бишъ-Оглу, почему караваны отдыхаютъ тутъ обыкновенно дня по два.

Переходы расчитаны съ отдыхами.

Дожди по описанному пути согласно показаніямъ возчиковъ, бываютъ нерѣдко, въ особенности же на переходахъ до Буръ-Худука и до Бишъ-оглу, такъ что дождевая замѣняетъ иногда колодезную.

ДОРОЖНИКЪ

вдоль восточнаго берега Аральскаго моря.

Отъ Косъ-Арала до устья Кувана — 2 дня ѣзды. Воды на протяженіи пути нѣтъ.

» » до залива Учь-Уткуль — 1 день ѣзды. Вода горькая.

» » » » Кунай	тоже	Вода въ копаняхъ.
» » » » Бусай	тоже	
» » » колодцевъ Биктау	тоже	

» » » залива Акъ-Сага — 1 день, при скорой ѣздѣ.

Отсюда до г. Кинчака 6 дней ходу.

ЖУРНАЛЪ

экспедиціи, снаряженной для обозрѣнія восточнаго берега Каспійскаго моря, въ 1859 году.

Экспедиція, снаряженная по высочайшему повелѣнію, для обозрѣнія восточнаго берега Каспійскаго моря, должна была начать свои дѣйствія съ полуострова Мангышлака—этого крайняго занятаго нами пункта на восточномъ каспійскомъ прибрежьѣ. Для сего чины экспедиціи, собравшись въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1849 года, въ г. Оренбургѣ, слѣдовали оттуда на г. Уральскъ въ Гурьевъ-городокъ. Изъ сего же послѣдняго, съ помощью, сначала уральскихъ войсковыхъ лодокъ, а потомъ, по выходѣ въ открытое море, судовъ каспійской флотиліи, переѣхали на полуостровъ Мангышлакъ.

Въ составъ экспедиціи поступили первоначально:

Начальникъ экспедиціи, оберъ-квартирмейстеръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, генеральнаго штаба полковникъ В. Д. Дандевиль,

Вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ дипломатическій чиновникъ, состоящій при оренбургскомъ и самарскомъ генералъ-губернаторѣ, коллежскій ассесоръ М. Н. Галкинъ,

Переводчикъ оренбургской пограничной коммисіи (нынѣ област-

ное правленіе оренбургскими Киргизами), коллежскій совѣтникъ Н. И. Ильминскій,

Медикъ, коллежскій ассесоръ П. С. Генальскій,

Военный инженеръ-поручикъ Е. М. Старковъ,

Корпуса топографовъ поручикъ Ѳ. В. Скрябинъ,

Корпуса топографовъ подпоручики А. Е. Алексѣевъ и К. Д. Рыбинъ

и оренбургскаго линейнаго № 2-го баталіона подпоручикъ И. Н. Абрамовъ.

Въ послѣдствіи присоединились къ экспедиціи: въ Александровскомъ фортѣ (на Мангышлакѣ) оренбургскаго линейнаго № 1-го баталіона поручикъ И. И. Шлиттеръ,

Уральскаго казачьяго войска сотникъ Мартыновъ

и въ Красноводскомъ заливѣ подполковникъ генеральнаго штаба А. Н. Берновъ, назначенный въ составъ экспедиціи отъ Кавказскаго вѣдомства.

Команду экспедиціи составляли: 50 человѣкъ штуцерныхъ изъ уральскаго полубаталіона, 50 рядовыхъ при 2-хъ унтеръ-офицерахъ изъ гарнизона форта Александровскаго и 48 казаковъ при 2-хъ урядникахъ изъ числа находящихся же въ фортѣ.

Для переѣздовъ экспедиціи и надлежащаго ей содѣйствія, состояли разновременно въ распоряженіи ея до 5-ти судовъ каспійской флотиліи.

Цѣлью экспедиціи были: рекогносцировка всего восточнаго каспійскаго побережья, избраніе пункта для нашего заселенія и ближайшее ознакомленіе съ мѣстными туркменскими поколѣніями.

При снаряженіи экспедиціи имѣлись, между прочимъ, въ виду вновь повторенныя просьбы Туркменъ, какъ прикаспійскихъ, такъ и хивинскихъ, съ которыми обращались они, въ теченіи 1848 года, къ генералъ-губернатору оренбургскаго края, генералъ-адъютанту А. А. Катенину, ходатайствуя о покровительствѣ и обезпеченіи торговыхъ сношеній ихъ съ нами.

Настоящій журналъ былъ веденъ мною, по порученію начальника экспедиціи, подъ его руководствомъ. Въ журналъ вошли, сверхъ общихъ свѣдѣній о посѣщенныхъ мѣстностяхъ, всѣ оффиціальныя данныя и распоряженія. Наблюденія метеорологическія и

по съемочнымъ работамъ составляли предметъ отдѣльныхъ записокъ. Журналъ веденъ подневно, со дня отплытія изъ Гурьева, 5-го мая 1859 года.

5-го мая. Гурьевъ-городокъ. Въ полдень, чины экспедиціи, въ сопровожденіи 50 человѣкъ штуцерныхъ, при 5-ти артиллеристахъ, съ боевыми ракетами, размѣстившись на трехъ парусныхъ судахъ, нанятыхъ отъ уральскаго войска, отправились по теченію Урала въ море. Слѣдуя по золотинскому устью, лодки вышли къ вечеру въ открытое море и къ 9-ти часамъ по полудни пристали къ пароходу «Уралъ», стоявшему подъ парами между островами Каменнымъ и Пешнымъ. Пароходъ «Уралъ» былъ присланъ въ вѣдѣніе экспедиціи временно; въ постоянное же распоряженіе ея, по объясненію капитана парохода, предназначаются новая паровая шхуна Персіянинъ и одна баржа.

Въ $11^1/_2$ часовъ по полудни того же 5-го числа, по переходѣ на пароходъ и перегрузкѣ трехдневнаго довольствія и тяжестей, — «Уралъ» снялся съ якоря и пошелъ по направленію къ Лбищу (сѣверо-западный уголъ Мангышлака).

6-го, продолжая курсъ въ этомъ же направленіи, пароходъ бросилъ къ вечеру якорь въ виду Лбища.

7-го числа, на разсвѣтѣ, пароходъ вошелъ и сталъ на якорь въ Тюкъ-Караганской бухтѣ мангышлакскаго полуострова. Тутъ же находился пароходъ капитана Ивашинцова «Дербентъ», означенныхъ же баржи и шхуны еще не было. Первая ожидалась, а послѣдняя, какъ оказалось, можетъ придти не прежде, какъ въ Красноводскій заливъ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ о свойствѣ судовъ, данныхъ въ распоряженіе экспедиціи, оказалось, между прочимъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ войти въ Карабугазскій заливъ — пароходъ, потому что сидитъ глубоко, а баржа потому, что пойдетъ съ полнымъ грузомъ; въ свою очередь шхуна, сидя глубоко въ водѣ, не можетъ оказывать того содѣйствія береговой съёмкѣ, какъ пароходъ, могущій подходить ближе къ берегу. По всему этому начальникъ экспедиціи отнесся къ главному командиру астраханскаго порта,

контръ-адмиралу Машину, съ просьбою, во 1-хъ не замѣнять пароходъ «Уралъ» шхуной «Персіянинъ», и во 2-хъ прислать въ распоряженіе экспедиціи съ Астрабатской морской станціи пароходъ «Волга», какъ потому, что пароходъ этотъ есть единственное паровое судно каспійской флотиліи, могущее войти въ Карабугазскій заливъ, такъ и вообще по убѣжденію въ недостаточности одного парохода и баржи для успѣшнаго хода дѣлъ. Рапортъ къ адмиралу Машину посланъ на рыбачьей лодкѣ, отправившейся къ Бирючьей косѣ. Вмѣстѣ съ симъ начальникъ экспедиціи написалъ отъ себя завѣдывающему астраханской станціей, прося его, въ свою очередь, о присылкѣ означеннаго парохода «Волга», на основаніи обѣщаннаго морскимъ министерствомъ, возможнаго со стороны станціи, содѣйствія экспедиціи. Эта послѣдняя бумага передана капитану Ивашинцову, отправляющемуся завтра (8-го числа) въ Петровскъ и Баку, откуда обѣщалъ отправить ее на Ашуръ-Аде. При свиданіи съ Ивашинцовымъ рѣшено, что онъ прибудетъ изъ Баку въ Красноводскій заливъ 1-го іюня и командируетъ въ составъ экспедиціи двухъ морскихъ офицеровъ для астрономическихъ наблюденій при береговыхъ съемочныхъ партіяхъ. При этомъ капитанъ Ивашинцовъ охотно согласился привести въ Красноводскій заливъ агента Закаспійскаго торговаго товарищества полковника барона Врангеля, который, по предварительному согласію, обѣщался доставить разные товары, пригодные для торговли съ Туркменами, но затруднялся переѣздомъ изъ Баку въ Красноводскъ.

Комендантъ форта предъявилъ, что онъ могъ нанять для экспедиціи всего 102 верблюда: 72 у ближайшихъ къ укрѣпленію Туркменъ-Ходжей и Абдаловъ и 30 у Киргизовъ-Адаевцевъ, цѣною по 6 руб. сер. за каждаго, и сверхъ того по 3 руб. вожатому, по одному на пять верблюдовъ.

Бо̀льшаго числа верблюдовъ у Туркменъ не было; у Киргизъ же Адаевцевъ не могло быть нанято, по сопротивленію, будто бы, начальника ихъ Баймамбета Маяева. Этотъ послѣдній былъ и прежде причиною неудачи въ сборѣ комендантомъ форта кибиточной подати съ Туркменъ. Имъ одинаково недовольны, по слухамъ,

и Киргизы и Туркмены — первые за разные поборы, а послѣдніе за подстрекательство Киргизъ къ грабежу Туркменъ.

Дано приказаніе о немедленномъ сборѣ верблюдовъ къ форту.

Вечеромъ того же дня, начальникъ экспедиціи принималъ старшину Туркменъ, кочующихъ у Александръ-байскаго и Кендерлинскаго заливовъ, Мамбетъ-Сафу-Кулуева и ханъ-Мамбета, (сына Нурямухаммеда Сары-Ишала, старшины александро-байскихъ Туркменъ, находящагося нынѣ въ Хивѣ), поставщика туркменскихъ верблюдовъ, Ходжу Куккума Меликова, брата старшины Туркменъ-Ходжей кочующихъ на Мангышлакѣ, и сопровождавшихъ ихъ нѣсколькихъ простыхъ Туркменъ. Въ разговорѣ съ ними было объяснено, что наша экспедиція снаряжена единственно, вслѣдствіе просьбы самихъ Туркменъ о покровительствѣ Россіи и имѣетъ цѣлью ознакомленіе съ мѣстностью и выборъ пункта для устройства торговой факторіи, которая, кромѣ снабженія Туркменъ нашими произведеніями и предметами первой необходимости, можетъ послужить и къ огражденію ихъ, въ случаѣ необходимости.

Старшины увѣряли въ своей преданности и ручались, что, на всемъ пути отъ форта до Карабугаза, мы встрѣтимъ со стороны Туркменъ расположеніе и полную готовность служить намъ. За Туркменъ-Ямудовъ, кочующихъ южнѣе Карабугаза, они не ручались, по неимѣнію на нихъ вліянія. «Прибрежные — сказали они, встрѣтятъ, вѣроятно, хорошо, но Атрекскіе, изъ рода Текс, кочующіе на вершинахъ рѣки, врядъ-ли». Изъ сопровождавшихъ ихъ Туркменъ, они выбрали двухъ вожаковъ и трехъ посыльныхъ для экспедиціи, при чемъ рекомендовали особенно одного Уразміяка Латыфова, какъ бываемаго за Балханскимъ заливомъ и знающаго мѣстность до Атрека. Они подтвердили отзывъ каменданта о невозможности нанять верблюдовъ и лошадей въ окрестностяхъ Красноводскаго и Балханскаго заливовъ. Затѣмъ, въ желаніи служить экспедиціи, выразили готовность сопровождать ее, на что и получили разрѣшеніе.

8-то числа. Утромъ пароходъ «Дербентъ» снялся съ якоря. Въ 2 часа, по полудни, пришла баржа съ грузомъ угля для «Урала.» Дано предписаніе коменданту объ отправленіи верблюдовъ, немедленно по приходѣ ихъ, берегомъ къ Кендерлинскому заливу,

подъ прикрытіемъ 50 казаковъ, на казенныхъ верховыхъ лошадяхъ, съ 10 дневнымъ продовольствіемъ для чиновъ экспедиціи. Вечеромъ, по выдачѣ поставщикамъ верблюдовъ задаточныхъ денегъ за мѣсяцъ впередъ, было сдѣлано, въ квартирѣ переводчика экспедиціи, угощеніе всѣмъ вообще Туркменамъ. Поставщикъ верблюдовъ туркменскихъ ходжа Куккумъ, по нежеланію сопровождать верблюдовъ, оставленъ въ фортѣ.

9-го числа. Командиръ прибывшей баржы № 4, лейтенантъ Рогаль-Левицкій передалъ начальнику экспедиціи конвертъ отъ адмирала Машина, въ которомъ сообщалось, что въ распоряженіе экспедиціи назначены имъ въ настоящее время пароходы Уралъ и баржа, но что за тѣмъ 1-й изъ нихъ по «экстренной надобности» будетъ замѣненъ, въ началѣ іюля, паровою шхуною.

Въ заключеніи адмиралъ Машинъ сообщилъ, что, согласно просьбѣ оренбургскаго генералъ-губернатора оказать содѣйствіе экспедиціи въ пріобрѣтеніи для нея лошадей и верблюдовъ, онъ воспользовался пребываніемъ въ Астрахани Туркмена Мухамметъ-Салихъ-хана, поручивъ ему заготовить лошадей и верблюдовъ числомъ до 50 шт. Къ 1-му іюня они должны быть пригнаны къ Красноводскому заливу. Цѣнность каждой лошади, по предъявленію сказаннаго хана, обойдется отъ 60 до 80 руб. сер. Верблюды же будутъ даны за условную плату. Салихъ-ханъ согласился при этомъ сопровождать экспедицію.

Не видя въ этомъ обѣщаніи достаточнаго ручательства въ успѣшной наемкѣ у Туркменъ лошадей и верблюдовъ, начальникъ экспедиціи остался при прежнемъ распоряженіи относительно высылки изъ форта нанятыхъ уже верблюдовъ и казенныхъ лошадей. Къ полдню были пригнаны туркменскіе верблюды, въ числѣ 73. За киргизскими же посланъ старшина Самъ-Данаевъ.

10-го мая. Приведены утромъ 33 киргизскихъ верблюда. Самъ-Данаевъ показалъ при этомъ, что дѣйствительно упомянутый выше Маяевъ отговаривалъ Киргизъ давать верблюдовъ.

Въ 6-мъ часу по полудни, согласно сдѣланному распоряженію, 8-го мая, отправлены къ Кендерлинскому заливу, для конвоированія 106 верблюдовъ, 48 казаковъ при одномъ оберъ-офицерѣ, сотникѣ Мартыновѣ и 2-хъ урядникахъ. Для этой команды ото-

браны 60 лучшихъ лошадей, въ томъ числѣ 9 заводныхъ. Казакамъ выданъ комплектъ боевыхъ патроновъ. На верблюдовъ, кромѣ 10-ти дневнаго довольствія для команды, навьючена часть всего остальнаго продовольствія, именно мѣшковъ 50—сухарей, 82—овса и 32—крупъ; кромѣ того 6 штукъ неламеекъ и разныхъ вещей, какъ то: желѣзныхъ ведеръ, боченковъ, корытъ, приколовъ и пр.

Командованіе отрядомъ поручено корпуса топографовъ поручику Скрябину. Ему вмѣнено при томъ въ обязанность прибыть къ заливу на 7-й день, для чего поручалось наблюсти за неслишкомъ тяжелой навьючкой верблюдовъ. Предоставлялось также нанять на пути до 50 верблюдовъ и закупить барановъ. На издержки выдано ему 200 руб. сер.

Мамбетъ-Софа и ханъ-Мамбетъ послали съ своей стороны передоваго съ извѣщеніемъ подвѣдомственныхъ имъ Туркменъ о выставкѣ, если окажется, верблюдовъ и барановъ.

Поручику Скрябину вмѣнялось при этомъ въ обязанность обращаться съ находящимися при отрядѣ Туркменами и Киргизами возможно снисходительнѣе, не стѣсняя ихъ въ вьючкѣ и уходѣ за верблюдами въ противность ихъ привычкамъ; встрѣчныхъ же Туркменъ принимать дружелюбно, объясняя имъ миролюбивыя наши намѣренія, и наконецъ отнюдь не дозволять казакамъ заѣзжать въ лежащіе на пути аулы.

Выбраны изъ 2-хъ ротъ гарнизона 50 человѣкъ рядовыхъ и 2 унтеръ-офицера, съ подчиненіемъ ихъ, вмѣстѣ съ полусотней штуцерныхъ, прибывшихъ съ экспедиціей, находящемуся на службѣ въ фортѣ поручику Шлиттеру; команда снабжена лучшимъ оружіемъ, двойнымъ комплектомъ боевыхъ патроновъ, боевою аммуниціею, походною и теплою одеждою и пр. Продовольствіе взято на 3½ мѣсяца. Въ число мясной порціи отпущено 45 штукъ барановъ, за невозможностью помѣстить бо̀льшее число на баржу. На недостающее число порцій выданы деньги по здѣшнимъ цѣнамъ. Продовольствіе экспедиціи возложено на поручика Шлиттера. Всѣ припасы и тяжести приказано свезти на пристань къ 14-му числу и передать на пароходъ и баржу; могущее же не помѣститься на этихъ судахъ, оставить въ ожиданіи имѣющей прійдти сюда, на смѣну парохода «Уралъ», шхуны «Персіянинъ».

Распрашивали Мамбетъ-Софу и ханъ-Мамбета о Салихъ-ханѣ. Онъ не пользуется—говорятъ они—ни вліяніемъ, ни сочувствіемъ между однородцами-Ямудами. Они указали при этомъ на трехъ лицъ, живущихъ на Челекенѣ, какъ очень вліятельныхъ, на Кучакъ-хана Уразгильдіева, Суфи Менглыдурдыева и Дуглы-хана Пуладъ-ханова. Всѣ они люди зажиточные, и послѣдній изъ нихъ имѣетъ еще кочевье на Серебряномъ бугрѣ.

11-го числа. Начальникъ экспедиціи отнесся вновь къ адмиралу Машину. Прописавъ, въ дополненіе къ прежнему рапорту, содержаніе отзыва управляющаго морскимъ министерствомъ къ генералъ-губернатору оренбургскаго края, въ февралѣ настоящаго года, что «для перевозки чиновъ экспедиціи, назначаемой для рекогносцировки восточнаго берега Каспійскаго моря, изъ Александровскаго форта въ Балханскій заливъ, будутъ назначены, въ распоряженіе полковника Дандевиля, паровая шхуна Персіянинъ и желѣзная морская баржа; для перевозки же экспедиціи изъ Гурьева-городка до Александровскаго форта будетъ посланъ въ первый пунктъ, къ 1-му мая, пароходъ Астрабадъ; изъ этихъ трехъ судовъ пароходъ и баржа останутся на все время рекогносцировки въ распоряженіи полковника Дандевиля, — начальникъ экспедиціи находилъ, согласно симъ послѣднимъ словамъ, что назначеніе шхуны Персіянинъ въ распоряженіе экспедиціи оказалось съ перевозкою отряда въ Балханскій заливъ и, что пароходъ Астрабатъ, или нынѣ Уралъ, долженъ остаться на все время экспедиціи и что, такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ въ распоряженіе экспедиціи отъ Александровскаго форта до Балханскаго залива должны были быть три, а не два судна. При этомъ сообщалось, что всѣ тяжести экспедиціи, состоящія между прочимъ изъ $3^1/_2$ мѣсячнаго довольствія, не могутъ быть подняты на пароходъ и баржу, по отзыву ихъ командировъ, несмотря на то, что изъ 150 человѣкъ отряда, 50 казаковъ и часть изъ означеннаго продовольствія посланы берегомъ. Поэтому остальныя тяжести имѣютъ быть переданы на ожидаемую сюда шхуну Персіянинъ. Въ заключеніе начальникъ экспедиціи просилъ о присылкѣ еще одной хотя баржи, если пароходъ Волга, согласно прежнему ходатайству, не можетъ быть присланъ, и въ случаѣ, что пароходъ Уралъ будетъ замѣненъ

шхуною Персіянинъ, баржа безъ груза могла бы быть употреблена при береговой съёмкѣ вокругъ Карабугаза.

12 и 13-го начали свозить тяжести и продовольствіе на пристань и сдавать ихъ постепенно на пароходъ и баржу.

Начальникъ экспедиціи производилъ въ это время возложенное на него инспектированіе укрѣпленія.

14-го. По принятіи на пароходъ и баржу всѣхъ тяжестей и продовольствія, осталось послѣдняго для передачи на шхуну Персіянинъ до 800 пудовъ, приблизительно на ½ мѣсяца.

Упомянутый выше бій Баймамбетъ Маяевъ, сознавая вѣроятно свою вину, прислалъ сегодня письмо къ переводчику, въ которомъ старался доказать, что не имѣетъ никакого вліянія на подвѣдомственныхъ ему Ордынцевъ, что ему необходимо содѣйствіе вооруженной силы, между тѣмъ комендантъ Александровскаго форта избѣгаетъ всякаго посредства въ сношеніяхъ его съ Киргизами.

Въ 6-ть часовъ по полудни сданы коменданту, для отправленія съ почтой, черезъ Гурьевъ, въ Оренбургъ, пакетъ на имя генералъ-губернатора.

Въ донесеніи своемъ начальникъ экспедиціи излагалъ въ подробности всѣ распоряженія по настоящее число и въ заключеніи выразилъ слѣдующія соображенія о дальнѣйшихъ занятіяхъ, по соединеніи въ Кендерлинскомъ заливѣ съ береговымъ отрядомъ поручика Скрябина, именно: 1) Отъ Кендерли отправятся 3 съёмочныя партіи — двѣ въ обходъ Карабугазскаго залива съ 25 человѣками конвоя при каждой, и съ мѣсячнымъ продовольствіемъ, и послѣдняя, съ конвоемъ изъ 36 человѣкъ, съ остальными верблюдами, лошадьми и одинаковымъ продовольствіемъ, вдоль берега къ Карабугазскому проливу, куда ко времени прихода этой партіи, по маршруту на 6-й день, имѣютъ подойдти, для переправы ея черезъ проливъ, для дальнѣйшаго за симъ слѣдованія по берегу, суда экспедиціи. Отсюда суда возьмутъ курсъ на Красноводскъ и, по прибытіи туда, въ ожиданіи присоединенія береговой партіи, предполагается осмотрѣть ближайшія мѣстности и войти въ сношенія съ Туркменами. Когда же подойдетъ партія, то, соединившись съ нею, экспедиція направится на встрѣчу двухъ вышеупомянутыхъ партій, которыя, по данному имъ маршруту, должны будутъ сойтись

при юго-восточномъ углѣ Карабугаза. По соединеніи съ ними, приблизительно около 12-го іюня, экспедиція, въ полномъ составѣ, двинется къ восточному углу Балханскаго залива и оттуда на югъ до Атрека. На пути снимутся и осмотрятся въ подробности острова Челекень и Огурчинскій, Балханскія горы и предполагаемое русло бывшаго теченія Аму-Дарьи.

Въ 9-ть часовъ вечера чины экспедиціи перешли на пароходъ. Изъ Туркменъ сопровождали: Мухаммедъ-Сафа и ханъ-Мамбетъ.

По просьбѣ торгующаго въ укрѣпленіи Армянина Попова, начальникъ экспедиціи разрѣшилъ свезти прикащика его на пароходѣ въ Кендерлинскій заливъ, для закупа тамъ рыбы—въ убѣжденіи, что пріѣздъ такого торговца въ Кендерли можетъ быть полезенъ при сношеніяхъ съ Туркменами. Въ этотъ же день было сдѣлано прощальное угощеніе Туркменамъ, состоявшее въ пилавѣ и чаѣ.

15-го. Въ 9-мъ часу утра пароходъ съ баржей на буксирѣ, оставилъ бухту и вышелъ въ море.

Часа черезъ два обыкновеннаго хода, пароходъ былъ остановленъ рыбачьей лодкой, давшей знать, что за нею слѣдуетъ почтовая изъ Гурьева съ нужными депешами. «Уралъ» уменьшилъ пары, почта подошла и передала пакетъ отъ оренбургскаго генералъ-губернатора.

Сообщались къ свѣдѣнію и руководству мѣры, которыя рѣшились принять въ отношеніе хивинскихъ Туркменъ, предложившихъ себя и занятый ими, вмѣстѣ съ мѣстными узбеками, хивинскій г. Кунградъ, во власть Россіи, и просившихъ нашей помощи. Начальникъ экспедиціи поставлялся въ извѣстность о томъ, что было рѣшено оказать этимъ Туркменамъ временную помощь, пользуясь къ тому отправленіемъ аральской флотиліи вверхъ по Аму-Дарьѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прислана была копія съ отвѣта начальнику хивинскихъ Туркменъ Ата-Муратъ-хану, въ которомъ извѣщалось между прочимъ о слѣдованіи нашей экспедиціи, какъ предпринятой по желанію его и соплеменниковъ и клонящейся къ обезпеченію торговыхъ съ ними сношеній.

Отбирались свѣдѣнія отъ Мамбетъ-Сафы и ханъ-Мамбета о колодцахъ по окраинѣ Карабугаза.

Также повѣрялись имѣвшіеся въ виду свѣдѣнія, на счетъ поколѣнной росписи Туркменъ. Мамбетъ-Сафа находилъ, между прочимъ, что нѣкоторыя мелкія родовыя подраздѣленія были въ этихъ свѣдѣніяхъ приняты за главныя.

16-го. Подъ вечеръ пароходъ бросилъ якорь въ Кендерлинскомъ заливѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ восточной его стороны, гдѣ у колодцевъ Порсу предположено выдти на берегъ. Подвинуться ближе не рѣшился капитанъ парохода, по неизвѣстности ему глубины залива.

Лишь только «Уралъ» отдалъ якорь, пріѣхали на пароходъ съ Кендеринской косы съ мыса Агызъ-Ада Туркмены-рыболовы. Одинъ изъ нихъ Мамбетъ-ходжа говоритъ недурно по русски. На косѣ живутъ въ нѣсколькихъ кибиткахъ рыболовы; судами покрыты разной величины лодками.

Пріѣхавшіе рыболовы сообщили, что въ послѣднее время, прикочевало къ Балханскому заливу бо̀льшее, чѣмъ обыкновенно, число атрекскихъ Ямудовъ вслѣдствіе, будто бы, дошедшихъ до нихъ слуховъ о слѣдованіи нашей экспедиціи.

Въ частной бесѣдѣ съ Мамбетъ-Сафою и ханъ-Мухаммедомъ, упомянутый Мамбетъ-ходжа проговорился, что Армяне Александровскіе прислали къ Туркменамъ письмо, въ которомъ говорятъ, «что если Туркмены желаютъ одникъ почестей и наградъ, то пусть слушаются Русскихъ, помогаютъ и сопутствуютъ имъ; если же хотятъ дѣйствительныхъ выгодъ, то да останутся всѣ въ Кендерли, продолжая заниматься рыболовствомъ.»

Армяне, какъ оказалось, по справкѣ, извлекаютъ здѣсь значительныя выгоды отъ обмѣна муки на рыбу. Въ Кендерли занимаются рыболовствомъ до 350 семействъ. Имъ нужно въ годъ приблизительно 1800 кулей муки. За каждый куль самой дурной муки берутъ Армяне деньгами отъ 3 руб. сер., при началѣ рыболовства въ маѣ мѣсяцѣ, и до 5 руб. при окончаніи его, въ сентябрѣ; а рыбой отъ 10 до 15 штукъ, полагая вообще за 1 руб. по 3 рыбы (осетра, севрюги или бѣлуги) 5-ти или 4-хъ четвертей длины. Одно обиліе рыбы позволяетъ Туркменамъ довольствоваться торгомъ съ

Армянами, но они понимаютъ, до чего злоупотребляютъ послѣдніе, по отсутствію конкуренціи.

17-го. Съ разсвѣта начали перевозить на берегъ отрядъ и тяжести, необходимыя для съёмочныхъ партій.

Во 2-мъ часу по полудни отправились на берегъ всѣ чины экспедиціи. Не задолго передъ тѣмъ увидѣли въ зрительную трубку приближеніе къ сказаннымъ колодцамъ отряда поручика Скрябина.

Встали лагеремъ на плоской низменной части прибрежья, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ залива, у самыхъ колодцевъ Порсу, лежащихъ на востокъ, не подалеку отъ мыса Порсу. Мѣстность совершенно пустынная. Не видно и слѣдовъ кочевокъ, хотя вода въ колодцахъ прѣсная съ очень небольшой примѣсью соли, и растетъ оржаникъ. Есть и ковылъ и гребенщикъ. Грунтъ песчаный съ ракушей.

Поручикъ Скрябинъ донесъ, что совершилъ путь совершенно благополучно. Во время слѣдованія онъ встрѣчалъ мало ауловъ и могъ нанять всего 10 верблюдовъ и купить 100 барановъ, изъ коихъ 50 были выставлены безплатно, вслѣдствіе приведеннаго выше письма хана-Мамбета. Послѣднему выданы немедленно за барановъ деньги, по цѣнѣ, по которой куплены Скрябинымъ остальные, а именно по 5 руб. 50 коп. сер. за большаго, вѣсомъ въ 2 пуда и по 3 руб. за барана меньшей величины.

Въ 7-мь часовъ вечера, начальникъ экспедиціи, въ сопровождедіи нѣкоторыхъ членовъ оной, поѣхалъ верхомъ осматривать мѣстность, по направленію къ мысу Куманъ черезъ копани Кендерли-кудукъ. Путь шелъ возвышеннымъ берегомъ того же песчанаго свойства, какъ и самый берегъ. Кое-гдѣ встрѣчались только известковые камни, въ видѣ тонкихъ плитъ. На пути собирали растенія.

Въ это же время были посланы топографы для инструментальной съёмки вдоль берега и опредѣленія нѣсколькихъ пунктовъ, по которымъ можно было бы приступить къ промѣру залива. Больныхъ въ отрядѣ нѣтъ. Люди бодры и веселы. Игры и пѣніе продолжались во весь вечеръ и кончались общей молитвой, пропѣтой, по обыкновенію, передъ ужиномъ.

18-го. Сдѣлано распоряженіе съёмочныхъ партій, согласно приведенному выше донесенію г. генералъ-губернатору. Въ обходъ Карабугаза назначены поручикъ Скрябинъ и подпоручикъ Рыбинъ, съ двумя партіями, а по берегу подпоручикъ Алексѣевъ. Также повѣрялись свѣдѣнія о пути вокругъ Карабугаза и отбирались вновь о береговой дорогѣ къ Карабугазскому проливу.

Нанятъ еще вожакъ для 3-й партіи.

Кончены съёмочныя по берегу работы въ масштабѣ одной версты въ дюймѣ. Штурманскій офицеръ съ баржи, прапорщикъ Абрамовъ вызвался произвести промѣръ залива. Ему сообщены опредѣленные топографами пункты: стоянки судовъ, мысовъ: Куманъ, Агазъ-Ада и Порсу и камня Ада-Джанъ, лежащаго на юго-востокъ отъ Порсу.

Начали купаться въ морѣ.

19-го мая утромъ, въ 9-мъ часу по полуночи выступили съёмочныя партіи. Дано наставленіе переводчику экспедиціи къ объявленію Мамбетъ-Сафѣ и ханъ-Мамбету о мѣрахъ содѣйствія, принятыхъ нашимъ правительствомъ въ отношеніе хивинскихъ Туркменъ.

20-го. Штурманскій офицеръ кончилъ промѣры къ полдню. Оказалось, что пароходъ можетъ бросить якорь въ 60-ти саженяхъ отъ того мѣста, гдѣ расположенъ лагерь. Сегодня же передавалъ Мамбетъ-Сафа г. Ильминскому нѣкоторыя свѣдѣнія о Тоганъ-Казы, кочующемъ постоянно на Атрекѣ и на время пріѣзжающемъ въ Балханскій заливъ. Особенно же рекомендовалъ при этомъ Мамбетъ-Сафа очень близкаго къ нему, одного махтума Нефеса, живущаго постоянно у Красноводска. Отъ него, по словамъ Мамбета, можно получить свѣдѣнія самыя вѣрныя, о положеніи Ямудовъ, отношеніи ихъ хановъ и старшинъ къ народу и степени ихъ вліянія на послѣдній. Ата-Муратъ-ханъ, глава Ямудовъ хивинскихъ, не имѣетъ, по показанію его, никакого вліянія на здѣшнихъ Ямудовъ.

21-го мая. Посланъ нарочный съ почтой въ Александровскій фортъ.

Начальникъ экспедиціи писалъ г. генералъ-губернатору о ходѣ дѣлъ по сегодняшнее число, а къ коменданту форта на счетъ слуха

объ упомянутомъ письмѣ Армянъ къ Туркменамъ, поручая разузнать изъ-подъ руки: дѣйствительно ли было послано это письмо и кѣмъ именно?

Сильный противный вѣтеръ не позволилъ переѣхать сегодня съ командой на пароходъ, для отправленія въ дальнѣйшій путь.

22-го мая. Съ ранняго утра, съ прекращеніемъ вѣтра, начали перевозить команду, и къ вечеру переѣхали сами на пароходъ.

Командиръ парохода нашелъ неудобнымъ сняться немедленно съ якоря, чтобы не подойти ночью слѣдующаго дня къ Карабугазскому проливу. Поэтому онъ предполагаетъ выйдти въ море завтра, въ полдень, расчитывая такимъ образомъ пристать къ проливу на другой день, на разсвѣтѣ.

23-го. Утромъ, передъ выступленіемъ, пріѣхали съ косы Туркмены, въ числѣ 4-хъ человѣкъ. Изъ нихъ, ходжа-Мамбетъ, который сверхъ русскаго языка, выучился въ Астрахани употребленію вина, просилъ, по секрету отъ товарищей, дать ему бутылку водки. Имъ всѣмъ были розданы разныя вещи: ножницы, бритвы, ножи и проч. въ подарокъ и тоже, какъ образцы нашихъ издѣлій.

Въ 4-мъ часу по полудни оставили Кендерли и пошли по направленію къ Карабугазу. Погода благопріятствовала слѣдованію.

23-го. По неимѣнію хорошей карты Каспійскаго моря, пароходъ Уралъ сначала поворотилъ къ берегу, не доходя еще Карабугазскаго пролива, а потомъ, спустившись на югъ, миновалъ его. Между тѣмъ, часу въ 6-мъ по полудни, причалила къ пароходу, пріостановившемуся для обозрѣнія берега, рыбачья туркменская лодка. Сидѣвшій въ ней старикъ передалъ, что отрядъ подпоручика Алексѣева съ верблюдами переправился черезъ проливъ сегодня утромъ и всталъ лагеремъ не подалеку отъ него. Онъ указалъ приблизительно на мѣсто, и дѣйствительно, съ помощью зрительной трубы, можно было разсмотрѣть и дымъ въ томъ направленіи и верховаго на берегу. Начальникъ экспедиціи, съ гг. Галкинымъ, Ильминскимъ и Старковымъ и 10-ти человѣками конвоя переѣхалъ на 12 весельной лодкѣ, на берегъ; старикъ же Туркменинъ былъ отпущенъ съ денежной наградой. Подпоручикъ Алексѣевъ расположился въ полуверстѣ отъ берега. При переправѣ, онъ встрѣтилъ большія затрудненія: Туркмены то соглаша-

лись перевезти, то отказывались, и наконецъ хотѣли было отогнать свои лодки, въ числѣ всего 3-хъ, такъ что Алексѣевъ долженъ былъ остановить ихъ угрозой, употребить силу и приказалъ перевезти отрядъ; послѣ же благополучной переправы далъ деньги, и Туркмены остались очень довольны, но украли у него нѣсколько концевъ веревокъ и одно ведро. Ширина залива въ мѣстѣ переправы доходитъ до 160 саженъ и теченіе довольно тихое, что̀ опровергаетъ всѣ показанія Туркменъ о неимовѣрной его быстротѣ. До Алексѣева дошелъ слухъ, что посреди Красноводской косы, на возвышеніи Кара-Баба, Туркмены намѣреваются напасть на насъ и что вообще они смотрятъ недружелюбно на сухопутное слѣдованіе съёмочныхъ партій. Поэтому начальникъ экспедиціи прибавилъ къ отряду Алексѣева прибывшихъ съ парохода 10 человѣкъ. Въ отрядѣ этомъ всѣ здоровы, за исключеніемъ одного казака, имѣвшаго припадокъ падучей, почему начальникъ экспедиціи взялъ его на пароходъ. Ханъ-Вамбетъ, вызвался идти при отрядѣ Алексѣева, для переговоровъ съ встрѣчными Туркменами.

Вслѣдъ за отрядомъ Алексѣева пришли съ переправы нѣкоторые Туркмены. Съ словъ ихъ были провѣрены свѣдѣнія насчетъ дальнѣйшаго пути къ Красноводску.

Въ 9-мъ часу вечера мы оставили лагерь и переѣхали на пароходъ. Черезъ полчаса былъ поднятъ якорь, и мы двинулись по направленію къ Красной косѣ.

25-го. Пройдя островъ Челекень и обогнувъ Красноводскую косу, вошли вечеромъ въ Красноводскій заливъ (по картѣ Колодкина).

26-го. Подвинулись съ разсвѣтомъ по направленію къ горѣ, называемой Болкую и составляющей одну изъ вершинъ цѣпи Кувадагскихъ горъ. На разстояніи безъ малаго 2-хъ верстъ отъ берега, пароходъ прекратилъ пары и отдалъ якорь. На берегу, въ долинѣ, расположенъ аулъ въ 12 кибитокъ. Мѣсто это извѣстно обиліемъ колодцевъ съ прѣсной водой, а въ горахъ, въ верстѣ отъ берега, находился родникъ съ отличной водой, называемый медовымъ (балкую).

Немедленно пріѣхали на пароходъ съ берега старшина аула шейхъ Чарчангъ, Алла-Назаровъ, въ сопровожденіи нѣсколь-

кихъ Туркменъ, и привезли двухъ барановъ въ подарокъ. Въ разговорѣ за чаемъ, они передали, что Салихъ-ханъ, по пріѣздѣ изъ Астрахани на Челекень, дѣйствительно озабочивался наймомъ для экспедиціи верблюдовъ и посылалъ съ этой цѣлью къ располагающимся въ Болханахъ Ямудамъ-Чорванъ, т. е. богатымъ, кочевымъ Туркменамъ (въ окрестностяхъ же Красноводска кочуютъ всего до 100 кибитокъ бѣдныхъ, у которыхъ верблюдовъ очень мало, а лошадей вовсе нѣтъ). Послѣдніе выразили полную готовность; но гдѣ назначенъ сборъ верблюдовъ и кому поручено наблюденіе, неизвѣстно; самъ же Салихъ-ханъ проѣхалъ на Атрекъ. Онъ пользуется здѣсь, сказали они, уваженіемъ бо̀льшимъ, будто бы, чѣмъ отецъ его, Кадыръ-ханъ, сынъ извѣстнаго Кіатъ-Аги.

Послѣ того сообщили шейхи, что, не такъ давно, была послана съ нашей станціи на Ашурѣ за дровами на ближайшій туркменскій берегъ шлюпка съ 8-ю матросами; мѣстные Туркмены напали на нихъ и убили одного, а остальныхъ взяли въ плѣнъ. Для выручки ихъ были посланы со станціи суда, которые и захватили 14 Туркменъ-старшинъ, въ видахъ обмѣна ихъ на плѣнныхъ Русскихъ. Обмѣнъ еще не состоялся. Туркмены ожидаютъ его съ нетерпѣніемъ.

Подошла къ пароходу большая косовая лодка подъ персидскимъ флагомъ. Туркмены сказали, что она пришла, вѣроятно, съ Красноводской косы, или съ острова Челекеня, чтобъ налиться прѣсной водой.

Послали за шкиперомъ этого судна. Онъ показалъ, что пришелъ дѣйствительно за водою съ Кара-Баба, гдѣ закупалъ соль у Менглы-дурды-хана. Тамъ слышалъ онъ отъ сына Нефесъ-Махтума, что ожидались сюда русскія суда̀. Самаго Нефеса не видалъ, равно какъ и Салихъ-хана, о которомъ и не слыхали ничего. Самъ онъ изъ Инзели. Послали за Менглы-дурды-ханомъ и Нефесъ-Махтумомъ.

27-го. Начали перевозиться съ утра на берегъ къ самому подножью горы Кызляръ-тахта, къ колодцу Суюджи, въ полу-верстѣ отъ аула. По словамъ мѣстныхъ кочевниковъ, отдѣльная группа горъ у колодцевъ называется не Балкую, а Кызляръ-Тагта

(Дѣвичій тронъ), равно какъ вся цѣпь, идущая по берегу, не Балкуинскими горами, а Кува-Дагскими.

Въ этихъ мѣстахъ встрѣчаются большія и малыя змѣи, тарантулы, скорпіоны и фаланги разныхъ величинъ. Число ихъ увеличилось еще при разстановкѣ юламеекъ и разбитіи лагеря отъ очищенія земли отъ небольшихъ камней порфирнаго булыжника, покрывающихъ берегъ почти сплошь. Къ вечеру, впрочемъ, шумъ, веселыя пѣсни солдатъ, купанье ихъ въ заливѣ, гдѣ также попадались змѣи, нѣсколько разогнали гадовъ и насѣкомыхъ изъ воды и съ суши.

Здѣсь дуетъ постоянно вѣтеръ, временами довольно порывистый, изъ ущелья и мѣняетъ направленіе нѣсколько разъ въ теченіи дня. Туркмены называютъ его по этому сумасшедшимъ (тентекъ); по берегамъ же Красноводской косы—сказываютъ они—дуетъ, напротивъ, вѣтеръ умный, т. е. тихій и болѣе постоянный.

Пока перевозилась команда, пріѣхали на пароходъ съ Кара-Баба, вслѣдствіе посылки за ними, Менглыдурды-ханъ и Нефесъ-Махтумъ, въ сопровожденіи одного Туркменина, въ качествѣ оратора, черезъ котораго и выражали тѣ свои мысли. Всѣ они были одѣты жалкимъ образомъ, а называющійся ханомъ не имѣлъ даже сапогъ.

Въ разговорѣ намекнули они, что живутъ съ сосѣдями въ дружбѣ и что въ защитѣ не нуждаются; стоятъ за свою нефть и соль; да и внутренній порядокъ свой предпочитаютъ иному. Ихъ навели на разказы о невыгодности торга съ Армянами и на удобства установленія болѣе правильнаго и постояннаго. Разговоръ, какъ и слѣдовало ожидать, кончился разными изъявленіями обѣщаній и дружбы. Опасались они только недоброжелательства Балханскихъ и вызывались снарядить свой отрядъ. Имъ было между прочимъ сказано, что если мы и ходимъ по ихъ землѣ, то собственно для ознакомленія съ дорогами, по которымъ можно будетъ доставлять имъ хлѣбъ и товары. «Наши головы и руки вручаемъ вамъ» — отвѣчали на это Туркмены; между тѣмъ, при разъѣздахъ съ нами, просили позволеніе носить оружіе — на что и получили разрѣшеніе начальника экспедиціи.

Вечеромъ, по переѣздѣ на берегъ, Туркмены были угощены пи-

лавомъ. При этомъ Менглыдурды-хану предложено было ѣхать на Челекень и привезти оттуда наиболѣе вліятельныхъ, черезъ которыхъ можно было бы получить верблюдовъ на полуостровѣ Дарджѣ, южномъ берегу Балханскаго залива, гдѣ они пасутся.

8-го утромъ отправился на Челекень Менглыдурды, согласно данному ему порученію. Нефесъ-Махтумъ остался здѣсь. Отъ него отбирались сегодня нѣкоторыя свѣдѣнія по особо составленной Галкинымъ запискѣ.

Въ 6-мъ часу по полудни начальникъ экспедиціи и гг. Галкинъ, Ильминскій, Старковъ и командиръ баржи Рогаль-Левицкій отправились въ сосѣдній туркменскій аулъ и заходили въ нѣкоторыя кибитки. Вездѣ встрѣчали радушно, угощали кислымъ овечьимъ молокомъ, въ родѣ простокваши; дѣти ласкались, женщины не дичились. Мы роздали при этомъ нѣсколько вещицъ, какъ то ножи, бритвы, ножницы и женскихъ украшеній разнаго рода, браслеты, серьги, бусы и кольцы. Въ кибиткахъ замѣтна большая бѣдность. Однѣ женщины хлопотали по хозяйству, и только въ одной застали старика за обтескою небольшихъ жерновыхъ камней. Изъ аула пошли въ гору, къ колодцу Балкую. Колодезь лежитъ въ ущельи, между двухъ возвышенностей, глубиною онъ не болѣе сажени. По совершенномъ вычерпаніи къ вечеру, на утро слѣдующаго дня, онъ снова наполняется. Вода совершенно прѣсная, родниковая и пріятная на вкусъ. О колодцѣ этомъ разсказываютъ легенду, что онъ открылся мгновенно отъ соприкосновенія костыля одного старца, не находившаго нигдѣ по пути воды и изнемогавшаго отъ жажды. Отсюда, и присвоямое колодцу другое еще названіе «Моисеева.» Около колодца, на пространствѣ не болѣе 3-хъ квадратныхъ саженъ, посѣяны дыни, арбузы и тыквы.

На возвратномъ пути, сопровождавшій насъ аульный старшина Чарганъ распрашивалъ о Муравьевѣ, называя его Николаемъ Николаевичемъ. Онъ сказывалъ, что хотя былъ еще угланомъ (мальчишкой), но хорошо помнитъ Муравьева, какъ входилъ онъ на одну изъ здѣшнихъ горъ и какъ щедро одарилъ его, Чарганга, и особенно отца его, Алла-Назаръ-муллу.

Возвратившись въ аулъ, мы увидѣли довольно много скота, преимущественно барановъ и козъ, согнанныхъ на ночь изъ-за горъ.

29-го мая. Пріѣхалъ посланный изъ отряда Алексѣева, съ донесеніемъ о благополучномъ слѣдованіи. Отрядъ долженъ присоединиться послѣзавтра. Вечеромъ, со словъ жителей аула и Нефесъ-Махтума, быта набросана распросная карта пути къ Балханамъ и вокругъ нихъ. Прѣсной воды по сѣверному берегу залива мало, а по южному вовсе нѣтъ.

Прапорщикъ Абрамовъ сдѣлалъ промѣры въ бухтѣ, образуемой горами Гызляръ-Тахта и Уфракомъ. Заливъ, по глубинѣ, очень хорошъ.

30-го мая, Въ 5 часовъ по полудни пришла изъ Баку паровая шхуна «Туркмининъ.» На ней прибыли подполковникъ генеральнаго штаба Берновъ, назначенный отъ Кавказскаго вѣдомства въ составъ экспедиціи, и баронъ Врангель. Подполковникъ Берновъ ѣздилъ передъ тѣмъ изъ Баку на Ашуръ-Аде. Начальникъ станціи, капитанъ Лихаревъ, представилъ ему живущаго на Ашурѣ, упомянутаго выше Кадыръ-хана, и старшинъ изъ ближайшихъ туркменскихъ ауловъ, кочующихъ южнѣе Гассанъ-Кули. Всѣ они увѣряли въ своей преданности, желаніи служить Россіи, обѣщали полное содѣйствіе экспедиціи и просили не ставить въ вину всему народу неблагонамѣренныхъ поступковъ отдѣльныхъ лицъ.

Не задолго передъ пріѣздомъ его на Ашуръ, былъ тамъ англійскій агентъ, искавшій, будто бы, случая пріобрѣсть у Туркменъ землю на Атрекѣ, вывѣдывавшій изъ подъ руки о нашихъ намѣреніяхъ въ отношеніе Туркменъ и объ цѣли экспедиціи. Съ Ашура Берновъ возвратился вп Баку и оттуда, слѣдуя на соединеніе съ экспедиціей, заходилъ, по пути, на островъ Челекень. Везшая его шхуна приставала къ южной бухтѣ. Къ нему пріѣхали, бывъ предувѣдомлены съ Ашура, родной племянникъ Кадыра, Ана-Хасанъ-ханъ, самое нынѣ вліятельное на Челекенѣ лицо, и 5 мѣстныхъ старшинъ. Съ ними съѣхалъ подполковникъ Берновъ на берегъ и обозрѣлъ островъ. Они говорили ему, что придутъ въ нашъ лагерь, согласно предварительному приглашенію начальника экспедиціи. Передъ оставленіемъ острова, г. Берновъ. роздалъ имъ въ подарокъ нѣсколько сереэряныхъ, цѣнныхъ вещей.

Подполковникъ Берновъ сообщилъ при этомъ, что на Челекени находится въ работникахъ до 60 плѣнныхъ Персіянъ и что одинъ

изъ прислужниковъ Ана-Гасанъ-хана, по имени Ибрагимъ Герасимовъ, побочный сынъ прикащика, торговавшаго съ Туркменами въ 40-хъ годахъ, Астраханскаго купца Герасимова, выразилъ Бернову желаніе переѣхать въ Россію и креститься. Онъ знаетъ нѣсколько словъ по Русски. Его взялъ Берновъ съ собою на шхуну. Въ разговорѣ съ переводчикомъ экспедиціи, Герасимовъ объявилъ, что дѣйствительно желаетъ перейти къ намъ, но въ экспедиціи участвовать можетъ не иначе, какъ съ согласія своего хозяина.

Г. Берновъ, въ видахъ общей пользы, предоставилъ въ распоряженіе начальника экспедиціи всѣ подарки, которые закупилъ онъ на данныя ему начальствомъ его деньги. Баронъ Врангель сообщилъ, что на шкоутѣ закаспійскаго товарищества, слѣдующемъ сюда съ Ашура, онъ везетъ разные товары, сообразно съ потребностями здѣшнихъ кочевниковъ. Онъ думаетъ устроить изъ нихъ складъ на Челекенѣ и поторговать тамъ, а съ экспедиціей обѣщалъ снарядить небольшой караванъ, отправивъ съ нимъ одного прикащика, очень толковаго и знающаго языкъ Туркменъ. Теперь же доставилъ 80 мѣшковъ разнаго сорта пшеницы и рису, которые были привезены на шхунѣ товарищества Ласточка, пришедшей вслѣдъ за паровой шхуной Туркменинъ.

Баронъ Врангель слышалъ отъ разныхъ Туркменъ преувеличенные по азіатски слухи о несмѣтныхъ войскахъ, идущихъ съ нами, съ цѣлью возведенія здѣсь крѣпости. Онъ слышалъ также, что Тоганъ-Казы находится теперь въ Балханахъ. По слухамъ онъ имѣетъ вліяніе на Туркменъ только съ религіозной стороны, какъ духовное лицо. Такимъ образомъ нѣтъ здѣсь никакого сосредоточенія власти. Всякій аулъ завѣдывается отдѣльно. Званіе же хана не доказываетъ личнаго значенія. Рѣдко когда служитъ оно признакомъ почетнаго происхожденія, а большею частію присвоивается произвольно людьми зажиточными.

31-го. Въ 12 часовъ дня пришелъ отрядъ подпоручика Алексѣева. Путь совершилъ онъ совершенно благополучно, хотя и подвергался большимъ трудностямъ. Нужно было безпрестанно очищать колодцы, совершенно засоренные, такъ что не доставало иногда на очистку 3 — 4-хъ часовъ тяжелаго труда нѣсколькихъ человѣкъ. На всемъ пути онъ встрѣтилъ не болѣе ста кибитокъ бѣдныхъ

Туркменъ, преимущественно Огурджалинцевъ. Всѣ топографическія работы шли дѣятельно.

Ханъ-Мамбетъ, по отзыву подпоручика Алексѣева, велъ себя прекрасно, стараясь всячески услужить и быть полезнымъ.

Гг. Алексѣевъ, Галкинъ и Старковъ всходили сегодня на Кызляръ-Тагга. Оттуда видна была вся Красноводская коса и открылись ближайшія окрестныя мѣста, почти совершенно голыя и песчаныя. Кочевокъ не видали.

Никакихъ вѣстей съ Челекеня не получено. Ожидаемые ханы не пріѣхали.

1-го іюня. Въ 6-мъ часу по полудни чины экспедиціи, за исключеніемъ командира казачьей полусотни, сотника Мартынова, и медика, оставленнаго здѣсь при 4-хъ больныхъ лихорадкой нижнихъ чинахъ, отправились къ Красноводской косѣ, въ сопровожденіи барона Врангеля, выразившаго желаніе ознакомиться съ мѣстностью. Конвоемъ служили 60 нижнихъ чиновъ при двухъ офицерахъ и двухъ унтеръ-офицерахъ. Провіантъ на недѣлю, вмѣстѣ съ юламейками и другими тяжестями, подняты были на 16-ти верблюдахъ. Лошадей взято 22. Остальное число конвоя съ верблюдами и лошадьми оставлено на прежнемъ мѣстѣ, у подножья горъ Кува-Дагскихъ. Пароходу приказано отправиться завтра къ Красноводской косѣ и взять съ собою съ баржи прапорщика Абрамова, для примѣровъ въ бухтѣ на оконечности косы. Отъ Красноводской косы пароходъ доставитъ экспедицію на островъ Челекень и оттуда обратно къ означеннымъ горамъ. Баржа оставлена на мѣстѣ.

Пройдя лежащій отъ нашего лагеря въ лѣво туркменскій аулъ и обогнувъ гору Кызляръ-Тахта, мы пошли по долинѣ совершенно голой, мѣстами лишь покрытой тощею ковылью и оржанникомъ.

Поровнявшись съ Кува-Дагскими горами, мы должны были идти съ часъ по каменистой тропинкѣ пробитой по косогору, что̀ было особенно тяжело для верблюдовъ. Горы здѣсь другой уже формаціи — изъ песку съ небольшой примѣсью глины. Къ солнечному закату мы оставили Кува-Дагскій хребетъ за собой и продолжали путь открытою степью. Вскорѣ подошли къ Колодцу Сегры-

шемъ, лежащему на западной сторонѣ косы на песчаномъ берегу у самаго моря. Вода въ колодцѣ соленая. Колодезь, въ видѣ трубы, выложенъ камнемъ. Здѣсь устраиваютъ колодцы обыкновенно плѣнные Персіяне. Туркмены не умѣютъ вырывать глубокихъ колодцевъ и выкладывать ихъ камнемъ. Не подалеку отъ этого колодца, на возвышенномъ берегу, разбили лагерь. Сдѣлали 16 верстъ. Саженяхъ въ 50 отъ насъ расположенъ аулъ Нефесъ-Махтума изъ 7-ми кибитокъ; на столько же сѣверо-западнѣе отъ него, ближе къ морю, виденъ другой довольно большой аулъ. Жители, занимаются рыболовствомъ. Изъ скота видѣли всего нѣсколько козъ.

2-го іюня. Въ $6^1/_2$ часовъ по полуночи пошли въ дальнѣйшій путь, съ производствомъ съемки. Дорога шла пустынею, совершенно голою, песчанною, съ значительною примѣсью ракушника. Часа черезъ два, пройдя верстъ 6—7, начальникъ экспедиціи и гг. Берновъ, Врангель, Галкинъ и Ильминскій, взяли въ лѣво отъ пути отряда, по направленію къ морю, чтобъ осмотрѣть остатки укрѣпленія, лежащаго въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ залива въ видѣ неправильнаго четвероугольника, обведеннаго неглубокимъ рвомъ и землянымъ валомъ. Посреди укрѣпленія разбросано нѣсколько камней, 2 изъ нихъ въ $1^1/_2$ аршина въ квадратѣ и въ $^3/_4$ вышиною положены одинъ на другой; это остатки каменнаго креста, который, вѣроятно, былъ поставленъ на тутъ же находящемся пьедесталѣ. Верхній камень его имѣетъ четвероугольное углубленіе. На одной сторонѣ высѣчено очень четко: Катани, а на другой сторонѣ по татарски: Мулла-Ягнь Мять (Мухаммедъ). На отдѣльныхъ же, плоскихъ камняхъ, испещренныхъ надписями, можно было разобрать только слѣдующее: на одномъ «въ 18 году» и на другомъ сверху «рмол» и пониже «М'р». Судя по имени гр. Катани, артиллерійскаго офицера, бывшаго при Н. Н. Муравьевѣ въ экспедицію 1821, и другимъ сохранившимся отъ времени надписямъ, — мѣсто это служило Муравьеву складочнымъ пунктомъ. Кормъ около укрѣпленія хорошъ, но колодцевъ по близости нѣтъ. Отсюда выѣхавъ снова на верблюжій слѣдъ отряда, мы поднялись на небольшія возвышенія, или вѣрнѣе песчаные холмы, называемые Кара-Баба. Тутъ не нашли мы ни одной кибитки, и на всемъ пройденномъ пространствѣ встрѣчали

изъ животныхъ только змѣй и ящерицъ. Не доѣзжая Кара-Баба, мы осматривали еще соленые пріиски, распространяющіеся саженъ на 60 въ окрестности. Соль самосадочная, на вкусъ негорькая. Вода почти не видна на поверхности: соленые кристаллы, пластами толщиною до 4$1/2$ вершковъ, покрываютъ мѣстность почти сплошь. Подъ этимъ слоемъ вода въ два вершка, а ниже ея грязь, смѣшанная съ солью. Пріиски эти принадлежатъ Менглыдурды-хану. На нихъ, по словамъ Нефеса, добывается ежегодно до 20 т. пуд. чистой соли, которая идетъ въ продажу. Кромѣ того мѣстные кочевники пользуются солью даромъ. Неподалеку отъ пріисковъ, по направленію къ югу, коса начинаетъ съуживаться и образуетъ перешеекъ въ 40 саж. шириною, называемый «Кески.» Пройдя Кески, мы встрѣтили двѣ туркменскія кибитки и нѣсколько данныхъ и арбузныхъ бахчей и наконецъ, въ верстахъ 8-ми отъ окончанія косы, поровнялись съ небольшой рощицей въ 30—40 жидовыхъ деревьевъ. Тощій ржаникъ, бахчи и эти деревья составляютъ единственную растительность косы.

На самой оконечности ея кочуютъ бѣдные Туркмены-Огурджалы, въ числѣ всего 3-хъ кибитокъ. У нихъ четыре косовыхъ лодки, на которыхъ занимаются они единственнымъ своимъ промысломъ, рыбной ловлей. Въ день вылавливаютъ они среднимъ числомъ до 40 рыбъ, по 10 на лодку. Кибитки эти расположены около колодца съ солоноватою водою.—Подошли къ этому колодцу въ 3-мъ часу по полудни, сдѣлавъ 25 верстъ, и расположились вблизи отъ него, саженяхъ 150 отъ бывшаго укрѣпленія князя Бековича. Слѣды его едва замѣтны. Ракуша все болѣе и болѣе къ окончанію косы застилающая почву, замела совсѣмъ бруствэръ и ровъ укрѣпленія, которое, вѣроятно, было не разъ заливаемо водою, что̀ можно заключить изъ того, что ракуша ровнымъ пластомъ покрываетъ вверхъ и внутренность укрѣпленіс. Кладбище же, равно какъ упоминавшіяся прежде два озера передъ укрѣпленіемъ, съ зловредными испареніями, болѣе не существуютъ. Отъ послѣднихъ осталось только довольно-топкая солнцоватая почва.

Въ продолженіе нашего слѣдованія и вплоть до вечера производились топографическія работы. Оконечность косы снята въ масштабѣ 100 саженъ. Также произведены промѣры бухты, образуемой

раздвоеніемъ косы. Входъ въ бухту съ моря; со стороны же Красноводскаго залива бухта прикрыта длинной отмелью. Вечеромъ, въ 9 часовъ, мы переѣхали на пароходъ, съ тѣмъ, чтобъ отправиться на слѣдующій день на Челекень. Насъ сопровождаютъ 40 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Остальные же 20 человѣкъ, подъ начальствомъ подпоручика Абрамова, имѣютъ выйдти завтра на разсвѣтѣ въ обратный путь, къ колодцамъ Балкую, для прикрытія верблюдовъ и лошадей. Передъ отправленіемъ на пароходъ выдано Нефесу за его усердіе 10 руб. 50 коп. сер. мелкой монеты, сколько пошло въ табакерку, и еще кинжалъ. Также сыну его 3 рубля; а мѣстнымъ Туркменамъ разныя мелкія вещи. Нефесъ былъ совершенно счастливъ и просилъ позволенія сопровождать экспедицію далѣе. Его прельстилъ особенно кинжалъ. Туркмены здѣшніе любятъ вообще оружіе. Сопровождающіе насъ, всѣ, безъ исключенія, спрашивали барона Врангеля, будутъ ли у него продажныя ружья и другое оружіе, говоря, что оно имъ совершенно необходимо для обороны отъ Текинцевъ. Здѣсь на косѣ, также какъ и Балкую, нашелся одинъ Туркменинъ — Аксакалъ, съ удовольствіемъ вспоминавшій о Муравьевѣ. Замѣчательно, что Туркмены, видѣвшіе самого Муравьева, или слышавшіе о немъ отъ своихъ отцевъ, называютъ его всѣ полнымъ именемъ «Николаемъ Николаевичемъ». На нашемъ пути, по косѣ, мы встрѣтили только 12 кибитокъ; но ихъ здѣсь насчитывается до 59. Остальныя располагаются преимущественно у начала косы, ближе къ урочищу Тарта.

3-го — на разсвѣтѣ снялись съ якоря. Въ часу 11 по полуночи, вошли въ сѣверо-восточную бухту острова Челекеня и встали на якорь, саженяхъ въ 150 отъ берега, на глубинѣ 2½ саженъ. Подъѣзжая къ сѣверной косѣ Челекеня, мы замѣтили двѣ косовыя лодки, шедшія по направленію къ Красноводскому заливу съ невыгоднымъ вѣтромъ. Въ предположеніи, что они везли съ Челекеня старшинъ, мы дали о себѣ знать пушечнымъ выстрѣломъ. Лодки поставили паруса и поѣхали за нами, а когда мы отдали якорь, пристали къ пароходу. Лодки эти дѣйствительно шли въ Красноводскій заливъ. На нихъ пріѣхали: Берды-ханъ, Курбанъ-ханъ, Менглыдурды-ханъ, и съ ними еще нѣсколько лицъ.

Имъ было говорено о приготовленіи верблюдовъ для осмотра острова. Они обѣщали, и начальникъ экспедиціи послалъ еще отъ себя на берегъ къ Ана-Хасану Измаила Герасимова, одаривъ его предварительно.

Изъ частнаго разговора пріѣхавшихъ, можно было заключить, что на Челекенѣ существуютъ двѣ партіи: одна имѣя во главѣ прямыхъ наслѣдниковъ Кіата, къ намъ расположенная, другая же— смотритъ на наши дѣйствія недовѣрчиво. Пріѣхавшіе принадлежатъ къ этой послѣдней категоріи.

4-го іюня. На разсвѣтѣ были посланы на шестеркѣ на берегъ подпоручикъ Алексѣевъ съ топографомъ Новиковымъ и 6-ью— нижними чинами для снятія сѣверной косы острова. Маметъ-Сафа, Ишанъ и Нефесъ-Махтумъ сопровождали ихъ. Лишь только пристала шестерка къ берегу, разказываетъ Алексѣевъ — Нефесъ бросился бѣжать. На вопросъ Алексѣева, что значитъ его поспѣшность, Маметъ-Сафа отвѣчалъ: «вѣдь онъ долженъ же заслужить данные ему подарки, побѣжалъ въ аулъ за верблюдами». Вскорѣ дѣйствительно пригналъ Нефесъ четырехъ верблюдовъ. За Нефесомъ вышли къ Алексѣеву изъ аула всѣ выбывшіе у насъ вчера и еще Кучакъ-ханъ, Гельды-ханъ и старшины огурджалинскіе Анлъ-ханъ, Шеребъ, Авазъ-Хивочи, Ніязъ-Маметъ и Ана-ханъ.

Всѣ они объявили, что нужное намъ число верблюдовъ, для слѣдованія по острову, будетъ приготовлено къ завтрашнему утру. Спрашивали, не будетъ ли еще какихъ приказаній и притомъ изъявили желаніе ѣхать на пароходъ. Алексѣевъ исполнилъ ихъ просьбу и привезъ всѣхъ на пароходъ. Новиковъ же съ нижними чинами и взятыми для него четырьмя верблюдами оставленъ для съемки на берегу. Вслѣдъ за Туркменами пріѣхалъ съ южной стороны острова на большой косовой лодкѣ, подъ коммерческимъ флагомъ, Ана-Хасанъ-ханъ. У него довольно выразительное, хотя и не совсѣмъ пріятное лицо. Одѣтъ онъ былъ щегольски въ красномъ, суконномъ халатѣ, и вообще по платью его и нѣкоторыхъ другихъ хановъ, явившихся сегодня, можно судить о нѣкоторой степени ихъ довольства. Начальникъ экспедиціи принялъ Ана-Хасана, какъ внука Кіатова, постоянно усердствовавшаго Россіи, любезнѣе дру-

гихъ, посадилъ отдѣльно за свой столъ; прочіе же расположились поодоль и, по обыкновенію, на коврѣ. Ана-Хасанъ говоритъ немного по русски. Онъ объявилъ, что его двоюродный братъ Салихъ-ханъ закупилъ въ Гассанъ-Кули обѣщанныхъ для экспедиціи лошадей и уже выѣхалъ оттуда, но что противные вѣтры его задерживаютъ. Онъ показалъ письмо къ нему Салиха, въ которомъ послѣдній извѣщалъ о своемъ выѣздѣ съ лошадьми и совѣтовалъ Ана-Хасану явиться къ намъ. Затѣмъ за стаканомъ чая съ ромомъ (онъ самъ просилъ дать ему рома, но такъ, чтобы не видали того другіе Туркмены), Ана-Хасанъ распространялся объ усердіи къ Россіи всей его семьи, что дѣдъ его Кіатъ-ханъ служилъ Россіи 40 лѣтъ, отецъ — 25 лѣтъ, да и что самъ онъ служилъ уже 15 лѣтъ, говорилъ о поѣздкахъ этихъ лицъ въ Петербургъ и что одинъ изъ братьевъ его учился въ Россіи и умеръ тамъ на службѣ; обѣщалъ доставить непремѣнно завтра къ утру просимыхъ верблюдовъ, говорилъ, что желалъ бы сопровождать насъ на Балханы, но опасается мести за убійство имъ одного разбойника изъ тамошнихъ жителей, виновнаго, будто бы, противъ нашей астрабадской станціи. При частномъ объясненіи съ барономъ Врангелемъ, указывалъ на Балханскія горы, какъ самое удобное мѣсто для укрѣпленія. Въ заключеніе вызвался отправить письмо начальника экспедиціи къ Тоганъ-Казы, кочующему въ 10 форганахъ (70 верстъ) южнѣе Балхановъ, у колодцевъ Бугдайлы.

Послѣ часовой бесѣды, Ана-Хасанъ отправился на берегъ для распоряженій на счетъ верблюдовъ. На островѣ, по словамъ его, всего ихъ 40. Передъ отъѣздомъ онъ передалъ мѣшокъ свѣжихъ кореньевъ, въ родѣ моркови, называемыхъ «кусюкъ», снятыхъ съ Красноводской бахчи. Туркмены запекаютъ эти коренья въ золу *).

Лодка, на которой пріѣхалъ ханъ, принадлежитъ ему. У него ихъ нѣсколько. Дерево покупаютъ Туркмены въ Астрахани и въ Персіи, а строютъ лодки сами. Ласковый пріемъ, оказанный Ана-Хасану, возбудилъ въ другихъ зависть и подстрекнулъ въ желаніи услужить намъ. Вызывались нѣкоторые ѣхать съ нами на Бал-

*) На пароходѣ сдѣланъ былъ соусъ изъ этихъ корней, очень вкусный.

ханы, говоря, что достать верблюдовъ на островѣ и служить экспедиціи въ теченіи нѣсколькихъ дней не трудно, но что пусть пойдетъ Ана-Хасанъ въ горы и еще далѣе съ экспедиціей. Наконецъ Кучакъ-ханъ самъ предложилъ себя въ посыльные къ Тоганъ-Казы. Сопутствовать ему желали и другіе.

Сегодня утромъ прапорщикъ Абрамовъ сдѣлалъ промѣры занимаемой нами бухты. Вечеромъ пріѣхалъ снова Ана-Хасанъ-ханъ и объявилъ, что верблюды, въ числѣ 37, уже согнаны. Его въ этотъ разъ приняли наравнѣ съ другими. Было говорено о приготовленіи 100 верблюдовъ для поѣздки нашей въ Балханы. Кромѣ Кучакъ-хана, Ана-Хасанъ полагаетъ полезнымъ послать къ Тоганъ-Казы еще Гельды-хана, какъ родственника его.

Завтра мы переѣзжаемъ всѣ, за исключеніемъ г. Бернова, на берегъ. Пойдетъ также 12-ти-весельная лодка съ прапорщикомъ Абрамовымъ въ обходъ острова къ южной бухтѣ.

Въ 11 часу вечера возвратился съ Челекеня топографъ Новиковъ. Онъ произвелъ съемку сѣверной косы острова, которая простирается въ длину на 21 версту.

5-го іюня. Сегодня утромъ вышли на берегъ. Насъ встрѣтилъ Ана-Хасанъ-ханъ съ своими людьми. Хановъ же Кучака, Гельды и другихъ почетныхъ лицъ, бывшихъ у насъ вчера, при встрѣчѣ, не было.

Всѣ верблюды были уже на мѣстѣ и сверхъ того 3 лошади, единственныя, имѣющіяся на острову, 2 лошака и 1 мулъ.

По навьючкѣ верблюдовъ, выступили, въ 11 часовъ три партіи: двѣ съемочныхъ и третья, состоящая изъ начальника экспедиціи и гг. Врангеля, Галкина, Ильминскаго, Старкова и поручика Шлиттера, при 25 нижнихъ чинахъ. Съ этой партіей пошли Ана-Хасанъ, и нѣсколько изъ его людей, также Мамбетъ-Сафа и Нефесъ съ братомъ, огурджалинскимъ старшиной. Верблюдовъ было всего 34, считая съ вьючными, на остальныхъ ѣхали нижніе чины.

Съемочныя партіи направлены: первая — подпоручика Алексѣева, съ 8 нижними чинами, для прикрытія, и съ 9 верблюдами, вдоль восточнаго берега; а другая — топографа Новикова, съ 6 нижними чинами и 6 верблюдами, по западному берегу остро-

ва. Обѣ имѣютъ соединиться на южной сторонѣ съ лодкою Абрамова, выступающею сегодня же для производства промѣровъ въ южной бухтѣ. По соединеніи, Алексѣевъ отправится на лодкѣ для съемки берега, лежащаго противъ Челекеня, который трудно было бы снять впослѣдствіи съ сухого пути, по совершенному его безводію; а Новиковъ долженъ оттуда возвратиться серединою острова. Третья партія пошла западнымъ берегомъ на нефтяные колодцы. Путь лежалъ сыпучими песками, лишенными почти всякой растительности. Изрѣдка только попадались нѣкоторыя тощія травы, употребляемыя верблюдами. Сильные вѣтры, господствующіе на островѣ, перенося песокъ съ одного мѣста на другое, изрыли мѣстность и покрыли ее высокими барханами. Къ серединѣ острова наносные барханы эти принимаютъ форму болѣе правильную, песокъ становится замѣтно плотнѣе и разступается менѣе подъ ногами пѣшеходовъ, верблюдовъ и лошадей. Почва изъ песчаной переходитъ постепенно въ солонцоватую. Такимъ образомъ подъѣхали мы къ нефтяному гребню, называемому Чофракъ. Нефтяныя возвышенности, въ видѣ цѣпи горъ, идутъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Онѣ видны издали, и, приближаясь, мы замѣтили на верху и по склонамъ горъ довольно много людей, слѣдившихъ за караваномъ: то были работники, занимающіеся добычей нефти и нефтагиля. Центральные и самые обширные пріиски, тутъ лежащіе, называются «Мошадъ». Нефтяные колодцы находятся преимущественно въ углубленіяхъ, образовавшихся отъ выемки земли для добычи нефтагиля, который залегаетъ жилами; по истощеніи нефтагиля, обыкновенно показывается нефть. Мы осмотрѣли нѣкоторые изъ нефтяныхъ колодцевъ. Есть глубиною отъ 7 до 20 и болѣе ханскихъ аршинъ (1 арш. 6 вершк.). Даютъ нефть черную (густую и жидкую) и зеленоватую (бѣлую). Земля до того пропитана нефтью, что она просачивается сквозь нее. Всѣхъ колодцевъ насчитывается на островѣ до 250. Они считаются принадлежностью семейства Кіата. Работаютъ на нихъ 150 человѣкъ и въ томъ числѣ до 60 человѣкъ плѣнныхъ Персіянъ, которыхъ нельзя не отличить. Къ тому же одинъ изъ нихъ подходилъ къ барону Врангелю и сказалъ украдкой по-персидски, что его зовутъ «Али», что онъ родомъ изъ Астрабада и что ихъ на пріискахъ 60 человѣкъ; на всемъ же

островѣ и гораздо больше. Просилъ объ освобожденіи. Этотъ Али завѣдуетъ пріисками, въ родѣ прикащика и смотрителя за работами. Число всѣхъ плѣнныхъ Персіянъ на островѣ, какъ до того еще слышалъ баронъ Врангель, простирается до 400.

Въ долинѣ, около колодцевъ, намъ указали на двѣ краски: красную, называемую Кызылъ-буя и желтую, которая превращается, при варкѣ, въ черную, почему и называется Кара-буя. По признакамъ это нечистый купоросъ. Краски эти здѣсь не добываются, но ихъ, по отзывамъ Туркменъ, довольно много на островѣ. Они лежатъ гнѣздами подъ очень тонкимъ слоемъ песку, такъ что вѣтеръ, сметая послѣдній, обнаруживаетъ полосы то желтыя, то красныя. Взяли образцы для изслѣдованія. Нефтагиль и нефть идутъ въ продажу на вывозъ. Нефтагиль употребляютъ Туркмены на освѣщеніе. Съ мошадскихъ пріисковъ поѣхали въ лѣво къ нефтяному озеру—Карасителя (черный молошникъ). Вода въ немъ теплая, сѣрно-соленая, и нефть въ большомъ количествѣ выбрасывается на поверхность. Отъ озера, лежащаго на вершинѣ бугра, проведены канавы, для стока воды, съ невысокими запрудами изъ досокъ, недостающихъ до дна канавы. Вода проходитъ подъ доски, а нефть задерживается на поверхности воды запрудою и потомъ счерпывается. Вокругъ озера лежитъ до 10 колодцевъ, изъ которыхъ нефть достается кувшинами пополамъ съ водою. Пріиски эти, менѣе обширные, чѣмъ мошадскіе, принадлежатъ 5 огурджалинскимъ старшинамъ.

Оставивъ озеро, мы отправились по прямому направленію на югъ, къ южной бухтѣ острова, въ аулъ Ана-Хасана. Дорога шла сначала окраиною обширного топкаго солончака, а потомъ неизмѣнно песками, со скудною растительностью. Въ трехъ верстахъ отъ аула, останавливались у колодцевъ съ солоноватой водой. Они выложены внутри хворостомъ, смазаннымъ глиною, которую добываютъ на южной косѣ острова. Прѣсныхъ колодцевъ здѣсь всего два. Одинъ въ четырехъ верстахъ отъ аула Ана-Хасана къ сѣверо-западу, а другой—въ шести верстахъ отъ него къ востоку. Этихъ колодцевъ недостаточно, и потому, за хорошей прѣсной водой, ѣздятъ отсюда на Огурчинскій островъ. Для сбора дождевой воды устраиваютъ Чекеленцы на болѣе, конечно, твердой почвѣ, до-

вольно большіе резервуары, окруженные невысокимъ окопомъ изъ той же земли.

Къ солнечному закату мы пріѣхали въ аулъ Ана-Хасана, расположенный на небольшомъ возвышеніи отлогаго берега, омываемаго морскими волнами. При въѣздѣ, насъ встрѣтилъ какой-то старикъ, по лицу Персіянинъ, наигрывавшій на дудкѣ веселую пѣсню. Ему дали денегъ. Въ аулѣ 8 кибитокъ и деревянный анбаръ, въ который складывается покупной хлѣбъ. Кибитка, въ которой насъ принялъ Ана-Хасанъ, убрана куржумами (т. е. перекидными дорожными мѣшками) и коврами. Тутъ оказались кровать съ пуховикомъ и столъ. Около кровати было сложено нѣсколько ружей. Барановъ и козъ въ аулѣ мало; за то видѣли много куръ. Большую часть скота держатъ Челекенцы на Огурчинскомъ островѣ, гдѣ и колодцевъ прѣсныхъ больше и кормъ гораздо лучше.

Въ числѣ любопытныхъ, смотрѣвшихъ на насъ при въѣздѣ, мы замѣтили нѣсколько Персіянъ.

Дорогой Ана-Хасанъ, на разспросы г. Галкина, объяснилъ, что на Челекенѣ 300 кибитокъ огурджалинскихъ, 25 туркменскихъ, т. е. ямудскихъ (Ана-Хасанъ называетъ Туркменами только Ямудъ) и 15 игдырскихъ. У нихъ, у всѣхъ, на островѣ верблюдовъ до 100, лошадей всего 3, лошаковъ 10, а барановъ и козъ не болѣе 150. Жители занимаются, кромѣ добычи нефти и нефтагиля, еще рыболовствомъ и разработкою соли, добываемою изъ озеръ на сѣверо-восточномъ берегу острова. Рыболовныхъ лодокъ у нихъ 15. На этихъ лодкахъ они и ловятъ рыбу, и сплавляютъ ее на Ашуръ. За рыбой не ѣздятъ торговцы. Ловится бѣлуга, осетръ и севрюга. 1-я продается за штуку, смотря по размѣру отъ 6 и болѣе четвертей, отъ 1 руб. до 1½ руб. сер.; а осетры и севрюга, круглымъ счетомъ, по 30 коп. сер. за штуку. Лодки отправляются съ полнымъ грузомъ, половина ихъ подымаетъ до 500 и болѣе пудовъ, а остальныя до 200. Солепромышленность, также какъ и рыболовство, составляетъ общественное достояніе мѣстныхъ жителей. Пласты снимаемой соли доходятъ до 2 четвертей. Продается Низелинцамъ.

По словамъ Ана-Хасана, на островѣ есть и свои торговцы, занимающіеся скупомъ мѣстныхъ произведеній и продажей инопле-

меннымъ купцамъ. Къ такимъ торговцамъ принадлежатъ: Кучакъ-ханъ, Гельды и другіе Ямуды не изъ рода кіатова. Они скупаютъ нефть у Огурджалинцевъ, также соль и рыбу у разныхъ лицъ и перепродаютъ Персіянамъ.

Муллъ на островѣ нѣтъ. Былъ одинъ, но съ наступленіемъ глубокой старости переѣхалъ на житье къ Таганъ-Казы, чтобъ умереть при немъ. Впрочемъ, прибавилъ Ана-Хасанъ, всѣ учившіеся немного грамотѣ выдаютъ себя за муллъ.

Пока Ана-Хасанъ угощалъ насъ ужиномъ, въ восточномъ вкусѣ, въ своей кибиткѣ, отрядъ разбилъ лагерь неподалеку отъ аула.

Теткѣ Ана-Хасана, женѣ Кадыра, приходившей въ кибитку, начальникъ экспедиціи сдѣлалъ подарокъ; дѣтямъ раздавали мелкую монету, на которую сбѣгались они съ крикомъ.

Ана-Хасанъ сказывалъ барону Врангелю, что ожидаетъ съ нетерпѣніемъ полученія чина, который обѣщалъ ему начальникъ астрабадской морской станціи капитанъ Лихаревъ за убійство упомянутаго выше разбойника изъ Болханъ.

Въ 11 часовъ вечера мы перешли изъ аула въ лагерь.

6-го іюня. Утромъ въ 10 часу выступили изъ аула, слѣдуя южнымъ берегомъ острова. Черезъ 2 часа слѣдованія подошли къ южной бухтѣ, гдѣ нашли лодку Абрамова, стоявшей на якорѣ противъ обширнаго аула, лежащаго у прѣснаго колодца. Колодецъ этотъ не показывали Абрамову до нашего прихода, а мы нашли въ немъ немного мутную, но совершенно прѣсную воду. Она была вся вычерпана. Здѣсь въ аулѣ видѣли одного негра. Ихъ на островѣ нѣсколько человѣкъ. Условившись съ прапорщикомъ Абрамовымъ на счетъ дальнѣйшаго его пути, и взявъ образцы соли, отправились далѣе по прямому направленію на сѣверъ къ стоянкѣ парохода. Ѣхать въ сторону, для осмотра мѣсторожденія соли, Туркмены не совѣтовали, по случаю усилившагося вѣтра, при которомъ слѣдованіе здѣшними песками становится, по удостовѣренію ихъ, не только затруднительнымъ, но даже опаснымъ. Дѣйствительно здѣсь пески еще значительнѣе, чѣмъ на западной сторонѣ. Съ одного бархана приводилось подыматься на другой. Лошади тонули въ пескѣ по колѣна, а лошаки едва могли подвигаться впередъ.

Поровнявшись снова съ той солончаковой полосой, о которой

говорилось вчера, мы вступили въ долину съ твердою почвою. Тутъ замѣтили нѣсколько охровыхъ жилъ, осмотрѣли ихъ и взяли образцы. Тутъ же были найдены признаки глинистаго сланца и шифера. Здѣсь мы отдыхали съ 1/2 часа. Послѣ, вышли опять на песчаную дорогу. Къ счастью сильный дождь облегчилъ наше слѣдованіе. При приближеніи къ берегу начали встрѣчать нѣкоторую растительность, въ видѣ мелкихъ тальниковыхъ кустарниковъ; также встрѣчалось растеніе, въ родѣ оржаника.

Въ 6-мъ часу по полудни подъѣхали къ сѣверной бухтѣ. Съ парохода прислали шлюпку, и мы переѣхали немедленно на пароходъ. Отрядъ остался кочевать на берегу. При отъѣздѣ были приглашены, на слѣдующій день, на пароходъ Ана-Хасанъ, Кучакъ-ханъ и нѣкоторые другіе ямудскіе и огурджалинскіе старшины.

7-го іюня. Въ 1-мъ часу по полудни пріѣхали на пароходъ Ана-Хасанъ и всѣ другіе, согласно приглашенію.

Послѣ угощенія, имъ было объявлено о желаніи послать письмо и подарки къ Таганъ-Казы и о необходимости нанять еще 70 верблюдовъ. Эти верблюды могутъ быть наняты только въ Балханахъ, а при посылкѣ за ними имѣется еще въ виду разузнать о расположеніи умовъ тамошнихъ обитателей. Для этой собственно цѣли начальникъ экспедиціи полагаетъ послать туда, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ здѣшнихъ Туркменъ, Мамбетъ-Сафу Кулуева. Сношеніе же съ Тоганъ-Казы имѣетъ цѣлью показать вниманіе къ нему, какъ духовному лицу. Послѣ долгихъ разговоровъ, было рѣшено, что въ Балханы поѣдутъ Ямуды: Кучакъ, Гельды, Суфи, Берды и Алла-Бахшъ-ханы, а къ Таганъ-Казы - Ана-Хасанъ.

При этомъ были выданы деньги за верблюдовъ, поставленныхъ для осмотра острова, по 70 к. сер. за каждаго.

Также роздано нѣсколько подарковъ лицамъ, успѣвшимъ оказать услуги, а именно Ана-Хасану даны были: литографированный портретъ Государя Императора, съ объясненіемъ, что онъ жалуется за постоянное усердіе къ пользамъ Россіи семейства Кіатъ-хана, 2) свидѣтельство за услуги, 3) халатъ и 4) большой хорошій поднос. Менглыдурды-хану даны были халатъ и свидѣтельство.

Его ходатаю Огурджалинцу Мехметъ-Валію — свидѣтельство и нѣсколько мелкихъ вещей.

Другимъ служившимъ посыльными и вожаками тоже розданы кое-какія вещи и деньги.

Свидѣтельствами Туркмены особенно дорожатъ. Двое изъ Челекенцевъ предъявляли начальнику экспедиціи свидѣтельства, выданныя ихъ предкамъ еще графомъ Войновичемъ, въ 1781 году, и Муравьевымъ, въ 1821 году, и просили подтвердить ихъ подписью, что̀ и было исполнено.

Маметъ-Сафа предъявилъ, что на Челекенѣ находится одна Киргизка адаевскаго рода, перепроданная туда игдырскими Туркменами и что хозяинъ готовъ ее уступить.

Выданы Маметъ-Сафѣ 26 р. сер. на выкупъ Киргизки, если она пожелаетъ возвратиться въ нашу степь.

Маметъ-Сафа слышалъ также, въ бытность на островѣ, что съёмочнымъ партіямъ Скрябина и Рыбина можетъ предстоять опасность отъ столкновенія съ непріязненными скопищами Туркменъ.

Дѣлали свѣчу изъ нефтагиля. Свѣтильня горѣла прекрасно, и бѣлый нефтагиль не оплывалъ.

8-го іюня. Пріѣзжали откланяться Туркмены, ѣдущіе въ Балханы.

На случай встрѣчи ихъ съ Салихъ-ханомъ, который, по дошедшимъ сегодня слухамъ, направился отъ Серебряннаго бугра туда же сухимъ путемъ, приказано дѣйствовать съ нимъ согласно. Имъ были выданы порціонныя деньги, по 30 коп. сер. каждому въ сутки, расчитавъ примѣрно на недѣлю.

Вечеромъ они отправились съ Маметъ-Сафой на лодкѣ, по прямому направленію къ полуострову Дарджѣ.

Послѣ ихъ отъѣзда пріѣхалъ съ острова ханъ-Маметъ-Ишанъ, котораго отправилъ сюда Алексѣевъ съ извѣстіемъ о благополучномъ своемъ слѣдованіи и переходѣ на лодку прапорщика Абрамова, для дальнѣйшихъ работъ.

9-го іюня. Въ полдень возвратилась лодка прапорщика Абрамова съ подпоручикомъ Алексѣевымъ, который, по окончаніи съемки острова, успѣлъ опредѣлить нѣсколько островов, лежащихъ

между берегомъ и островомъ Челекенемъ. Алексѣевъ предъявилъ, что въ одномъ изъ ауловъ видѣлъ многихъ Персіянъ, собранныхъ въ двѣ кибитки, которыя охранялись съ вооруженными людьми; въ другихъ же мѣстахъ, многіе изъ плѣнныхъ успѣли объяснить ему и Ишану, что ихъ съ женами до 500 на островѣ и что они желали бы бѣжать, но боятся не столько преслѣдованія, сколько пріѣзда на Ашуръ-Аде, откуда нѣкоторыхъ изъ бѣжавшихъ до того возвращали будто-бы обратно. Подпоручикъ Алексѣевъ видѣлъ самъ 8-хъ изъ нихъ, только что привезенныхъ съ Ашура на туркменской лодкѣ. Они были связаны. Туркмены обходятся съ ними жестоко и едва кормятъ. Торгомъ здѣсь плѣнными Персами — слышалъ Алексѣевъ — занимаются преимущественно Кучакъ-ханъ съ братьями. Они покупаютъ плѣнныхъ на Атрекѣ. Вслѣдъ за Алексѣевымъ прибылъ съ острова и топографъ Новиковъ, по окончаніи всѣхъ работъ.

Передъ вечеромъ прибылъ на пароходъ Ана-Хасанъ и привезъ заказанные ему 45 пудъ нефтяной земли для изслѣдованія ея при обжиганіи кирпичей и извести. Платы за это онъ не взялъ и не хотѣлъ опредѣлить стоимость. Отправили вечеромъ съ Ана-хасаномъ письмо и подарокъ къ Таганъ-Казы. Подарки заключаются изъ 3-хъ серебряныхъ вещей, бархата на халатъ, штофной женской рубашки и мелкихъ вещицъ.

Въ письмѣ сообщалось ему цѣль прибытія экспедиціи и выгоды прочныхъ торговыхъ сношеній Туркменъ съ Русскими; при чемъ Таганъ-Казы, какъ лицо вліятельное, приглашался къ оказанію содѣйствія.

10-го іюня. Въ 5-мъ часу утра пароходъ снялся съ якоря и пошелъ въ обратный путь въ Красноводскій заливъ. Въ 1-мъ часу по полудни пароходъ бросилъ якорь на прежнемъ мѣстѣ, около Баржы. Къ вечеру мы переѣхали всѣ, за исключеніемъ подполковника Бернова и барона Врангеля на берегъ. Лагерь разбили въ этотъ разъ правѣе аула Чарганга, куда, по указанію начальника экспедиціи, перешелъ, вслѣдъ за нашимъ отправленіемъ на Красноводскую косу, оставленный здѣсь отрядъ. Теперь мы расположились на берегу большой ровной долины, окруженной такъ называемыми Кува-Дагскими горами. Къ ней сходятся всѣ главныя

дороги: изъ Балхановъ, Хивы и отъ Карабугаза и сюда же выходитъ тропа отъ колодца Балкую.

Сегодня, подъ вечеръ, пришелъ пароходъ капитана Ивашинцева «Дербентъ».

11-го іюня. Капитанъ Ивашинцевъ, съѣхавъ на берегъ, сообщилъ, что пришелъ для астрономическихъ наблюденій и вмѣстѣ для командированія въ распоряженіе экспедиціи одного офицера, для прибрежныхъ промѣровъ и измѣренія высотъ, для чего и снабженъ онъ всѣми необходимыми инструментами. По дошедшимъ до капитана Ивашинцева свѣдѣніямъ, шхуна Персіянинъ должна придти на дняхъ. Между тѣмъ, по неимѣнію положительнаго въ этомъ ручательства, вслѣдствіе рапорта командира парохода Уралъ о совершенномъ истощеніи запаса каменнаго угля, достаточнаго только для одного рейса въ Баку, начальникъ экспедиціи далъ ему предписаніе отправиться туда немедленно за углемъ. Пароходъ снимется съ якоря завтра. На немъ возвратится въ Баку баронъ Врангель, котораго начальникъ экспедиціи просилъ прислать съ пароходомъ разныхъ товаровъ: нѣсколько кусковъ ситцу, обыкновенныхъ, дешевыхъ халатовъ и также стеклянныхъ вещей, особенно здѣсь цѣнимыхъ, всего примѣрно на 300 р. сер.

Посланъ нарочный Сафаръ-бай въ отряды Скрябина и Рыбина, которые, по данному имъ маршруту, должны были соединиться и идти по направленію къ колодцамъ Кукуртъ,—съ извѣщеніемъ о выступленіи къ нимъ послѣ завтра на встрѣчу.

Поручикъ Старковъ осматривалъ въ подробности окрестныя мѣста и нашелъ глину и известь.

12-го іюня. На разсвѣтѣ вышли изъ здѣшней бухты пароходъ Уралъ въ Баку и пароходъ Дербентъ въ Александровскій фортъ. Съ послѣднимъ послана почта къ коменданту форта для дальнѣйшаго отправленія оной въ Гурьевъ-городокъ.

Въ донесеніи, посланномъ съ почтой къ г. генералъ-губернатору съ изложеніемъ общаго хода дѣлъ, объяснялась, между прочимъ, необходимость имѣть бо̀льшее число подарковъ, чѣмъ было передано полковнику Дандевиль, передъ его отправленіемъ, такъ какъ, за неимѣніемъ вліятельнаго между ними лица, которое могло бы распоряжаться и облегчать сношенія, — приходится одаривать

всякаго. Подполковникъ Берновъ, передавъ въ распоряженіе экспедиціи значительные подарки на 1,000 р., оказалъ большое подспорье, но тѣмъ не менѣе оказывается надобность въ менѣе цѣнныхъ подаркахъ, которые и поручено барону Врангелю доставить изъ Баку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ особомъ донесеніи излагались причины, по которымъ Кувадагская долина признавалась удобнѣйшимъ мѣстомъ для устройства нашего заселенія, — согласно чему имѣютъ быть произведены на мѣстѣ подробныя съёмочныя и пробныя работы.

Эти послѣднія работы поручикъ Старковъ началъ сегодня же: обжигается известь привезенной съ Челекеня нефтяной землей, также дѣлаются кирпичи изъ здѣшней глины и начали рыть колодцы подъ горою Кызляръ-Тахта и еще въ самой долинѣ. Независимо отъ сего дѣлается съемка въ масштабѣ 250 саженъ. По окончаніи съемки, г. Старковъ имѣетъ показать геогностическія наблюденія, сдѣлать профиль окрестныхъ высотъ и составить предварительный проектъ укрѣпленія.

Вечеромъ дошелъ слухъ, что Нефесъ-Махтумъ и другіе выражаютъ неудовольствіе, что имъ не дарятъ револьверовъ и другаго оружія.

Зазнавшимся Туркменамъ сообщено черезъ Ишана, что они могутъ возвратиться въ свои аулы. Такимъ образомъ въ предстоящій походъ пойдетъ съ нами, не считая Ишана и караванъ-баша съ вожаками, одинъ только изъ здѣшнихъ жителей Челекенецъ Курбанъ-ханъ, братъ Кучака, молодой человѣкъ, очень щеголеватый, весьма приличный и услужливый.

Менглыдурды-ханъ также уѣхалъ въ свой аулъ, но только по собственной просьбѣ, прежде, чѣмъ было объявлено объясненное приказаніе Нефесу съ товарищами.

Менглыдурды-хану поручено доставить для экспедиціи, къ 20 числу сего мѣсяца, 30 барановъ, 1 кибитку и 15 турсуковъ.

Переданы подполковнику Бернову, для копировки, всѣ съемочныя работы, произведенныя по настоящее время, а г. Галкинъ сообщилъ ему, въ копіи, составленное имъ, въ прошломъ 1857 году, историческое обозрѣніе сношеній Россіи съ народомъ Туркменскимъ.

Сегодня солдаты отряда, ловя рыбу и раковъ, поймали нѣсколько сельдей. По словамъ мѣстныхъ жителей, они водятся здѣсь въ значительномъ количествѣ.

Изъ ягодъ, въ родѣ красной смородины, собранныхъ въ окрестныхъ горахъ, сварили варенье, очень пріятное на вкусъ.

13-го числа. Сегодня въ ночь аульные Туркмены — шейхи смутили воду въ колодцѣ Балкую. Они начали выражать стороной неудовольствіе на работы поручика Старкова.

Въ 6-мъ часу по полуночи всѣ чины экспедиціи, за исключеніемъ поручика Старкова, съ топографомъ Новиковымъ и 12-ю нижними чинами, оставленными при немъ для работъ, и подполковника Бернова, переѣхавшаго съ парохода на баржу, — отправились на колодцы Бурнакъ, на встрѣчу партіямъ, посланнымъ въ обходъ Карабугаза. Дорога вела сначала долиной, окаймленной Кува-Дагскими горами; потомъ поднялись на горы по узкой, извилистой дорогѣ, проложенной по каменьямъ. Подъемъ былъ тяжелъ для верблюдовъ, они взбирались медленно, ложились и отказывались идти впередъ. Тропа эта проложена Текинцами лѣтъ 10 тому назадъ, во время нападенія ихъ на здѣшнія мѣста. Затѣмъ пошелъ путь по возвышенному берегу, постоянно песками, по мѣстности почти ровной. Растительность здѣсь лучше. Почва покрыта кустарникомъ и аксяляу.

Въ 12-ть часовъ подошли къ колодцу Бурнакъ и встали лагеремъ; колодцевъ здѣсь 19 (*), всѣ обложены камнемъ, и при нихъ находятся высѣченыя изъ камня же корыта, для поила скота. Вода оказалась только въ 4 колодцахъ; она холодна, но горька на вкусъ; здѣсь кочевали первоначально многочисленные аулы Туркменъ. За часъ до прихода на мѣсто, нашъ караванъ-баши Мамбетъ-Бикеневъ, ѣхавшій впереди начальника экспедиціи, поворотилъ вдругъ назадъ и на всемъ скаку вручилъ ему пакетъ отъ поручика Скрябина и подпоручика Рыбина, привезенный посланнымъ отъ нихъ нарочнымъ. Поспѣшность Бикенева объясняется не столько же-

---

(*) Поручикъ Скрябинъ и Рыбинъ, на пути вокругъ Карабугаза, находили по 40—50 колодцевъ на одномъ мѣстѣ.

ланіемъ услужить, сколько принятымъ въ степи обыкновеніемъ давать суюнчи (подарокъ) первому, сообщившему добрую вѣсть. Скрябинъ и Рыбинъ писали, что они слѣдовали совершенно благополучно и на всемъ пути не встрѣтили ни одного человѣка.

У колодца Янги-су они соединились, 8-го іюня, но непредвидя никакой опасности, по отсутствію всякаго населенія, снова, 11-го іюня, раздѣлились: Скрябинъ пошелъ на колодцы Касынъ, куда долженъ прибыть 3-го іюня, а Рыбинъ пошелъ на Кукуртъ Сюльмень и Сююджи-Кабиль по пути на Балкую, предполагая придти туда къ 16 числу.

Вскорѣ, по прибытіи на Бурнакъ, посланъ былъ къ поручику Скрябину на Касынь посыльный Умрузакъ, съ приказаніемъ идти на Суюджи-Кабилъ, куда завтра предположено было идти на соединеніе, но въ 4 часа, пока мы обѣдали, совершенно неожиданно, ранѣе однимъ днемъ, пришла партія подпоручика Рыбина. Вмѣсто одного онъ сдѣлалъ сегодня два перехода. У подпоручика Рыбина, за все время похода, было много больныхъ поносомъ, такъ какъ прѣсныхъ колодцевъ на пути, имъ пройденномъ, было всего 2, и прѣсную воду, взятую въ Кендерлинскомъ заливѣ, онъ долженъ былъ разбавлять соленою, чтобъ не остаться безъ воды. Больные получали помощь отъ фельдшера Гурьянова, бывшаго въ партіи Рыбина. Лихорадкой былъ боленъ всего одинъ человѣкъ.

На берегу Карабугаза подпоручикомъ Рыбинымъ найдены 11 верблюдовъ; они переданы въ партію поручика Скрябина.

Подъ вечеръ выступилъ отсюда подпоручикъ Алексѣевъ, съ 6 казаками, для снятія пространства, оставшагося не снятымъ на южномъ берегу Карабугаза, между его съемкою, по берегу моря, и съемкою подпоручика Рыбина.

Послѣдній передалъ образцы горючей сѣры, найденной у колодцевъ Кукуртъ (сѣра) и мѣднаго колчедана, взятаго въ окрестностяхъ сосѣдняго колодца Янги-Су. Между нечистою сѣрою, смѣшанною съ кварцемъ, и пескомъ, попадались самородки.

14-го іюня. Посланъ на Болкую, для совмѣстныхъ тамъ работъ съ Новиковымъ, топографъ Китаевъ, подъ прикрытіемъ 5 казаковъ.

Найденъ здѣсь дикій чеснокъ. Солдаты начали употреблять его въ щахъ и кашѣ.

Жаръ доходитъ до 35° реомюра на солнцѣ.

15-го іюня. По случаю прибытія партіи подпоручика Рыбина, посланъ былъ съ разсвѣтомъ на колодцы Суюджи-Кабиль нарочный Болгара, съ приказаніемъ Скрябину идти на Бурнакъ; посыльному приказано дожидаться тамъ до вечера 16-го числа и, если поручикъ Скрябинъ не придетъ, вернуться на Бурнакъ. Жару было до 37° на солнцѣ.

Вечеромъ были слышны пушечные выстрѣлы со стороны Балкую.

Найденъ, въ верстѣ отсюда, въ сыпучихъ пескахъ колодезь съ совершенно прѣсной водой.

16-го іюня. Въ 4-мъ часу по полудни вернулся съ Касына посыльный Умрузакъ. Онъ не нашелъ тамъ поручика Скрябина и поѣхалъ на колодезъ Сюйли; по пути видѣлъ какой-то слѣдъ, поѣхалъ было по нему, но долженъ былъ возвратиться, потому что слѣдъ началъ теряться, его заметало пескомъ; главное же, начала томить его жажда, почему онъ и вернулся на колодезь Касынъ, гдѣ, доставая воду, оборвалъ веревку, и долженъ былъ направиться обратно на Бурнакъ.

Въ 8 часовъ вернулся подпоручикъ Алексѣевъ, исполнившій порученіе совершенно благополучно. На пути онъ также не встрѣтилъ никого изъ Туркменъ. Съ нимъ съѣхался у самой нашей кочевки другой нарочный, посыльный къ Скрябину на Суюджи-Кабилъ — Болгара, который, въ свою очередь, не сошелся съ нимъ.

Немедленно посланъ на Касынъ еще посыльный къ Скрябину, Машадъ, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ, если найдетъ Скрябина, проѣхалъ на Аджигиръ, а если и тамъ не встрѣтится, то искалъ бы слѣдъ его отъ Сюйли. Въ случаѣ встрѣчи съ Скрябинымъ на Касынѣ, Машадъ обязанъ не медля вернуться съ отвѣтомъ, что должно быть въ ночь завтрашняго числа; иначе же обязывается идти при отрядѣ Скрябина и вести его на Балкую.

Больныхъ въ отрядѣ 5 человѣкъ: двое признаками цынги и трое лихорадкой.

17-го. Въ 8 часу утра, пріѣхалъ черезъ Балкую, посланный

туда нарочный отъ Скрябина, Уразъ-Ніязъ-Латыфовъ. Скрябинъ писалъ, что 13-го числа ночевалъ у Балханскаго залива. Колодцевъ не нашелъ, такъ что отрядъ былъ безъ воды. Колодцы Касынъ остались въ сторонѣ. Вожакъ не указалъ на нихъ. 14-го онъ перешелъ къ колодцу Булюкъ, съ соленой, горькой водой, откуда, на слѣдующій день, и послалъ Латыфова. Здѣсь онъ остановился въ предположеніи, что главный отрядъ соединится съ нимъ тутъ, по дорогѣ въ Балханы. Эти колодцы лежатъ отъ касынскихъ верстахъ въ 20-ти. Въ 15-ти верстахъ отъ Булюкъ, ближе къ Болханамъ. находятся колодцы Кучакъ, съ хорошей водой. Скрябинъ послалъ было туда людей съ боченками, чтобъ налиться водою, но посланные, увидавъ, не доѣзжая колодцевъ, обширные аулы и встрѣтивъ многочисленныя стада верблюдовъ и барановъ, не рѣшились ѣхать далѣе и вернулись. Одни только эти аулы и видѣлъ отрядъ Скрябина на всемъ своемъ пути. Верблюды отряда — писалъ Скрябинъ, почти всѣ обезножили отъ переходовъ по каменистому грунту. Кормà на пути были плохіе и на колодцѣ Булюкъ нашли только камышъ въ небольшомъ количествѣ. Большею частью встрѣчали одинъ саксаулъ. Изъ верблюдовъ палъ одинъ. Люди здоровы и заболѣвали только легкими поносами.

На колодцѣ Туаръ, верстахъ въ 20 отъ Кара-Бугаза. по эту сторону, найденъ поручикомъ Скрябинымъ каменный уголь; по ту же сторону залива онъ видѣлъ признаки сѣры и хорошей соли. О количествѣ соли въ карабугазской водѣ, можно судить по тому, что при купаніи въ заливѣ. соль осаждается на тѣлѣ. Она горька на вкусъ.

Вмѣстѣ съ донесеніемъ поручика Скрябина, получено извѣщеніе отъ поручика Старкова о приходѣ шхуны Персіянинъ, взявшій въ Александровскомъ фортѣ оставленный тамъ провіантъ и почту.

Немедленно приказано сняться и идти обратно на Балкую. Начальникъ экспедиціи, гг. Алексѣевъ, Галкинъ, Ильминскій и Рыбинъ, съ 8 казаками, поѣхали впередъ и были на Балкую къ 12 часамъ дня. Отрядъ же съ тяжестями пришелъ въ 6 часу пополудни. Чтобъ избѣжать спуска по горной дорогѣ, отрядъ обошелъ Кува-Дагскія горы на уроч. Каинъ-Ата и давалъ, на поло-

винѣ пути, привалъ. Въ почтѣ, доставленной командиромъ шхуны капитанъ-лейтенантомъ Рогаль-Левицкимъ, заключалось между прочимъ увѣдомленіе к. А. Машина о присылкѣ шхуны, съ предоставленіемъ на выборъ оставить шхуну или пароходъ Уралъ и о приказаніи, данномъ начальнику астрабадской станціи, объ отправленіи въ распоряженіе экспедиціи парохода Волга, или, за невозможностію, одной баржи. При этомъ адмиралъ Машинъ просилъ, въ случаѣ возможности, имѣть при экспедиціи меньшее число судовъ, отослать излишнія немедленно въ Астрахань, гдѣ оказывается въ нихъ настоятельная надобность.

По пріѣздѣ на Балкую, были также получены съ Челекеня письма отъ Ана-Хасана и Салихъ-хана. Послѣдній извѣщалъ о неудачныхъ стараніяхъ своихъ нанять верблюдовъ и лошадей для экспедиціи и о томъ еще, что атрекскіе и болханскіе кочевники не расположены, будто бы, въ нашу пользу и цѣлое войско, подъ начальствомъ Миришъ-бая и Хаджи-Ніязъ-муллы, идетъ съ Атрека, съ намѣреніемъ насъ ограбить. Предполагая, что мы находимся на Красноводской косѣ, Салихъ-ханъ совѣтывалъ выставить караулъ на перешейкѣ Кески.

Пріѣзжавшій сюда на дняхъ торговецъ изъ Гассанъ-Кули подтвердилъ эти слухи.

Свѣдѣній отъ хановъ, посланныхъ въ Балханы, для найма верблюдовъ, еще не получено.

Кромѣ отсутствія необходимаго числа верблюдовъ, для дальнѣйшаго похода берегомъ, оказался недостатокъ въ уксусѣ, спиртѣ, мукѣ, перцѣ, хрѣнѣ для цынготныхъ, также и въ другихъ вещахъ, какъ въ боченкахъ для воды, веревкахъ, подковахъ и проч., почему начальникъ экспедиціи и предположилъ отправить немедленно шхуну за этими припасами въ Александровскій фортъ.

При свиданіи съ командиромъ шхуны, было рѣшено, что послѣдняя, имѣя всего 1,500 пуд. угля, не можетъ сдѣлать съ этимъ количествомъ топлива 2 рейса въ фортѣ и обратно и должна, поэтому, дождаться прихода сюда парохода Уралъ, чтобъ взять съ него до 3,000 пуд. угля. Пароходъ, въ этомъ случаѣ, пойдетъ въ Астрахань черезъ Баку, чтобъ запастись тамъ топливомъ; а шхуна, сдѣлавъ рейсъ въ Александровскій фортъ, вернется въ Красновод-

скій заливъ тоже черезъ Баку, гдѣ, въ свою очередь, возьметъ уголь, нужный для слѣдованія къ Атреку. Пароходъ Уралъ еще не пришелъ. Жаръ доходилъ до 36° по Реом. въ тѣни. Больныхъ 10 человѣкъ, преимущественно поносомъ.

Въ продолженіи пребыванія нашего на Бурлакѣ, поручикъ Старковъ, оставленный здѣсь, составилъ генеральный планъ укрѣпленія, а топографъ Новиковъ снялъ Кува-Дагскую долину въ масштабѣ 250 саженъ. Здѣшняя глина, по опытамъ поручика Старкова, оказалась совершенно годною, для кирпичей; равнымъ образомъ оказалась хорошихъ качествъ и мѣстная известь.

18-го іюня. Парохода еще нѣтъ. Жаръ усилился 2-мя градусами. Вѣтру не было. Духота утомила всѣхъ. Число больныхъ не увеличилось.

19-го іюня. Въ полдень прибыла съемочная партія поручика Скрябина, совершивъ путь, берегомъ Балханскаго залива, совершенно благополучно.

Черезъ 3 часа послѣ того пришелъ пароходъ Уралъ. На немъ доставлены отъ барона Врангеля разныя вещи, какъ то стеклянные ковши, стаканы и пр., также шелковыя, парчевыя матеріи и ситцы разныхъ сортовъ, всего на 352 руб.

Дано предписаніе командиру парохода о сдачѣ имъ на шхуну всего угля, полученнаго въ Баку, за исключеніемъ необходимаго для обратнаго слѣдованія его въ Бакинскій рейдъ. Также предписано передать командиру шхуны 12-ти-весельную лодку, буксированную пароходомъ. Изъ Баку пароходъ имѣетъ отправиться, согласно требованію командующаго каспійскою флотиліею, въ Астрахань.

20-го іюня. Перегружался уголь съ парохода на шхуну.

Вечеромъ сданы на параходъ Уралъ 2 пакета — одинъ на имя начальника главнаго штаба кавказской арміи для сдачи въ Баку на почту, а другой — на имя контръ-адмирала Машина, для доставленія въ Астрахань. Въ 1-мъ сообщалось, что всѣ съемочныя работы, по приведеніи ихъ въ порядокъ, передаются подполковнику Бернову, для скопированія, равно сообщаются ему для снятія копій и всѣ свѣдѣнія статистическія и этнографическія, собираемыя о Туркменахъ. Во 2-мъ начальникъ экспедиціи увѣдомлялъ,

что по окончаніи береговой съемки Кара-Бугаза и при постепенномъ уменьшеніи продовольственныхъ запасовъ, не предвидится болѣе надобности въ баржѣ съ астрабадской станціи, что береговые промѣры производились, гдѣ предстояла въ нихъ надобность, прапорщикомъ Абрамовымъ, по его вызову, на шестеркѣ съ баржи № 4; при содѣйствіи топографовъ экспедиціи, опредѣлявшихъ углы промѣрныхъ линій,—и наконецъ, что Салихъ-ханъ до сего времени не только не оказалъ экспедиціи никакого содѣйствія, но и не пріѣхалъ еще сюда. Командиру шхуны Персіянинъ, также переданы два пакета: одинъ на имя коменданта Александровскаго форта, и другой почтовый, для отправленія изъ форта на Гурьевъ, въ Оренбургъ. Въ предписаніи коменданту поручалось отпустить, въ теченіи одного дня, разныхъ, какъ упомянутыхъ выше, такъ и другихъ принадлежностей по особому списку, сдать на шхуну одинъ 3-хъ фунт. единорогъ съ передкомъ, съ 50-ю зарядами (30 съ картечью и 20 съ гранатами), въ видахъ большей безопасности при слѣдованіи въ Балханы, и отправить одного кузнеца съ необходимыми инструментами. Для пріема означенныхъ предметовъ командированъ поручикъ Шлиттеръ.

Также посланы въ фортъ 4-ро больныхъ нижнихъ чиновъ, страдающихъ: 1 скорбутомъ, 2 лихорадкою съ желтухою и 1 изнурительнымъ поносомъ, которыхъ, по удостовѣренію медика, было бы опасно оставлять здѣсь. Ихъ поручалось коменданту замѣнить здоровыми чинами.

Въ почтовомъ пакетѣ было послано донесеніе г. генералъ-губернатору, въ которомъ между прочимъ писалось:

1) Если не удастся посланнымъ въ Балханы нанять верблюдовъ, то во всякомъ случаѣ предполагается идти туда, но только врядъ ли возможно будетъ пройдти оттуда прямо сухимъ путемъ на Атрекъ. Имѣющіеся нынѣ верблюды — не подымутъ мѣсячнаго запаса продовольствія; если же, по приходѣ на Балханы, и можно будетъ пріобрѣсти верблюдовъ, волею или неволею, то неизвѣстно удастся ли подвезти на нихъ со шкуны остальной запасъ черезъ безводный полуостровъ Дарджу, отъ того мѣста, гдѣ шхуна можетъ, по разспросамъ, подойдти довольно близко къ берегу. При этихъ затрудненіяхъ, останется возвратиться къ колодцу Балкую и

снять берегъ до Атрека, высаживаясь только въ удобныхъ мѣстахъ.

2) При слѣдованіи экспедиціи берегомъ, начальникъ астрабадской морской станціи могъ бы оказать содѣйствіе высылкою на встрѣчу небольшаго отряда, о чемъ и предполагается просить его, но, сколько извѣстно отъ флотскихъ офицеровъ шхуны и парохода, на станціи не имѣется въ настоящее время никакихъ къ тому средствъ.

3) Въ ожиданіи возвращенія шхуны предполагается изслѣдовать еще другое подъ заселеніе мѣсто, совершенно открытое, въ западномъ углу Красноводскаго залива. Если окажется тутъ, при рытіи колодцевъ, прѣсная вода, то и этотъ пунктъ можетъ быть хорошъ.

21-го іюня. Шхуна и пароходъ снялись сегодня утромъ съ якоря и вышли изъ бухты. Шхуна на разсвѣтѣ, а пароходъ часу въ восьмомъ.

Начата съемка пространства, предположеннаго подъ укрѣпленіе, въ масштабѣ 50 саж. въ дюймѣ.

Получено письмо отъ Маметъ-Сафы. Содержаніе его въ переводѣ слѣдующее:

«Послѣ разлуки съ вами, черезъ три дня, мы пришли къ Чорвамъ. Чорвы не могли дать единодушнаго отвѣта. Старшины находятся на Капланглы и Аджри; туда отправилъ я посыльнаго, до возвращенія котораго ничего рѣшительнаго сказать нельзя. Наняли его за 6 руб. сер. Ямуды хорошаго ничего не говорятъ, но поѣхавшіе со мной ханы сдѣлали имъ много полезныхъ внушеній. Человѣку, отправленному посыльнымъ, сроку дано 6 дней. Съ Гюргеня вернулись жнецы, но новостей нѣтъ никакихъ. Говорятъ, что Салихъ-ханъ не могъ взять верблюдовъ. Если здѣшній народъ соединится въ мысляхъ, то верблюды найдутся. По пріѣздѣ нашего посыльнаго, пошлемъ къ вамъ его, прежде нашего возвращенія. Еще слово: будьте осторожны, народу много, нельзя знать, что у нихъ на умѣ. Теперь насъ честятъ, никто не знаетъ, зачѣмъ идутъ Русскіе; боятся и только, больше сказать нечего.»

Больныхъ въ отрядѣ нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, имѣю-

щихъ понос, по удостовѣренію доктора, незлокачественный, а происходящій отъ употребленія перемѣнной воды. Жаръ поддерживается въ одинаковой степени.

22-го іюня. Начальникъ экспедиціи, гг. Алексѣевъ, Берновъ, Галкинъ, Ильминскій и Старковъ отправились въ 9-мъ часу утра на баржѣ, по направленію къ западному углу Красноводскаго залива. Сухимъ же путемъ выступили туда на разсвѣтѣ сотникъ Мартыновъ съ 40 казаками. По прибытіи его на Красноводскую косу, къ мысу Акъ-Джаръ, поручено ему очистить нѣсколько старыхъ копаней, находящихся на самомъ берегу моря.

Во 2-мъ часу по полудни баржа вошла въ небольшую бухту, образуемую между горой Кайпата и восточнымъ берегомъ косы, и встала на якорь, саженяхъ въ 200 отъ берега. Въ продолженіи всего пути, по отсутствію попутнаго вѣтра, она должна была лавировать. Съѣхали на берегъ на 12-ти-весельной лодкѣ. Лодка, по мелководью, также не могла подойти къ самому берегу. Прапорщикъ Марышевъ, оставленный капитаномъ Ивашинцевымъ, при экспедиціи, для производства промѣровъ, отправился на шестеркѣ въ бухту, но сѣверный вѣтеръ заставилъ его вернуться. Сотникъ Мартыновъ опередилъ баржу нѣсколькими часами. Подъ его наблюденіемъ, были уже вырыты нашими казаками и Туркменами отряда 3 колодца, но вода оказалась въ нихъ горько-соленая. Лошади пили только изъ одного, и то очень мало. Были вырыты еще два колодца, одинъ въ 250 шагахъ отъ старыхъ копаней въ глубинѣ косы, а другой — подъ каменистымъ берегомъ мыса Акъ-Джаръ, на глубинѣ сажени. Въ обоихъ показалась вода, горько-соленая.

Мысъ Акъ-Джаръ и ближайшія высоты состоятъ изъ песку, покрытаго кустарникомъ и порядочнымъ кормомъ для лошадей и верблюдовъ; у самаго берега, почва песчаная съ ракушей. Растетъ довольно много аксялау. Мѣсто это лежитъ отъ Балкую верстахъ въ 10-ти.

Около одного борхана, подъ кустами аксялау, найдена была куча деревянныхъ досчечекъ четвероугольныхъ, вершка въ 2 въ квадратѣ. Дерево это въ родѣ пальмы — называется Чымчатъ, вывозится изъ Персіи и идетъ на гребни. Осмотрѣвъ Акъ-Джаръ, возвратились къ вечеру на баржу.

Сотнику Мартынову дано приказаніе вернуться на Балкую тѣмъ же путемъ, завтра утромъ.

23-го іюня. Съ 5-ти часовъ утра, прапорщикъ Марышевъ началъ промѣръ бухты и кончилъ къ 10-ти часамъ. Бухта оказалась очень хорошею по глубинѣ и въ особенности къ сторонѣ ур. Кайпата.

Черезъ часъ, въ 11 часу по полудни, снялись съ якоря и пошли съ легкимъ попутнымъ вѣтромъ въ обратный путь. Во 2-мъ часу по полудни пристали къ Балкую.

Въ отрядѣ было все благополучно. Сотникъ Мартыновъ возвратился тогда же. Прибылъ посыльный отъ Ана-Хасана, съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ на Челекень Салихъ-хана и о намѣреніи его явиться завтра.

Также получено новое письмо отъ Маметъ-Сафы. Относительно найма верблюдовъ, въ немъ ничего положительнаго не сообщалось; мнѣнія Ямудовъ были раздѣлены.

Привезшій письмо, Тоганъ-Дурды-шейхъ, изъ Аджры, отстоящаго отъ Карадуреня (гдѣ находится Маметъ-Сафа), въ трехъ переходахъ влѣво отъ Балханъ, на разспросы объяснилъ, что засталъ у Маметъ-Сафы хановъ Кучака и Гельды, жившихъ въ кибиткѣ Миришъ-бая, въ аулѣ Муллагара. Упоминаемые въ письмѣ двое старшихъ суть: Ходжа-Ніязъ-мулла, изъ колѣна ямудскаго — Акъ, и Мамедъ-Анна, изъ колѣна же ямудскаго Машрикъ. Они живутъ въ Аджри, и пріѣхали на верблюдахъ; а другіе двое старшинъ, Уразъ-Мурадъ-Кюръ, изъ племени ямудскаго Кариджикъ, и Аманъ-Гельды-шейхъ обѣщались прибыть въ слѣдъ за ними на лошадяхъ, но и на другой день еще ихъ не было. Старшины ямудскіе дѣлаютъ добрыя внушенія, но множество людей дерзкими рѣчами стараются противодѣйствовать. До ожидаемаго пріѣзда Уразъ-Мурадъ-Кюра и Аманъ-Гельды-шейха нельзя знать, можно-ли будетъ достать верблюдовъ, или нѣтъ.

Въ окрестностяхъ Балхановъ насчитывается теперь около тысячи кибитокъ. Есть слухъ, что Кучакъ-ханъ, младшій братъ Черкесъ-хана, захваченнаго Русскими, по подозрѣнію въ грабежахъ, ушелъ на Атрекъ, съ намѣреніемъ собрать шайку для нападенія на нашъ отрядъ.

24-го іюня. Утромъ рано выступилъ подпоручикъ Алексѣевъ, подъ прикрытіемъ 30-ти казаковъ, для снятія пространства между колодцами Касынъ, Сюйли и Сюльмень, оставшагося не снятымъ между съемками поручика Скрябина и подпоручика Рыбина.

Во 2-мъ часу по полудни, пріѣхали ханы Салихъ и Ана-Хасанъ. Ихъ принялъ переводчикъ экспедиціи. Они разбили холщевую палатку въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нашего лагеря.

Ана-Хасанъ предъявилъ подлинное письмо къ нему отъ Таганъ-Казы, который извѣщалъ, что письмо начальника экспедиціи имъ получено, и что сына своего Яру-Муллу, ожидаемаго домой черезъ три дня, онъ немедленно пришлетъ. Письмо оканчивалось увѣреніями въ дружбѣ и преданности.

Кадыръ-ханъ, по словамъ означенныхъ сына и племянника его, тоже пріѣхалъ на Челекенъ и завтра будетъ сюда.

Начальникъ экспедиціи принялъ ихъ вечеромъ, въ 8 часу, во время стрѣльбы въ цѣль штуцерной команды. Стрѣляли на разстояніи 600 и 900 шаговъ весьма удачно: на первой дистанціи изъ 50 выстрѣловъ, попало въ мишень 28 пуль, а во второй изъ того же числа 17. Нѣкоторые Туркмены смотрѣли недовѣрчиво на стрѣльбу, имъ не вѣрилось, чтобы на такомъ разстояніи можно было попадать въ цѣль. Имъ показали избитую пулями мишень, и это произвело на нихъ желаемое впечатлѣніе.

Вечеромъ, когда смерклось, были пущены, для пробы, 3 боевыя ракеты и 7 сигнальныхъ, въ видѣ привѣтствія хановъ, по случаю ихъ пріѣзда. Пущенныя къ морю боевыя ракеты летѣли очень удачно, не смотря на сильный боковой вѣтеръ, двѣ изъ нихъ лопнули въ воздухѣ. Ханы выражали свое удивленіе, но вскользъ замѣтили, что непріязненныя туркменскіе шайки никогда не нападаютъ днемъ, а обыкновенно ночью, внезапно.

Передъ фейерверкомъ Салихъ-ханъ объяснилъ, но очень непослѣдовательно и какъ бы теряясь въ словахъ, что астраханскій военный губернаторъ, отпуская его изъ Астрахани, сказалъ, что онъ получитъ отъ начальника астрабадской станціи свѣдѣніе, сколько именно и когда понадобятся для экспедиціи верблюды и лошади, но что К. Л. Лихаревъ не далъ ему этихъ свѣдѣній; согласно

же слышанному отъ контръ-адмирала Машина, что понадобится примѣрно до 20 лошадей и 30 верблюдовъ, купилъ было 15 лошадей; но когда узналъ, что при экспедиціи есть и верблюды и лошади, то продалъ тогда же всѣхъ купленныхъ.

Начальникъ экспедиціи отвѣчалъ, что ему дѣйствительно не нужны лошади, а только одни верблюды, за которыми и поѣхали посланные въ Балханы. Если же не найдутъ они верблюдовъ, то онъ обойдется безъ нихъ и будетъ продолжать движеніе на Балханы и оттуда къ Атреку съ имѣющимися верблюдами. Пріобрѣсти же добавочныхъ верблюдовъ желалъ бы съ цѣлью слѣдовать скорѣе, навьючивая ихъ легче.

Затѣмъ на слова Салихъ-хана о желаніи благополучнаго и безопаснаго намъ слѣдованія въ Балханы, — отвѣчалъ, что и не ожидаетъ непріязненнаго противъ насъ дѣйствія со стороны Туркменъ, потому что самъ ничего противу нихъ не замышляетъ, обходится со всѣми дружно и награждаетъ всякаго соразмѣрно услугѣ; если же какіе нибудь неблагонамѣренные и вздумаютъ напасть, то, конечно, сами же будутъ въ томъ раскаиваться.

По пріѣздѣ вечеромъ съ баржи г. Бернова, Салихъ-ханъ передалъ ему письмо отъ К. Л. Лихарева, который извѣщалъ объ отправленіи сюда Кадыръ-хана, поручалъ его вниманію экспедиціи, обѣщалъ выѣхать на встрѣчу на пароходѣ къ Гасанъ-Кули и въ заключеніе просилъ содѣйствія экспедиціи къ выгрузкѣ захваченныхъ у него 7 матросовъ, о чемъ упоминалось выше. Изъ нихъ Туркмены возвратили покуда одного и хотѣли прислать еще двухъ.

25-го іюня. На разсвѣтѣ вышла отсюда баржа для производства новыхъ промѣровъ въ бухтѣ Кызылъ-Су на оконечности Красноводской косы. Подполковникъ Берновъ остался на баржѣ.

Салихъ и Ана-хасанъ-Ханы прислали утромъ нѣсколько дынь и родъ жидкой пастилы темно-коричневаго цвѣта, называемый нарау. Она дѣлается изъ гранатъ. Разведенная въ водѣ даетъ пріятный кислый напитокъ, который очень полезенъ въ болѣзни, существующей у Туркменъ на Атрекѣ и Гюргени и состоящей въ пученіи живота, на подобіе водяной. Дыни, привезенныя съ Атрека еще не поспѣли. Лучшіе дыни и арбузы родятся на Огуречниковомъ отсровѣ и на Красноводской косѣ; на Челекени имѣютъ они

солоноватый вкусъ. Гранаты же, разводимыя на островѣ, вкуса хорошаго. Вечеромъ ханы принесли еще дынь, сушеную рыбу и икру. Послѣдняя дурно приготовлена и невкусна. Она приготовляется на Атрекѣ, гдѣ ловится икряная рыба; здѣсь же и далѣе къ сѣверу попадается икряной рыбы мало.

Салихъ-ханъ интересовался участью своего брата Анъ-Мамета, воспитывавшагося въ Россіи и служащаго въ какомъ-то кавалерійскомъ полку. Онъ участвовалъ, будто бы въ послѣдней нашей войнѣ, о чемъ писалъ имъ съ небольшимъ годъ тому назадъ изъ Харькова. Въ Россіи были еще его братъ и братъ Ана-Хасана, но они, по слухамъ, умерли. Затѣмъ, за чаемъ съ ромомъ (онъ, какъ и Ана-Хасанъ, большой охотникъ до вина). Салихъ говорилъ, что онъ и отецъ его Кадыръ-ханъ желаютъ искренно, чтобы Русскіе укрѣпились на Красноводской косѣ и еще на Серебрянномъ бугрѣ. Послѣдній съ ближайшими окрестностями составляетъ, будто бы, неотъемлемую собственность Кадыръ-хана, и онъ намѣревался было предложить, черезъ кап. Лихарева, бугоръ этотъ Государю Императору, но, услышавъ отъ него, Салиха, о снаряженіи экспедиціи, пріостановился, съ цѣлью просить о принятіи подобнаго прошенія начальника экспедиціи. На бугрѣ, по словамъ Салиха, есть и хорошая вода, и порядочная растительность. Англичане домогались купить его, но имъ Кадыръ не довѣряетъ. Когда укрѣпятся здѣсь Русскіе, добавилъ Салихъ, то и Туркмены присмирѣютъ; теперь же, думаютъ они, что Русскіе идутъ только для того, чтобы ихъ ограбить и выжечь аулы. «Это все Салихъ — говорятъ они — былъ въ Астрахани и къ намъ войну тащилъ.»

На счетъ Серебрянаго бугра начальникъ экспедиціи отвѣчалъ, что если Кадыръ дѣйствительно предложитъ его, то объ этомъ будетъ донесено Государю Императору.

Салихъ и Ана-Хасанъ ужинали у насъ, и ихъ позвали еще завтра къ обѣду.

Вечеромъ получено было письмо отъ Маметъ-Сафы, съ обратнаго уже пути съ извѣстіемъ, что нанято 100 верблюдовъ и при нихъ ѣдетъ нѣсколько старшинъ.

26-го іюня. Въ 11-мъ часу утра пріѣхали Маметъ-Сафа и всѣ посланные вмѣстѣ съ нимъ въ Балханы. Они привезли съ собой

и балханскихъ старшинъ, къ которымъ на встрѣчу посланы были переводчикъ экспедиціи и Ишанъ съ верховыми лошадьми.

Начальникъ экспедиціи вышелъ къ пріѣхавшимъ старшинамъ на встрѣчу, и потомъ, когда всѣ размѣстились въ кибиткѣ, въ которую пришли и Салихъ и Ана-Хасанъ, — благодарилъ старшинъ за доставленіе верблюдовъ и на слова, что балханскіе жители боятся нашихъ войскъ, объяснилъ что у насъ войска мало и взято только для огражденія себя отъ тѣхъ непріязненныхъ Туркменъ, которые, не зная о нашихъ добрыхъ намѣреніяхъ, вздумаютъ напасть на насъ. Было угощеніе. Вечеромъ, по распросамъ Маметъ-Сафы, оказалось, что сначала Ямуды не хотѣли давать верблюдовъ, не смотря на увѣреніе въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ нашихъ. Особенное содѣйствіе оказалъ Уразъ-Мурадъ-Кюръ, старикъ очень вліятельный, который пошелъ къ намъ противъ желанія своихъ родственниковъ и далъ 10 верблюдовъ.

27-го іюня. Утромъ были одарены ѣздившіе въ Балханы ханы за оказанное усердіе по найму верблюдовъ: Кучакъ и Гельды халатами, а остальные сукномъ на халаты.

Они всѣ предъявили при этомъ, что данныхъ верблюдовъ Балханцы не рѣшаются отпустить на Атрекъ, и дали единственно для слѣдованія въ Балханы. Извѣстный Миришъ-бай, прибавили ханы, ожидается въ Балханы къ празднику байрамъ. Онъ очень богатъ, имѣетъ кочевья на Балханахъ и на Атрекѣ; «а богатые всѣ благонамѣренны», сказали они. Къ тому сынъ Мириша угощалъ ихъ въ кибиткѣ отца, почему и можно поручиться за послѣдующія дѣйствія Мириша. «Что было прежде, не знаемъ, а теперь будетъ хорошо.» Такъ убѣждали они въ возможности движенія на Атрекъ.

Затѣмъ начальникъ экспедиціи принималъ пріѣхавшихъ съ Балханъ старшинъ, Ямудовъ: 1) упомянутаго Уразъ-Мурадъ-Кюря, 2) Дуглы-хана (тесть Салихъ-хана), 3) Диванэ, 4) Нефесъ-Казака, 5) Нуръ-Мамета, 6) Ана-Клыча и 7) Куюнъ-мулла. Всѣ они очень пожилые, за исключеніемъ Ана-Клыча.

На привѣтъ говорили о неудобствахъ, встрѣченныхъ при наймѣ верблюдовъ, объясняя тѣмъ, что нѣтъ у Туркменъ одной сосредоточенной власти и что предстояло потому убѣждать каждаго по-

рознь. Высказывали также опасенія на счетъ нападенія на насъ Теке и Гоклановъ съ Гюргени и обѣщали въ этомъ случаѣ содѣйствіе свое силою и даже деньгами. «У насъ есть, сказалъ Дуглы-ханъ, и хорошіе люди и дурные (собаки); на первыхъ можно дѣйствовать золотомъ, а послѣднихъ нужно заставлять слушаться силою.»

Начальникъ экспедиціи выдалъ имъ, въ знакъ благодарности, первому халатъ, двумъ послѣдующимъ по сукну на халаты, а остальнымъ плису на шаровары, ситцу на рубашки и по кушаку. Когда были розданы эти подарки, Туркмены встали, сотворили молитву и потомъ, поблагодаривъ, разошлись.

Нефесъ-Козакъ, какъ оказалось послѣ, былъ недоволенъ данными ему подарками на томъ основаніи, что онъ родственникъ очень вліятельнаго въ Балханахъ Валибая и потому долженъ, будто, получить тоже, что получилъ бы самъ Валибай, еслибъ находился здѣсь, т. е. не болѣе, какъ сукно на халатъ.

Онъ отказался отъ своего подарка и хотѣлъ было увести своихъ 30 верблюдовъ; чтобъ не ссориться съ Туркменами въ самомъ началѣ сношеній, начальникъ экспедиціи выдалъ ему желанное сукно.

Послѣ обѣда явился ѣздившій съ письмомъ и подарками къ Таганъ-Казы, Ніязъ-Маметъ. Онъ сообщилъ, что Таганъ-Казы былъ очень доволенъ подарками и послалъ за своимъ сыномъ на Атрекъ. Ніязъ-Маметъ извѣстенъ, какъ отличный лоцманъ и взялся вести наши суда къ сѣвернымъ берегамъ Балханскаго залива, по мѣстамъ мало извѣстнымъ.

Сегодня дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, и жаръ спалъ съ 36° въ тѣни и до 17.

Ана-хасанъ поѣхалъ за Кадыръ-ханомъ на Челекень.

Салихъ-ханъ ужиналъ у насъ. Ему даны въ подарокъ большой серебряный стаканъ и для его невѣсты, сестры Кучакъ-хана, женскій рабочій, жестяной ящикъ.

Говоря о кочевьяхъ своихъ и другихъ хановъ на Атрекѣ и Челекени, онъ часто упоминалъ о плѣнныхъ, называя ихъ своими крестьянами.

Салихъ-ханъ опасается похода въ Балханы: трусить и за себя, (онъ вызывается идти при отрядѣ) и за насъ, какъ самъ говоритъ.

28-го іюня. Сегодня возвратились баржа и съемочная партія подпоручика Алексѣева.

По случаю байрама, выдано Туркменамъ, находящимся здѣсь, 10 барановъ заимобразно и еще въ подарокъ.

Балханскіе Туркмены начали прѣдъявлять разныя условія по найму данныхъ ими верблюдовъ. Поручено переводчику условиться окончательно на счетъ цѣны найма и платы верблюдовожатымъ. Съемка мѣста подъ укрѣпленіе, въ масштабѣ 50 с., кончена.

29-го іюня. Сдѣланъ уговоръ съ ямудскими старшинами въ наемъ верблюдовъ. Старшины согласились на предложенную имъ плату, каравань-башу, вожакамъ и верблюдовожатымъ, наконецъ они предложили посылать отъ себя конные караулы впередъ за 100 верстъ по приходѣ на Балханы, въ видахъ нашей защиты и въ предположеніи, что у насъ мало войска; при этомъ они спросили, какъ должны дѣйствовать эти караулы, прогонять шайки, или платить, чтобъ не нападали. Имъ объявлено, что они напрасно безпокоятся обо всемъ этомъ.

Цѣна за верблюда положена по 9 руб. сер. въ мѣсяцъ въ правомъ разсчета и отпуска ненужныхъ верблюдовъ по истеченіи 10 дней. На всѣхъ 102 верблюдовъ, опредѣлено имѣть 20 верблюдовожатыхъ, съ платою каждому по 3 руб. сер. въ мѣсяцъ.

Прапорщикъ Марышевъ, посредствомъ призмозеркальнаго круга, дѣлалъ опредѣленія высотъ прибрежныхъ Кувадагскихъ горъ, для составленія профилей къ проекту укрѣпленія.

30-го іюня шхуна еще не пришла. Г. Галкинъ распрашивалъ Салихъ-хана о Туркменахъ, наиболѣе извѣстныхъ хану, кочующихъ по Атреку и Гюргени.

Вечеромъ было пущено нѣсколько ракетъ, а нижніе чины отряда пѣли и играли въ чехарду и другія игры. Передъ тѣмъ стрѣляли въ цѣль изъ револьверовъ. Пистолеты эти и мѣткая стрѣльба изъ нихъ на дальнемъ разстояніи удивляли Туркменъ.

Салихъ-ханъ получилъ вечеромъ письмо отъ отца своего Кадыръ-хана съ Челекеня, съ просьбою, чтобъ онъ поспѣшилъ извѣстить, когда и гдѣ Кадыръ-хану удобнѣе явиться. Посланный отъ Кадыра разошелся съ лодкой Ана-хасана, ѣхавшаго за нимъ.

1-го іюля. Изъ Балханъ получено извѣстіе, слышанное отъ

одного торговца туркменскаго, возвратившагося изъ Хивы, что суда нашей Аральской флотиліи, подъ начальствомъ капитана Бутакова, вошли въ Аму-Дарью, бросили якоря у Кунграда и начали вводить въ него войска, въ числѣ 25 тысячь человѣкъ — такъ говорили въ Хивѣ.

Сегодня подулъ опять сѣверный вѣтеръ и сдѣлалась прохладнѣе, чѣмъ обыкновенно.

Изъ пріѣхавшихъ съ Балханъ, старикъ Уразъ-Муратъ-Кюръ началъ высказываться. Оказалось, что онъ знаетъ направленіе стараго русла Аму, по которому ѣздилъ въ Хиву. Въ самомъ руслѣ или по берегамъ его есть почти вездѣ на разстояніи переходовъ, отъ 15 — 30 верстъ, колодцы съ прѣсною водою. Всего встрѣчается только 4 солоноватыхъ колодца и 3 перехода, примѣрно вдвое большихъ, безъ воды. Уразъ-Муратъ полагаетъ, что при срытіи плотины у Куня-Ургенча вода непремѣнно пошла бы по прежнему руслу.

Кромѣ того онъ сообщилъ маршруты въ Хиву отъ Атрека и Гюргени.

Въ свою очередь, ханъ-Маметъ-Ишанъ сообщилъ г. Галкину родословіе Исеневцевъ и Ямудовъ и вызвался при томъ разузнать изъ подъ руки и другія еще нѣкоторыя свѣдѣнія, сообразно даннымъ ему Галкинымъ вопросамъ.

2 и 3-го іюля. Пріѣхалъ съ Челекеня Ана-Хасанъ. Кадыръ ѣдетъ за нимъ на другой лодкѣ.

4-го іюля. Ана-хасанъ слышалъ на Челекени, что шхуна Персіянинъ и пароходъ Уралъ, по выходѣ отсюда, стояли 2-е сутокъ у острова. Причина сего неизвѣстна; допустить же, чтобы суда попали на идущую отъ Челекеня далеко въ море отмель нельзя, потому что, по слухамъ, они не стояли на одномъ мѣстѣ, а передвигались,

4-го іюля. О шхунѣ нѣтъ никакихъ извѣстій.

Жаръ доходилъ сегодня до 36° въ тѣни.

5-го іюля. Вечеромъ пріѣхалъ Кадыръ-ханъ.

6-го іюля. Начальникъ экспедиціи принималъ утромъ Кадыръ-хана. Онъ былъ въ жалованномъ халатѣ изъ термаламы, съ золотой медалью на шеѣ и съ украшеннымъ каменьями кинжаломъ,

пожалованнымъ ему въ бытность Кадыра въ Петербургѣ, по окончаніи экспедиціи г. Карелина, которому онъ сопутствовалъ.

Кадыръ-ханъ также показалъ, что шхуна съ пароходами стояла у Челекеня. Онъ сказалъ еще, что оттуда пойдетъ на дняхъ въ Баку лодка одного торговца Армянина. Пользуясь этимъ, начальникъ экспедиціи отправилъ на Челекень, для передачи Армянину, пакетъ на имя начальника бакинской морской станціи. Начальникъ экспедиціи увѣдомлялъ о неприходѣ шхуны и о тѣхъ затрудненіяхъ, въ которыя поставлена вслѣдствіе того экспедиція, почему, для выигранія времени, просилъ о высылкѣ другаго паровaго судна.

7-го іюля. Кадыръ-ханъ повторилъ желаніе, выраженное его сыномъ, о представленіи въ распоряженіе Государя Императора родовой его земли, лежащей при устьѣ р. Гюргени, извѣстной подъ именемъ серебрянаго бугра (Гюмишъ-Тепе), съ окрестностями.

8-го іюля. Сегодня Кадыръ представилъ прошеніе на высочайшее имя, съ объясненіемъ вышесказаннаго желанія. Содержаніе прошенія слѣдующее:

«Великому Правосудному, имѣющему обширныя владѣнія, какъ Соломонъ, мудрому, какъ Лукманъ, побѣдоносному, какъ Искендеръ, щедрому, какъ Хатими-Тай, Царю Царей и Государю Государей, Великому Императору Александру Николаевичу, Царствованіе котораго Господь да сохранитъ на вѣки.»

«Туркменскаго хана Кыдыръ-мухаммедъ-хана Ніязова.»

«Всеусерднѣйшее прошеніе»

«Отецъ мой, покойный Кыятъ-ханъ, не щадя имущества и жизни, служилъ Россійскимъ Государямъ и всегда словомъ и дѣломъ училъ своихъ дѣтей служить имъ.»

«Съ тѣхъ поръ, мы дѣти Кыятъ-хана, служили послѣдовательно тремъ Государямъ. Они благосклонно принимали нашу службу и оказывали намъ правосудіе и милости.»

«Между тѣмъ наша страна, будучи безъ главы, съ каждымъ годомъ болѣе разстраивается. Туркмены не повинуются одному хану, — добрые люди, не находя опоры, не могутъ наслаждаться благами жизни, злые, не боясь никакого суда и расправы, дерзко дѣлаютъ набѣги, убиваютъ, грабятъ, берутъ въ плѣнъ, пресѣкаютъ

торговые пути: зло усилилось, добро подавлено. По случаю смятеній и междоусобій въ Хивѣ, прекратились и торговыя сношенія между Хивой и Туркменами.

Оплакивая такое положеніе, куда мы ни обратимъ взоры, нигдѣ не можемъ найдти врачеванія злу, кромѣ Великихъ Государей Россіи. По сему всеусерднѣйше просимъ великаго Государя Императора, чтобы Онъ обратилъ милостивый взоръ на насъ — дѣтей Кыятъ-хана и на всѣхъ Туркменъ, принялъ бы участіе въ нашихъ горестяхъ, благоустроилъ бы безпорядочное положеніе нашей страны, учредилъ школы для духовнаго и общежительнаго образованія нашихъ и всѣхъ Туркменскихъ дѣтей, покровительствовалъ добрымъ, удерживалъ отъ дурныхъ поступковъ злыхъ людей стражемъ своего гнѣва и, отправляя изъ своего государства необходимые для пищи и одежды товары, повелѣлъ бы обмѣнивать ихъ на Туркменскіе скотъ и произведенія, и такимъ образомъ обогатилъ бы нашу страну.»

«Вторая просьба наша слѣдующая: есть у насъ наслѣдственное владѣніе, земля между р. р. Гюргенемъ и Атрекомъ, извѣстная подъ именемъ Серебрянаго бугра, — эту землю съ окрестностями мы повергаемъ къ стопамъ великаго Государя Императора и просимъ, дабы Государь Императоръ благоволилъ не презрѣть нашего малаго представленія, но почтить насъ благосклоннымъ принятіемъ оного, и на этой землѣ, или гдѣ угодно будетъ, для исполненія вышеупомянутыхъ и другихъ благъ Туркменамъ, повелѣлъ бы устроить главное заведеніе и предпріятія, какія Богъ положитъ на Его Царское сердце. Чѣмъ оказалъ бы Государь Императоръ всей Туркменской странѣ истинно отеческую милость.»

«Писалъ и печать приложилъ Кидыръ-мухаммедъ-ханъ Ніязовъ, въ лагерѣ близъ Красноводскаго залива 1275 года Гиджры, 18 дня, мѣсяца Зульхиджэ (1859 г. 8-го іюля).»

Вечеромъ Балханскіе верблюды, отогнатые, по неимѣнію корма около колодцевъ Балкую, на колодцы Бурнакъ, были пригнаны обратно къ лагерю, и старшины просили черезъ Гельды-хана объ уплатѣ денегъ за верблюдовъ, такъ какъ прошло уже, говорили они, 10-ть дней со времени ихъ наёмки. Въ настоящемъ домогательствѣ было имъ отказано въ томъ вниманіи, что было условлено

уплачивать за каждые 10-ть дней не иначе, какъ при отпускѣ излишнихъ верблюдовъ, что̀ и будетъ исполнено, если окажутся таковые при выступленіи въ Балханы. Зная, какъ вредно долгое бездѣйствіе для отряда, начальникъ экспедиціи положилъ выступить въ Балханы не позже 11-го числа, въ томъ даже случаѣ, если шхуна и не придетъ къ этому времени. Продовольствія въ такомъ случаѣ рѣшено взять всего на 20-ть дней. Между тѣмъ Ямуды увели верблюдовъ къ урочищу Уфракъ, сказавъ, что будутъ ожидать тамъ приказанія.

9-го іюля, въ 6-ть часовъ утра, шайка хищниковъ, отъ 40 до 50 человѣкъ, спустившаяся ночью въ Кувадагскую долину, по дорогѣ Кукъ-Юлъ, и засѣвшая въ оврагѣ при подошвѣ горъ Чагадамъ, въ 3½ верстахъ отъ берега, бросилась на табунъ, только что выгнанный изъ лагеря, гдѣ онъ собирался на ночь. Хищники выскочили въ ту минуту, когда табунный караулъ, состоявшій изъ 13-ти казаковъ, сошелъ съ лошадей и началъ треножить табунъ. Пѣшіе казаки не могли удержать шарахнувшагося табуна, но стали отстрѣливаться отъ хищниковъ. Послѣдніе бросились также на 6 солдатъ, посланныхъ для собиранія топлива въ горахъ Чагадамъ. Одинъ изъ казаковъ и трое солдатъ были при томъ убиты, трое взяты въ плѣнъ. Верблюдовъ погнали хищники береговою дорогою къ уроч. Каипъ-Ата, а лошадей въ гору, не доходя этого мѣста. Получивъ объ этомъ извѣстіе отъ одного изъ казаковъ, успѣвшаго вскочить на лошадь и ускакать въ лагерь, и надѣясь отбить хотя верблюдовъ, такъ какъ хищники должны были, сдѣлавъ крюкъ черезъ Каипъ-Ата, бѣжать на кол. Бурнакъ,—начальникъ экспедиціи послалъ 25-ть штуцерныхъ на 30-ти верблюдахъ и 4 лошадяхъ, оставшихся въ лагерѣ. Начальствованіе отрядомъ было поручено корпуса топографовъ подпоручику Алексѣеву, съ нимъ отправились также подпоручики Рыбинъ и Абрамовъ. Отрядъ пошелъ на перерѣзъ хищнической шайкѣ по дорогѣ Кукъ-Юлъ на Бурнакъ. Для содѣйствія отряду былъ еще посланъ вслѣдъ за нимъ сотникъ Мартыновъ съ пѣшими казаками.

Означенную дорогу Кукъ-Юлъ хищники перевалили камнями; не менѣе того, когда отрядъ взобрался на верхъ, табунъ былъ еще въ виду, направляясь на Бурнакъ.

Въ верстахъ 10-ти, за Бурнакомъ, партія штуцерныхъ догнала хищниковъ на ружейный выстрѣлъ, они разсыпались и стали обскакивать партію и стрѣлять. Верблюды были между тѣмъ страшно измучены послѣ 30-ти верстнаго примѣрно перехода и стали по одиночкѣ отставать; къ тому же люди должны были то слѣзать съ верблюдовъ, для стрѣльбы, то опять садиться, для погони; по всему этому партія отстала отъ табуна и принуждена была воротиться.

Послѣ отправленія партіи въ погоню, посланы были немедленно два Туркменина за Ямудовскими верблюдами, находившимися на Уфракѣ, явилось подозрѣніе, что верблюдовожатые угнали ихъ вчера съ Бурнака, знавши о представшемъ нападеніи на табунъ. Подозрѣніе это оправдалось; посланные и верблюды не возвратились. Поэтому подъ вечеръ былъ еще посланъ въ этомъ направленіи Гельды-ханъ. По всему видно, чте Балханскимъ старшинамъ, бывшимъ въ лагерѣ, и нѣкоторымъ Челекенскимъ было извѣстно о приближеніи шайки. Одинъ изъ старшинъ Балханскихъ, не разъ упомянутый Уразъ-Мурадъ-Кюръ, пріѣхавши на аргамакѣ и державшій его постоянно у своей кибитки, въѣхалъ съ нашей партіею, въ виду всѣхъ передался къ хищникамъ и дѣйствовалъ потомъ все время за одно съ ними. Другой Диванэ схрылся изъ лагеря во время тревоги, незамѣтно.

Вся хищническая шайка была изъ Ямудовъ, кочующихъ между большимъ и малымъ Балханами. Нѣкоторые изъ нихъ были узнаны, именно: начальникъ шайки Дугды-Тумачь, ханъ-Каипгъ, родной младшій братъ Уразъ-Мурата, Ана-Гельды и Ходжи-Нефесъ всѣ изъ Каренджиковъ.

Вчера и сегодня было замѣчено, что число Туркменскихъ лодокъ у Красноводской косы за мыс. Акъ-Джаръ значительно увеличилось. По подозрѣнію, что суда эти дѣйствуютъ сообща съ шайкой хищниковъ и имѣли цѣлью дать имъ убѣжище, въ случаѣ неудачи нападенія,—было приказано баржѣ отправиться къ Акъ-Джару, осмотрѣть и привести подозрительныя суда. Баржа возвратилась черезъ нѣсколько часовъ и привела одну лодку, люди которой пустились было бѣжать при ея приближеніи. Однако они оказались извѣстными Кыдыръ-хану, и, по его предстательству, были

отпущены. Пріѣхали они на косу съ Челекеня за водою. Другія же лодки были безъ людей.

Часу въ 6-мъ по полудни, съ возвращеніемъ отряда, посланнаго въ преслѣдованіе хищниковъ, были преданы землѣ, въ Кувадагской долинѣ, трое изъ убитыхъ на мѣстѣ и 1 умершій уже здѣсь отъ 10 ранъ, нанесенныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Другіе были также безчеловѣчно изуродованы. Всѣ чины экспедиціи присутствовали при погребеніи. При этомъ было сдѣлано 3 залпа ружейные. Могила опредѣлена на картѣ. Изъ опасенія же, чтобъ Туркмены не вырыли убитыхъ, никакого знака на мѣстѣ этомъ не поставлено.

Число больныхъ нижнихъ чиновъ дошло до 8 человѣкъ. Изъ нихъ 5 заболѣли отъ утомленія, при преслѣдованіи хищниковъ.

Послѣ полудня было 54° на солнцѣ.

Изъ оставшихся въ лагерѣ Туркменъ, Нефесъ-казакъ, Нурмамедъ, Куюнъ-мулла, Ана-кычъ и прибывшіе съ балханскими старшинами 4-ре человѣка: Тюря-Маметъ, Маметъ-Ніязъ, Курбанъ-Ніязъ и Каратай-шейхъ задержаны и посажены подъ караулъ. Въ 12-мъ часу ночи послѣдній изъ нихъ Каратай-шейхъ хотѣлъ бѣжать и былъ заколотъ часовымъ.

10-го іюля. На разсвѣтѣ, вышла изъ Бухты лодка Кыдыръ-хана на Челекень. На ней отправились Салихъ, Ана-Хасанъ, и писарь подполковника Бернова. Салихъ-ханъ и писарь имѣютъ отправиться съ Челекеня, на лодкѣ Армянина купца, въ Баку, съ бумагами отъ начальника экспедиціи и подполковника Бернова; а Ана-Хасанъ, на своей лодкѣ, получилъ приказаніе доставить пакетъ отъ начальника экспедиціи на Ашуръ-Аде, какъ въ этой послѣдней бумагѣ на имя капитана Лихарева, такъ и въ отношеніи къ капитану надъ бакинскимъ портомъ Фрейгангу, начальникъ экспедиціи просилъ объ оказаніи возможнаго содѣйствія экспедиціи по тѣмъ крайнимъ обстоятельствамъ, въ которыя поставлена она неприходомъ шхуны, въ надлежащій срокъ.

Въ ночь пришла лодка съ Челекеня къ Кыдыръ-хану. На ней пріѣхали 2-й сынъ его и внукъ, сынъ Салихъ-хана. Лодка ушла въ полночь обратно.

Изъ нѣкоторыхъ словъ плѣнныхъ оказалось, что они знали о приготовленіяхъ къ нападенію и что въ этотъ день было положено

скрыться имъ всѣмъ ночью, а передъ тѣмъ предполагалось убить Маметъ Сафу и Ишана, какъ особенно намъ преданныхъ. Разговоръ этотъ былъ подслушанъ однимъ изъ вожаковъ. Старшины балханскіе и прежде упрекали ѣздившихъ за верблюдами въ Балханы въ преувеличеніи ими силъ отряда.

Подъ вечеръ, по случаю невозвращенія Гельды-хана и потому что одинъ изъ посланныхъ къ Уфраку за верблюдами находился при Кучакъ-ханѣ нукеромъ, явилось подозрѣніе и на Гельды и на Кучака, тѣмъ болѣе, что послѣдній, подъ различными предлогами, хотѣлъ удалиться изъ лагеря и участвовалъ въ разговорѣ о замыслахъ на Ишана и Маметъ-Сафу. У Кучака отобрано оружіе, и за нимъ назначенъ надзоръ.

Въ слѣдствіе принесенныхъ изъ сосѣднихъ ауловъ слуховъ и толковъ о томъ, что Туркмены хотятъ сдѣлать нападеніе на лагерь, приведенъ онъ сегодня въ оборонительное положеніе: вырытъ ровъ и изъ мѣшковъ и кулей съ провіантомъ сдѣланъ брустверъ. Кромѣ того лагерь обстрѣливается 4-мя фалконетами: 2-мя съ баржи, однимъ съ 12 вес. лодки, поставленными по обѣ стороны лагеря, и однимъ съ шестерки, которая въ случаѣ тревоги, имѣетъ подойдти къ лагерю. Во весь сегодняшній день видны были на высотахъ окрестныхъ горъ Туркмены въ значительномъ числѣ.

11-го іюля. Въ полдень возвратился Гельды-ханъ. Онъ не догналъ верблюдовъ, хотя и былъ у кол. Куртъ-Куюсы. Тамъ онъ встрѣтился съ Миришъ-Баемъ, который прислалъ съ нимъ два письма: первое отъ 6-го іюля, на имя Салихъ, Кучакъ, Дурды, Гельды-хановъ, Маметъ-Сафы и ханъ Маметъ-Ишана, а другое, писанное при отъѣздѣ Гельды, на имя начальника экспедиціи. Въ первомъ письмѣ Миришъ-Бай извѣщалъ, что онъ обошелъ, будто бы, Атрекъ и Гюргень и что тамошніе жители послушали его словъ и распустили собранную ими шайку, но что балханскіе жители не слушаются его увѣщеваній. Онъ предупреждалъ быть осторожнѣе. Затѣмъ въ другомъ письмѣ онъ извѣщалъ, что къ нему пріѣзжали человѣкъ 20 хищниковъ и объявили о своемъ намѣреніи напасть на отрядъ; но онъ отговаривалъ ихъ, и они обѣщали возвратиться и уѣхали, между тѣмъ онъ самъ собирался въ нашъ лагерь съ 15-ю старшинами, но узнавъ на дорогѣ,

что хищники угнали табунъ, пріостановился. Также увѣрялъ о посылкѣ какого-то гонца съ извѣщеніемъ о намѣреніяхъ хищниковъ. Вообще письмо, наполненное противорѣчіями, доказываетъ одно, что Миришъ-Бай, ожидавшій еще насъ въ Болханы, желалъ избѣжать отвѣтственности. Гельды-ханъ, въ свою очередь, показалъ согласно съ этими письмами. Онъ передалъ еще, что Миришъ-Бай готовъ доставить и верблюдовъ и оказать всякое съ своей стороны содѣйствіе, если только прикажутъ ему и пришлютъ за всѣмъ, что нужно, Кучакъ-хана. Онъ видимо старался удалить всѣхъ подозрительныхъ.

Одновременно съ Гельды пріѣхалъ сюда Нурмухаммедъ-Бекъ, изъ рода Теке, который назадъ тому около 2½ мѣсяцевъ прибылъ на Ашуръ-Аде, съ письмами отъ Кызылъ-Арбатскаго хана-Нуръ-Берды къ начальнику Астрабадской станціи и Кыдыръ-хану и получилъ отъ нихъ отвѣты; но вмѣсто того, чтобъ прямо ѣхать домой, онъ отправился на Атрекъ и наконецъ съ Миришъ-Баемъ думалъ присоединиться къ экспедиціи. Причину его замедленія Кыдыръ-ханъ объяснялъ отсутствіемъ Нуръ-Берды и нахожденіемъ его подъ Мервомъ. Содержаніе писемъ, доставленныхъ имъ на Ашуръ, по словамъ Кыдыра, состояло въ изъявленіи усердія служить русскому Государю и въ испрашиваніи помощи противъ Хивы.

Гельды-ханъ былъ отправленъ въ тотъ же день обратно. Ему вручены были: отвѣтъ Миришъ-Баю и объявленіе ямудскимъ старшинамъ и аульнымъ начальникамъ въ Болханахъ, о томъ, чтобъ возвратили 3-хъ плѣнныхъ солдатъ и отбитый табунъ или прислали бы своихъ верблюдовъ и лошадей съ тѣмъ, что отъ исполненія сего будутъ зависѣть и освобожденіе задержанныхъ Туркменъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было разрѣшено тремъ изъ арестованныхъ Туркменъ послать отъ себя письма, въ которыхъ они упрашивали своихъ родственниковъ о скорѣйшемъ исполненіи требованія и объ освобожденіи ихъ.

Сегодня былъ сдѣланъ опытъ обстрѣливанія лагеря съ баржи и лодки. Фалконеты брали далеко, обороняя лагерь совершенно удовлетворительно.

12-го іюля. На разсвѣтѣ была отправлена на Красноводскую косу лодка Кыдыръ-хана съ 10-ю нижними чинами, подъ начальствомъ подпоручика Рыбина, за травою и топливомъ.

Посланы вечеромъ на верблюдахъ трое нарочныхъ въ Александровскій фортъ: Дурды-клычь-Амановъ, Балгара-Ярыповъ и Умрузокъ-Сарыповъ. По переправѣ черезъ Карабугазскій проливъ, они имѣютъ взять въ 1-мъ Игдырскомъ аулѣ лошадей въ замѣнъ верблюдовъ. На этотъ предметъ имъ дали письма Ишанъ и Маметъ-Сафа, какъ начальствующіе надъ Игдырами.

Съ этими нарочными послано обстоятельное донесеніе г. генералъ-губернатору, причемъ въ заключеніи говорилось, что если Болханцы возвратятъ лошадей и верблюдовъ, то экспедиція направится, по прежнему предположенію, въ Болханы; въ противномъ же случаѣ придется осмотрѣть съ моря наиболѣе замѣчательныя прибрежныя мѣста: зеленый, бѣлый и серебряный бугры и островъ Огурчинскій. При этомъ было еще упомянуто, что провіанта имѣется при экспедиціи только по 1-е сентября и что барановъ въ окрестностяхъ очень мало.

Съ настоящей же почтой, въ предположеніи, что шхуна, по случившемуся съ ней какому нибудь несчастью, не дошла до Александровскаго форта или до Баку, посланъ дубликатъ преднослѣдняго донесенія г. генералъ-губернатору.

13-го іюля. На разсвѣтѣ возвратилась баржа съ лодкой подпоручика Рыбина. На послѣдней былъ привезенъ 1 Туркменинъ, котораго взялъ Рыбинъ по подозрѣнію. Онъ нашелъ его одного на довольно большой лодкѣ у косы съ двумя ружьями и платьемъ на нѣсколько человѣкъ. При спросѣ онъ показалъ, что на лодкѣ пришелъ одинъ и что ружья при немъ для охоты.

Туркменинъ этотъ былъ отпущенъ, потому что многіе изъ отрядныхъ его знаютъ, и удостовѣрившіи, что онъ житель косы, человѣкъ бѣдный и занимается дѣйствительно охотою и рыболовствомъ. Другое ружье было его сотоварища; показалъ же его своимъ въ испугѣ отъ допросовъ.

Вечеромъ изъ сосѣдняго аула, у Уфрака, были пригнаны для продажи 22 барана.

14-го іюля. Послана лодка Кыдыръ-хана на Челекень узнать, ушла ли лодка Армянина въ Баку. Удушливый жаръ замѣнилъ опять вѣтеръ, бывшій въ эти дни. Больные поправились.

15-го іюля. Пришла къ Кыдыръ-хану лодка съ Челекеня, идущая за солью на Красноводскую косу. Пріѣхавшій на ней сынъ отряднаго вожака Челекенца Машада, объявилъ, что Армянинъ еще не уѣхалъ съ острова, а продолжаетъ нагружаться нефтагалемъ.

Сегодня пришелъ въ отрядъ Киргизъ Адаевецъ, по имени Айтуганъ. Лѣтъ 20-ть тому назадъ онъ переселился въ здѣшнія мѣста; теперь же думаетъ возвратиться, такъ-какъ за сына его, какъ Киргиза, ни одинъ Туркменинъ не выдаетъ въ замужство дочери.

Подъ вечеръ нѣкоторые члены экспедиціи ѣздили верхами, на остальныхъ лошадяхъ, осматривать мѣстность, на которой отбили Туркмены табунъ.

16-го было все благополучно и ничего замѣчательнаго не произошло.

17-го іюля. Посланъ утромъ поручикъ Скрябинъ, съ 10-ю нижними чинами, на лодкѣ къ Красноводской косѣ, за топливомъ и травою. Пришла съ Челекеня лодка съ письмомъ отъ Салихъ-хана, который увѣдомлялъ, что чрезъ два дня, послѣ его пріѣзда на Челекень, прибылъ Катараджи и разказалъ, что онъ былъ посланъ отъ экспедиціи взять пятьдесятъ верблюдовъ; но погонщики, узнавъ, что ихъ люди придутъ къ нимъ, погнали верблюдовъ немедленно впередъ, а его схватили и отпустили немного не доходя до Куртъ-Куюсы, откуда онъ прибылъ на верблюдѣ въ аулъ, что кочуетъ на Уфракѣ, а здѣсь, испуганный извѣстіемъ, что Гельды-ханъ ушелъ, что Кучакъ также собирается уйти и что однаго Туркменина, хотѣвшаго бѣжать, убили, не рѣшился явиться въ лагерь, а пробрался на Челекень. Присылая Катараджа съ этимъ письмомъ, Салихъ-ханъ просилъ простить его. По извѣстности дѣла и по удостовѣреніи, что погонщики дѣйствительно знали о намѣреніи хищниковъ, онъ былъ отпущенъ. Кадыръ-ханъ получилъ при этомъ извѣстіе, что высланные съ Ашура за фуражемъ на Черную рѣчку матросы, имѣли стычку съ Туркменами,

въ которой были убиты два матроса и шесть Туркменъ. Писарь подполковника Бернова донесъ ему, что на Челекени прошелъ слухъ о намѣреніи разбойниковъ изъ Гассанъ-Кули напасть на Челекень и ограбить торговыя суда.

Пришедшая съ Челекеня лодка отослана назадъ, съ приказаніемъ привести оттуда двѣ большихъ кусовыхъ лодки, съ тѣмъ, чтобы на нихъ продолжать съемочныя работы высадками съ моря.

Кочующій на островѣ Огурчинскомъ Туркменинъ Ерсаринскаго рода Маментъ-Рахманъ Уде-Нефесовъ подалъ прошеніе на имя главнаго начальника Оренбургскаго края о принятіи его, съ находящимися при немъ однородцами, въ числѣ 20 кибитокъ, въ подданство Россіи и объ отводѣ имъ, подъ кочевье, мѣстъ въ окрестностяхъ Александровскаго форта.

18-го іюля. Утромъ пришли двѣ лодки: одна съ Челекеня къ Кадыру, а другая Армянина Сафарова, прикащика Закаспійскаго торговаго товарищества. Съ первой сообщалось, что сегодня Салихъ-ханъ отправится въ Баку. Также извѣщалось о слухѣ, прошедшемъ на Челекени о новомъ намѣреніи Туркменъ напасть на отрядъ. Сафарову возвращены мука и крупа, оставленная здѣсь барономъ Врангелемъ.

Сегодня была сдѣлана тревога; люди быстро приготовились къ оборонѣ. Приказано шестеркѣ держаться ночью у берега къ сторонѣ Уфрака, на случай внезапнаго нападенія.

19-го іюля. Въ полдень возвратился поручикъ Скрябинъ. Сафаровъ снялся съ якоря и пошелъ въ Баку.

Ночью шестерка, подошедши къ берегу и принявъ кусты за людей, сдѣлала выстрѣлъ картечью изъ фальконета. Весь лагерь всталъ на ноги. Недоразумѣніе вскорѣ объяснилось.

20-го іюля. Кусовыя лодки съ Челекеня еще не пришли. Прождавъ безполезно 10 дней, современи отправленія письма къ Балханскимъ хищникамъ и потерявъ всякую надежду на прибытіе шхуны «Персіянинъ», начальникъ экспедиціи рѣшился перейти на баржу со всѣми чинами экспедиціи, съ 42 стрѣлками и 8 по выбору нижними чинами изъ другой пѣхотной команды, 2 казаками, 2 артиллеристами и 1 фейерверкеромъ и направиться прямо къ Огурчинскому острову и оттуда на Ашуръ остальная команда

подъ начальствомъ поручика Скрябина, на оставшихся 47 верблюдахъ отправится обратно берегомъ въ Александровскій фортъ.

Кучакъ-ханъ предложилъ оставить заложникомъ брата своего Курбана, съ тѣмъ, что онъ берется освободить захваченныхъ Балханскими Туркменами 3-хъ нашихъ солдатъ.

21-го іюня. Сегодня утромъ на развѣтѣ выступила партія поручика Скрябина. Ему поручено нанимать на пути, гдѣ будетъ возможно, верблюдовъ для поднятія на нихъ всѣхъ нижнихъ чиновъ. При этомъ выдано ему 2,000 руб. сер. для расплаты по прибытіи въ фортъ съ караванъ-башами отряда за нанятыхъ и упалыхъ верблюдовъ, а за отогнанныхъ не приказано дѣлать расчета до прибытія всей экспедиціи въ фортѣ и до полученія отвѣта отъ Балханскихъ старшинъ относительно возвращенія отнятыхъ верблюдовъ.

По выступленіи поручика Скрябина начали перевозиться на баржу, и въ 1-мъ часу по полудни, баржа снялась съ якоря и пошла по направленію къ Челекени. Вѣтеръ благопріятствовалъ слѣдованію. Вечеромъ встали на якорь въ виду Челекеня. Лодка Кадыра была послана къ острову за братомъ Кучака.

22-го іюля. Въ 3-мъ часу по полудни, когда проходили Челекень, у южной его оконечности, были замѣчены лодки Кадыръ-хана. Холостымъ выстрѣломъ съ баржи онѣ были приглашены присоединиться. Лодки пристали къ баржѣ и передали на нее Курбана. Встали къ вечеру на якорь въ виду Огурчинскаго, но лодокъ не видали. Лодки Кадыръ-хана посланы впередъ къ Огурчинскому острову, для указанія удобнаго мѣста для якорной стоянки.

23-го іюля. Придвинулись на разсвѣтѣ къ острову и встали на якорь въ одной верстѣ отъ берега, противъ самой середины острова. Лодокъ Кадыра тутъ не оказалось, онъ началъ подозрѣвать Ана-Хасана въ измѣнѣ. На лодкѣ послѣдній увезъ всѣ вещи Кадыра и ящикъ съ деньгами. Кадыръ объяснилъ при этомъ, что Ана-Хасанъ давно извѣстенъ своимъ вѣроломствомъ и уже сидѣлъ 1 разъ въ кандалахъ на Ашурѣ. На берегу видны были двѣ небольшія лодки, вдали нѣсколько кибитокъ и 2 бѣлыхъ лошади, которыя бродили по песчанымъ барханамъ, между кустовъ. Послѣ

холостаго выстрѣла изъ фалконета баржи, одна изъ береговыхъ лодокъ пристала. На ней были посланы двѣ съемочныхъ партіи подпоручиковъ Алексѣева и Рыбина, въ сопровожденіи 25 нижнихъ чиновъ и Кучакъ-хана для заготовленія верблюдовъ.

Въ 5-мъ часу по-полудни поѣхали на шестеркѣ нѣкоторые изъ насъ на берегъ къ аулу. Вслѣдъ за шестеркой были посланы еще на берегъ 12 вес. лодка съ подпоручикомъ Абрамовымъ и съ остальными нижними чинами, для слѣдованія по берегу, на южную оконечность острова. Въ аулѣ оказалось всего 2 кибитки. Около нихъ разбросаны между песчаныхъ бархановъ, покрытыхъ гребенщикомъ, нѣсколько дынныхъ и арбузныхъ бахчей. Вода лежитъ здѣсь на глубинѣ 1 арш., она совершенно прѣсная, и вырытіе колодцевъ, при рыхлой песчаной почвѣ, незатруднительно: вырываютъ только яму въ одинъ аршинъ въ квадратѣ, и вода начинаетъ набѣгать, просачиваясь сквозь песокъ. Глубина воды въ двухъ видѣнныхъ колодцахъ была вершка въ 3, не больше.

На Огурчинскомъ, кромѣ Ерсаринцевъ, кочуютъ еще Огурджалы, въ числѣ 35 кибитокъ. Партія подпоручика Алексѣева найдена была на берегу, окончившею дневную работу. Она встрѣтила одного только верблюда, которымъ и воспользовалась, для перевозки воды. Подпоручикъ Абрамовъ, съ своею командою, оставленъ при партіи Алексѣева. По возвращеніи нашемъ на баржу, возвратился съ острова на туркменской лошади и подпоручикъ Рыбинъ, который также окончилъ свою работу, употребивъ на это 9 верблюдовъ, имъ найденыхъ. Съемка остальной части острова поручена подпоручику Алексѣеву. Кучакъ-ханъ нашелъ 7 верблюдовъ, которые будутъ пригнаны къ партіи Алексѣева.

24-го іюля. Въ 11 часу увидали въ зрительную трубу баржу, шедшую намъ на встрѣчу. За противнымъ вѣтромъ она должна была лавировать.

Въ 3 часу возвратился съ острова подпоручикъ Алексѣевъ, окончивъ работу. По переходѣ его на баржу, снялись съ якоря и пошли на встрѣчу къ шедшей къ намъ баржѣ. Часа черезъ два мы сошлись съ баржею № 2, которая шла къ намъ съ Ашура, въ замѣнъ ожидавшагося парахода «Волга,» который, послучаю нѣкоторыхъ поврежденій, не могъ быть высланъ въ дальнее плаваніе. Баржа

вышла изъ Ашуръ-адинскаго рейда 13 іюля и имѣла на пути постоянныя противныя вѣтры. Лейтенантъ Ладыженскій, командиръ баржи, не доставилъ при этомъ никакихъ свѣдѣній о шхунѣ Персіянинъ, а только частное письмо К. Л. Лихарева, въ которомъ сообщалось о бывшихъ непріязненныхъ стычкахъ Туркменъ съ нашими лодками съ Ашура.

По осмотрѣ прибывшей баржи, было отдано приказаніе немедленно перевезти на нее половину отряда и часть тяжестей, вслѣдъ за чѣмъ предполагалъ переѣхать начальникъ экспедиціи, но сильный вѣтеръ и волненіе допустили только перевозку 25 человѣкъ отряда, съ нѣкоторыми тяжестями, съ помощью 12 вес. лодки, по канату, протянутому съ одной баржи на другую. Вѣтеръ не былъ попутный для нашего дальнѣйшаго слѣдованія, почему и было приказано сняться съ якоря и идти къ Зеленому бугру.

25-го іюля. На разсвѣтѣ баржа остановилась противъ бугра, на разстояніи 1 версты; ауловъ не видно. Подпоручики Алексѣевъ и Рыбинъ съ 4 топографами и 50 нижними чинами, были немедленно посланы на берегъ. Вѣтеръ былъ довольно сильный и не благопріятствовалъ высадкѣ, Лодки выгребали тяжело и лишь черезъ два часа приблизились къ берегу, но, по мелководью, остановились саженяхъ во 100, такъ что отрядъ долженъ былъ пройдти до берега, черезъ бурунъ, въ бродъ. По выходѣ на берегъ съемочная партія увидѣла въ отдаленіи аулъ, въ кибитокъ 30, изъ котораго Туркмены вышли большою толпою съ оружіемъ и размѣстились въ нѣсколькихъ пунктахъ за песчаными борханами. Не смотря на угрозы ихъ стрѣлять и явныя дерзости, когда подпоручикъ Алексѣевъ объяснялъ имъ свои намѣренія, — съемочная партія успѣла снять все пространство отъ берега, на разстояніи 9 верстъ, до бугра включительно, При возвращеніи партіи, двое изъ мѣстныхъ старшинъ Нарза-Тюрюкъ и Баба-Куль выѣхали къ отряду и уговаривали съ угрозами поскорѣе убраться. Этихъ Туркменъ взяли и привезли на баржу. Аулъ Зеленаго бугра зависитъ отъ Таганъ-Козы и лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его кочевки. Старшины показали, что Ана-Хассанъ подарковъ ему экспедиціонныхъ не доставилъ. Они сообщили также, что вчера проѣхали изъ Балханъ трое Туркменъ на Атрекъ и разсказывали, что наши ло-

шади и верблюды въ сборѣ и что захваченные солдаты находятся на Дарджѣ.

По переѣздѣ партіи на баржу, она снялась съ якоря и пошла прямо на Ашуръ-Аде. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, было рѣшено не приставать въ настоящее время къ Бѣлому и Серебрянному буграмъ, съ тѣмъ чтобы пристать къ нимъ на обратномъ пути, взявъ предварительно подкрѣпленіе и суда съ Астрабатской станціи.

Наставшій штиль, въ 12-мъ часу по полудни, заставилъ насъ встать на якорь.

26-го іюля. Штиль продолжался до 1-го часа по полудни. Въ это же время нѣсколько засвѣжѣло, поставили паруса и баржа пошла легкимъ вѣтромъ. Къ вечеру поравнялись съ Бѣлымъ бугромъ, но опять начало штилѣть и къ полъ-ночи баржа бросила якорь на полъ пути отъ Бѣлаго къ Серебрянному бугру.

27-го іюля. По тому же слабому вѣтру баржа успѣла только пройдти Серебряный бугоръ, пороянялась съ Альбурзскими горами и съ наступленіемъ ночи, а вмѣстѣ и штиля, встала на якорь въ виду Ашуръ-Аде.

28-го іюля. За ночь подулъ противный юго-западный вѣтеръ, усилившійся къ утру. Къ полдню онъ сталъ отходить къ западу и пользуясь этимъ, баржа начала лавировать, но съ большимъ трудомъ, потому что вѣтеръ началъ опять отходить къ югу. Между тѣмъ съ рейда Ашуръ-Адинскаго была выслана къ намъ на встрѣчу парусная небольшая шхуна «Тарантулъ.» Быстро присоединилась она къ баржѣ нашей, взяла ее на буксиръ и, пользуясь большою парусностью и ходкостью, привела насъ вскорѣ, въ 4-мъ часу по полудни, къ рейду. Здѣсь на Ашурѣ было получено частное извѣстіе, привезенное почтовымъ пароходомъ, что шхуна «Персіянинъ,» за какимъ-то поврежденіемъ, находилась въ Бакинскомъ портѣ; но 21-го числа настоящаго мѣсяца должна была выдти въ Красноводскъ.

Командующій станціею К. Л. Лихаревъ предъявилъ при свиданіи, что пароходъ «Волга» ожидаетъ нѣкоторыя вещи для своего исправленія, которыя должны быть присланы на дняхъ со шхуною «Хивинецъ,» назначенною на станцію и что «Волга» можетъ затѣмъ поступить въ распоряженіе экспедиціи. Кромѣ того предло-

жилъ въ распоряженіе ея 50 человѣкъ штуцерныхъ матросовъ, горный 10 ф. единорогъ и 3 плоскодонныхъ лодки, для дессанта, а также и личное содѣйствіе сопутствованіемъ при съёмкахъ Серебрянаго бугра и устьевъ Атрека (Гассанъ-Кулинскаго залива).

12-ти весельная лодка, приведенная на буксирѣ баржею, сдана въ портъ острова для изготовленія къ ней паруса, до сего не имѣвшагося.

При разговорѣ съ К. Л. Лихаревымъ на счетъ дерзости Туркменъ, онъ предъявилъ предписаніе къ нему намѣстника Кавказскаго, въ отвѣтъ на представленіе Лихарева о необходимости наказать Туркменъ за плѣненіе (см. выше) 7-ми его матросовъ. Въ предписаніи этомъ кн. Барятинскій, раздѣляя мнѣніе Лихарева и разрѣшивъ взять стрѣлковую роту изъ Ленкорани предоставилъ, однако, приступить къ наказанію не иначе какъ съ разрѣшенія посла нашего при Персидскомъ дворѣ и не прежде приведенія въ извѣстность результатовъ нашей экспедиціи, развѣ только послѣдняя потребуетъ, въ свою очередь, войско для наказанія Тукменъ.

Съ своей стороны К. Л. Лихаревъ вошелъ уже съ представленіемъ къ послу нашему въ Тегеранѣ, г. Аничкову. Въ томъ же смыслѣ обратился къ нему и начальникъ экспедиціи.

29-го іюля. Утромъ Кадыръ-ханъ доставилъ письма Гельдыхана и Балханскихъ старшинъ. Первый сообщалъ, что выкупилъ нашихъ плѣнныхъ, которыхъ, однако, не возвращаетъ и самъ не ѣдетъ, живя къ Гассанъ-Кули; верблюдовъ и лошадей же не могъ выкупить. Балханскіе старшины писали, что они не могли явиться въ Чагадамъ, по причинѣ хищниковъ, которые нанесли позоръ и себѣ и имъ; плѣнныхъ же нашихъ выручили. Въ заключеніе упреками за плѣненіе ихъ старшинъ.

Вечеромъ прибыла шхуна «Персіянинъ.»

Командиръ, капитанъ-лейтенантъ Рогаль-Левицкій донесъ, что послѣ выступленія изъ Красноводскаго залива, гдѣ онъ дѣйствительно простоялъ два дня за противнымъ вѣтромъ, онъ замѣтилъ въ машинѣ, что клинъ у шатуновъ сломался, въ слѣдствіе чего тотчасъ была остановлена машина, и онъ, подъ парусами, 26 числа, прибылъ въ фортъ, гдѣ и дѣлались исправленія до 5 іюля. Потомъ она отправился въ Баку.

Здѣсь онъ пробылъ 15 дней, для починки клапоновъ у воздушнаго насоса и для пошитія новыхъ кожанныхъ, за неимѣніемъ запасныхъ гутаперчевыхъ. Вышедши изъ Баку 23 іюля, онъ отправился въ Красноводскій заливъ, и не найдя тамъ экспедиціи отправился къ Нефтяному острову, и оттуда, по указанію купца, Сафарова пошелъ прямо въ Астрабадскій рейдъ.

30-го іюля. Въ послѣдствіе приведеннаго донесенія, для разъясненія всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на успѣхъ плаванія шхуны, были предложены командиру оной слѣдующіе вопросы.

1) По какимъ причинамъ плаваніе шхуны отъ Красноводскаго залива до Александровскаго форта продолжалось съ 21-го іюня по 26-е, т. е. 5 дней, вмѣсто предположенныхъ 50-ти часовъ?

2) Какого рода работа производилась на кузницѣ Александровскаго форта въ продолженіе 9 дней и не могла ли она быть окончена ранѣе, нельзя-ли было сдѣлать эту починку собственными средствами, и если средства были такъ недостаточны, то какія причины воспрепятстовали ему идти оттуда въ Баку на парусахъ, чтобъ чиниться въ портѣ съ большими удобствами и скоростью, или же возвратиться на парусахъ въ Красноводскъ для доставленія ожидавшихся надобностей и оттуда идти чиниться въ портъ. Начальникъ экспедиціи предполагалъ таковую возможность въ томъ вниманіи, что шхуны имѣютъ вообще ходить на парусахъ, употребляя пары въ исключительныхъ случаяхъ, что и было между прочимъ причиною, тому, что начальникъ экспедиціи предпочелъ оставить при себѣ шхуну «Персіянинъ» и возвратить въ Астрахань пароходъ «Уралъ.»

3) Были ли своевременно доставлены комендантомъ Александровскаго форта на шхуну всѣ предметы, отъ него требованные?

4) Какія уважительныя причины заставили шхуну пробыть въ Баку 15 дней и не было ли возможности построить средствами форта кожанные клапаны ранѣе этого времени; было-ли имъ предъявлено командиру Бакинскаго порта о необходимости доставить въ возможной скорости, предметы взятые изъ Александровскаго форта въ Красноводскій заливъ, и если онъ обращался къ

нему, то почему имъ не было послано хотя парусное судно съ этими предметами?

При этомъ было приказано шхунѣ Персіянинъ начать немедленно грузиться углемъ, въ ожиданіи прихода шхуны Хивинецъ, везущей вещи для исправленія парохода «Волга.»

По поводу писемъ, полученныхъ отъ Тоганъ-Казы и сына его Яръ-Али-Муллы, въ отвѣтахъ объяснялось крайнее сожалѣніе, что не смотря на обѣщаніе ихъ служить намъ, они не взяли и не доставили на Ашуръ трехъ людей, схваченныхъ Балханскими разбойниками. Затѣмъ по объясненіи обстоятельствъ непріязненной встрѣчи на зеленомъ бугрѣ повторялось о высылкѣ людей, съ тѣмъ, что иначе будутъ наказаны не только разбойники, но и тѣ, которые, подъ личиною усердія, потакаютъ имъ и скрываютъ ихъ преступленія.

31-го іюля. Приведенныя письма сданы и отосланы сегодня на лодку въ Чигишлярскій аулъ.

1-го Августа. Командиръ шхуны «Персіянинъ,» на запросъ, приведенный выше, отозвался сегодня, «что онъ не имѣлъ никакихъ средствъ на шхунѣ къ выдѣлкѣ клина и нарѣзки на немъ винта и потому просилъ коменданта Александровскаго форта выковать клинъ въ крѣпостной кузницѣ шхунскими мастеровыми; эта работа вмѣстѣ съ пригонкою запасныхъ подлинниковъ была окончена 30 числа; по сборкѣ жа машины 1, 2 и 3-го іюня, шхуна не имѣла возможности выйдти въ море по случаю свѣжаго вѣтра; 4 числа, съ разсвѣтомъ, начали разводить пары, но тогда замѣтили неисправность въ паровомъ предохранительномъ клапанѣ лѣваго котла, почему прекратили пары и приступили къ исправленію; въ тотъ же день 5-го числа, съ разсвѣтомъ, шхуна отправилась въ Баку для принятія полнаго количества угля, согласно предписанію о томъ начальника экспедиціи, каковое обстоятельство, по отзыву кап-лейт. Левицкаго, и не давало ему права думать отправиться подъ парусами, на неопредѣленное время перехода и къ тому прямо въ Красноводскій заливъ и безъ угля.»

«Полевое орудіе съ принадлежностію и снарядами было доставлено на шхуну 27 числа.»

«Придя въ Баку съ поврежденіемъ гуттаперчевыхъ клапановъ

въ воздушныхъ насосахъ и съ открывшеюся течью по швамъ къ кормовой части шхуны, онъ доложилъ начальнику Бакинской станціи о невозможности слѣдовать по назначенію; въ слѣдствіе чего и приступили къ пошитію кожанныхъ клапановъ, испытанію ихъ и къ зачеканиванію кормовой части. Между тѣмъ начальникомъ Бакинской станціи тогда же было дано предписаніе командиру винтовой шхуны «Туркменинъ» изготовиться къ отправленію въ Красноводскій заливъ, но почему отправленіе ея не выполнилось и шхуна Туркменинъ получила другое назначеніе, ему, Рогаль-Левицкому не извѣстно.»

«При содѣйствіи начальника станціи, при портовыхъ и шхунскихъ средствахъ, работы и испытаніе не могли быть окончены ранѣе 22-го числа.»

Изъ таковой переписки и объясненій съ кап. лейт. Рогаль-Левицкимъ, начальникъ экспедиціи вынесъ между прочимъ положительное убѣжденіе, въ томъ, что портовое начальство выслало его въ море, не снабдивъ даже самыми необходимыми вещами, (команда не имѣла даже масла для продовольствія и занимало его у баржи № 2; для смазки машины масла тоже было недостаточно).

Сегодня пришла шхуна «Хивинецъ» и привезла необходимыя для исправленія «Волги» вещи.

Приступлено немедленно къ исправленію по послѣдней и также къ перегрузкѣ съ «Хивинца» на «Персіянина» оставшагося запаса угля въ видахъ увеличенія запасовъ послѣдняго.

Сверхъ шхуны и парохода «Волга» отправится еще съ экспедиціею баржа № 2 подъ командою лейт. Ладыженскаго: баржа-же № 4, какъ менѣе помѣстительная, и съ худшимъ ходомъ, оставляется на станціи, въ замѣнъ № 2.

2-го Августа. Въ здѣшней церкви была отслужена сегодня панихида по убитымъ Туркменами въ Красноводскомъ заливѣ 3-мъ солдатамъ и 1-мъ козакѣ.

Переданы въ канцелярію командующаго станціею, для отправленія съ ожидаемымъ параходомъ, пакеты къ генералъ-губернатору Оренбургскаго края, съ подробнымъ изложеніемъ хода дѣлъ по настоящее число и къ командиру Каспійской флотиліи съ представленіемъ переписки съ капитаномъ шхуны «Персіянинъ.» При

чемъ начальникъ экспедиціи отдавалъ полную справедливость баржѣ № 4, которая постоянно содѣйствовала экспедиціи всѣми зависящими отъ нея средствами, почему и ходатайствовалъ о представленіи командовавшаго оной прапорщика Абрамова къ Высочайшей наградѣ.

Также былъ сданъ пакетъ, (для отправленія, черезъ консула нашего въ Астрабадѣ) къ чрезвычайному посланнику нашему и полномочному министру при Персидскомъ дворѣ. Въ настоящемъ донесеніи, кромѣ изложенія хода дѣлъ, выражалось намѣреніе начальника экспедиціи освободить плѣнныхъ Персовъ съ острова Челекеня, въ томъ предположеніи его, что подобная выручка плѣнныхъ можетъ показать Персидскому правительству въ выгодномъ свѣтѣ настоящія дѣйствія наши на Каспійскомъ восточномъ прибрежьѣ. Въ заключеніе начальникъ экспедиціи писалъ, что прежнія экспедиціи наши въ Туркменію не встрѣчали противодѣйствія отъ жителей потому, что Туркменъ тѣснили съ одной стороны Хивинцы, съ другой Персіяне, съ третьей Киргизы Адаевскаго рода и потому еще, что Туркменами управляли ханы, имѣвшіе вліяніе на своихъ подчиненныхъ и сознавшіе пользу дружественныхъ отношеній къ Россіи, послѣ же смерти Кіятъ-Бека, вліяніе это рушилось. Потомки его не имѣютъ никакого значенія между Туркменами. «Я имѣлъ случай, писалъ полковникъ Дандевиль, убѣдиться, что самые близкіе люди къ Кадыръ-хану ненавидятъ его. Къ тому же Туркмены имѣютъ нынѣ перевѣсъ надъ Хивою, такъ какъ взявши Кунградъ, Атамурадъ-ханъ, обезпечилъ Туркменскія кочевья отъ Хивинскихъ набѣговъ. Къ тому, для примиренія Туркменъ съ Киргизами Адаевскаго рода приняты дѣятельныя мѣры начальствомъ Оренбургскаго края. Не признавая никакой власти и не тѣснимые ни откуда, эти дикари не внимаютъ никакимъ убѣжденіямъ и вполнѣ предаются страсти своей къ грабежамъ и воровству. Каждый Туркменинъ побогаче и побойчѣе называетъ себя ханомъ, и уже никого знать не хочетъ. При этомъ Туркмены не чужды хитрости: внѣ вліянія страха, они способны, всѣ безъ исключенія, на самое дерзкое коварство и измѣну. Если правительство желаетъ имѣть вліяніе на Туркменъ, для какихъ бы то нибыло цѣлей, то можно держать ихъ въ повиновеніи однимъ только постояннымъ страхомъ

наказанія за малѣйшую дерзость. При этомъ конечно одна рѣшительная мѣра предпринятая съ достаточными средствами будетъ дѣйствительнѣе, нежели отдѣльныя наказанія, попытки съ малыми силами, въ разныхъ мѣстахъ и съ недостаточными средствами.»

«Гнѣздо Туркменскихъ мошенниковъ—Атрекъ; тутъ же сосредоточиваются всѣ средства къ ихъ существованію; самыя обильныя пашни находятся на Атрекѣ. Балханскія горы даютъ также притонъ нѣсколькимъ ауламъ хищниковъ, живущихъ грабежемъ.»

«По сему полнаго спокойствія въ Туркменіи, — по мнѣнію полковника Дандевиль, — можно было бы достигнуть возведеніемъ однаго укрѣпленія въ Красноводскѣ, а другаго на Серебряномъ бугрѣ, или гдѣ покажетъ предстоящая рекогносцировка. Двѣ рѣшительныя экспедиціи съ обоихъ пунктовъ на Атрекъ и въ Балханы, положатъ конецъ безпорядкамъ и тогда сами Туркмены сознаютъ необходимость, а со временемъ и пользу дружелюбныхъ съ нами сношеній; къ этому можно склонить ихъ только силою, а не увѣщаніями.»

«Есть два средства заставить Туркменъ прекратить разбои и подчинить ихъ намъ хотя временно безъ значительныхъ пожертвованій и съ малыми средствами: это уничтоженіе Туркменскихъ лодокъ по всему прибрежью отъ Балханскаго залива до Персидской границы и уничтоженіе пашенъ на Атрекѣ порчею оросительныхъ канавъ и плотинъ на протяженіи 20 верстъ отъ его устья; но эти мѣры, можетъ быть покажутся жестокими и подорвали бы благосостояніе Туркменъ, о которомъ, принявъ ихъ въ подданство, правительству было бы труднѣе озаботиться послѣ.»

3-го Августа. Утромъ, въ 9 часу, экспедиція, въ полномъ составѣ, размѣстившись на шхунѣ «Персіянинъ,» баржѣ № 2, взятой первою на буксиръ и пароходѣ «Волга,» на которой помѣстились вмѣстѣ съ К. Л. Лихаревымъ, начальникъ экспедиціи и гг. Берновъ, Галкинъ и Старковъ — выступила съ Ашуръ-Адинскаго рейда по направленію къ Серебряному бугру.

К. Л. Лихаревъ, наканунѣ далъ знать туда, равно какъ и въ Гассанъ-Кули, что экспедиція идетъ съ мирнымъ намѣреніемъ и что мѣстные Туркмены не должны обезпокоиваться приближеніемъ нашихъ судовъ и предстоящими высадками на берегъ.

Въ 2 часа по полудни мы пристали къ берегу. «Волга,» подошедшая ближе другихъ судовъ остановилась, однако, за мелководьемъ въ $3^{1}/_{2}$ верстахъ отъ берега. Немедленно былъ сдѣланъ дессантъ на 3-хъ плоскодонныхъ лодкахъ станціи и на нашей 12 весельной; за $^{1}/_{2}$ версты отъ берега пошли въ бродъ. Всѣ чины экспедиціи и К.-Л. Лихаревъ участвовали въ дессантѣ. Штуцерная команда и орудіе съ морской командой съ Ашура были въ полномъ комплектѣ. На лодкахъ были оставлены морскіе офицеры: лейтенантъ Ладыженскій и мичманы: Брылкинъ и Тумило-Денисовичъ 1-й и прапорщикъ Баршацкій.

Туркменскій аулъ, изъ 20 кибитокъ, кочующій у берега, почти весь разбѣжался; осталось нѣсколько человѣкъ приведшихъ намъ лошадей и куласы для подвозки офицеровъ къ берегу.

По выходѣ на берегъ посланы двѣ съемочныя партіи для снятія его съ окрестностями. Туркмены сказывали, что наканунѣ было тутъ человѣкъ 20 разбойниковъ, спрятавшихся въ камышахъ Гюргени. Съемка сдѣлана однако безъ выстрѣла, хотя дѣйствительно въ камышахъ виднѣлись Туркмены. Къ вечеру дессантъ возвратился на суда.

4-го августа. Въ 10 часовъ утра дессантъ снова отправился на берегъ, гдѣ разъѣзжало человѣкъ 20 конныхъ Туркменъ. По приближеніи цѣпи къ берегу они скрылись. Высадившись нѣсколько южнѣе Серебряннаго бугра, люди отправились къ устью Гюргени, окруженному густыми камышами; рѣка оказалась въ этомъ мѣстѣ непроходимою въ бродъ. Потомъ съемочной отрядъ, продолжая работу, направился вверхъ по рѣкѣ и прошелъ по ней до густыхъ камышей. Снявъ, такимъ образомъ, до 60 кв. верстъ возвратились къ вечеру на суда.

Мѣсто при устьѣ Гюргени оказалось весьма неудобнымъ для заселенія. Мѣстность при рѣкѣ совершенно болотная и низкая. Отъ нея порождаются лихорадки и сами Туркмены лѣтомъ здѣсь не кочуютъ, а собираются только на зиму. Тутъ заготовляютъ они дрова, лѣсъ для судовъ, разводятъ бахчи дынь и арбузовъ. Засѣваютъ также хлѣбъ. Почва производитъ еще хлопчатникъ. Вода въ рѣкѣ хорошая, только лѣтомъ солонѣетъ, верстъ на 8 отъ устья. На самомъ же берегу, находящемся въ $2^{1}/_{2}$ верстахъ отъ устья рѣки, нѣтъ совсѣмъ воды и пробные колодцы оказались солеными.

Командиръ шхуны «Персіянинъ» подалъ рапортъ о новой порчѣ въ машинѣ, которую невозможно починить на Ашуръ-Аде. Капит.-лейт. Лихаревъ предложилъ, въ замѣнъ, винтовую шхуну Хивенецъ, присланную въ его распоряженіе.

На перегрузку угля съ Персіянина на Хивинца требуется 4 сутокъ. По этому начальникъ экспедиціи рѣшился возвратиться на Ашуръ.

Въ 10 часовъ вечера «Волга бросила якорь на рейдѣ острова. Шхуна Персіянинъ и баржа отстали, за несовсѣмъ благопріятнымъ вѣтромъ.

5-го августа. Время необходимое для перегрузки угля начальникъ экспедиціи рѣшилъ провести въ Астрабадѣ, въ виду предстоявшихъ ему объясненій съ нашимъ консуломъ.

Потому немедленно былъ посланъ на Гязскій берегъ, гдѣ устроена факторія закаспійскаго торговаго товарищества, Мирза-Риза-Персъ, переводчикъ начальника станціи, для найма верховыхъ лошадей. Вечеромъ парусная шхуна Тарантулъ повезла къ берегу начальника экспедиціи и гг. Галкина и Старкова, а также гг. Алексѣева, Рыбина и Шлиттера, перевезенныхъ на островъ съ «Персіянина,» не пришедшаго еще на рейдъ, на парусной шхунѣ «Змѣя.» Черезъ ¾ часа ходу, при боковомъ вѣтрѣ, «Тарантулъ» присталъ къ пароходу «Кама,» оберегающему Гязскій берегъ отъ Туркменскихъ хищническихъ лодокъ.

6-го августа. Въ полдень переѣхали на берегъ и отправились верхомъ по дорогѣ въ Астрабадъ. Прикрытіемъ служили двое нашихъ казаковъ, оставшихся отъ казачьяго отряда и одинъ кавказскій линейный, взятый изъ факторія, гдѣ онъ служитъ по найму. Сильный дождь постоянно сопутствовалъ намъ и развелъ такую грязь по дорогѣ, что въ этотъ день мы не могли сдѣлать всѣхъ 8-ми форсанговъ до Астрабада (55 верстъ), а должны были остановиться за 2 форсанга въ деревнѣ Сармали.

7-го августа. Въ девять часовъ утра мы въѣхали въ городъ. Дорога къ нему, или лучше сказать узкая тропинка, начиная отъ самаго берега, тянулась среди рощъ орѣховыхъ и множества померанцовыхъ, лимонныхъ, апельсинныхъ и

тутовыхъ деревъ и изрѣдка среди пашень рису и посѣвовъ хлопчатника.

При въѣздѣ въ городъ мы были встрѣчены консуломъ нашимъ, коллежскимъ совѣтникомъ В. В. Гусевымъ.

8-го августа. Астрабадскій визирь или вице-губернаторъ (губернаторъ, недавно назначенный, еще не пріѣхалъ) и персидскій дипломатическій чиновникъ, наблюдающій здѣсь собственно за отношеніями нашими къ Туркменамъ, предупредили о желаніи сдѣлать визитъ начальнику экспедиціи. При свиданіи было говорено о несообразности распущеннаго слуха о намѣреніи нашемъ покорить Туркменскія степи силою оружія.

Туркмены находятся съ Персіянами въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ, постоянно грабятъ окрестности Астрабада, и на дорогѣ, по которой мы ѣхали, часто берутъ въ плѣнъ оплошныхъ и безпечныхъ Персіянъ. Не будучи въ состояніи оградить себя силою отъ Туркменскихъ грабежей, Персидское правительство находитъ единственную защиту въ нашей морской станціи, и ей особенно благодарны мѣстные жители.

10-го августа. Сегодня начальникъ экспедиціи отдалъ визитъ означеннымъ астрабадскимъ властямъ. Также были у нихъ консулъ Гусевъ, пріѣхавшій изъ Тегерана исправлять его должности, въ продолженіе разрѣшеннаго г. Гусеву отпуска въ Россію, студентъ нашей миссіи, губернскій секретарь Ивановскій и всѣ члены экспедиціи, пріѣхавшіе съ Ашура.

По возвращеніи, консулъ ознакомилъ г. Галкина съ дѣлами консульства, касающимися до отношеній Персіи къ Туркменамъ и сообщилъ подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Туркменъ покойнаго Астрабадскаго губернатора Джафаръ-Кули-Хана-Эль-Хани.

11-го и 12-го августа, осматривали окрестности Астрабада и Шахскій дворецъ съ обширными садами находящійся въ самомъ городѣ. Вечеромъ былъ у консула прекрасный персидскій фейерверкъ. Онъ доставилъ также случай быть на персидскомъ праздникѣ у старшаго переводчика своего мирзы Абаса.

13-го августа. Утромъ мы оставили Астрабадъ и въ 6-мъ

часу вечера были на берегу, съ котораго шхуна Тарантулъ доставила насъ обратно на Ашуръ.

Въ этотъ же вечеръ капитанъ 2 ранга Ивашинцовъ, пришедшій сюда изъ Александровскаго форта, передалъ почтовый пакетъ, въ которомъ заключалось предписаніе г. Оренбургскаго генералъ-губернатора, въ отвѣтъ на рапортъ отъ 14-го мая.

Всѣ изложенныя въ ономъ распоряженія одобрялись вполнѣ.

Капитанъ-лейт. Лихаревъ объявилъ, что сегодня окончена перегрузка угля и что все изготовлено къ дальнѣйшему нашему слѣдованію. Самъ онъ выразилъ желаніе вновь сопутствовать намъ.

Между тѣмъ къ слѣдованію для примѣрныхъ работъ и береговой съемки въ Болханскомъ заливѣ представляется затрудненіе отъ невозможности взять съ собой пароходъ «Волга,» такъ какъ въ немъ открылась значительная течь. Пароходъ Волга можетъ намъ сопутствовать только до Бѣлаго бугра.

14-го августа. Кадыръ-Ханъ предъявилъ письмо Кучакъ-Хана, съ извѣщеніемъ, что Туркмены просятъ позволенія выдать за верблюдовъ и лошадей деньги, въ томъ вниманіи, что они ограблены хищниками, находятся въ дурномъ тѣлѣ, и что плѣнные наши привезены въ Гассанъ-Кули.

Оказывается, что люди, нами задержанные, въ особенности съ зеленаго берега, очень значительны и съ хорошимъ состояніемъ.

Вечеромъ, въ предупрежденіе недоразумѣній, начальникъ астрабадской станціи послалъ въ Гассанъ-Кули объяснить Туркменамъ что экспедиція не имѣетъ враждебныхъ намѣреній, а будетъ производить лишь съемку мѣстности. Въ тоже время начальникъ экспедиціи послалъ, черезъ Кадыръ-Хана, требованіе, чтобы плѣнные были возвращены, немедленно по приходѣ экспедиціи. Относительно же уплаты денегъ на лошадей и верблюдовъ, приказалъ объявить мѣстнымъ старшинамъ, чтобъ они готовили деньги круглымъ счетомъ по 10 червонцевъ за каждаго верблюда и лошадь.

15-го августа. Утромъ экспедиція, въ полномъ составѣ, размѣстившись на шхунѣ Хивинецъ съ пароходомъ Волга, баржею № 2 и шхуною «Змѣя» и 4 десс. лодками, направилась къ заливу Гассанъ-Кули, и къ вечеру суда встали на якорь, противъ залива, въ 9 верстахъ.

16-го августа. На разсвѣтѣ пароходъ Волга взялъ на буксиръ дессантныя лодки и подвелъ ихъ на глубину 5 футъ.

Отсюда лодки отдѣлились и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, подняли паруса. На лодкахъ размѣстились штуцерные и мастерская команда съ оружіемъ и чины корпуса топографовъ; на шестеркѣ, ѣхавшей впереди лодокъ, отправились начальникъ экспедиціи К. Л. Лихаревъ и гг. Берновъ, Галкинъ и Старковъ. Быстро вошли лодки въ заливъ и направились къ сѣверной его части. При нашемъ приближеніи, множество туркменскихъ лодокъ бѣжали въ глубину залива, имѣющаго до 25 верстъ въ окружности. Съёмка началась, не доходя нѣсколько до аула съ косы, гдѣ мы высадились, и когда Туркмены прислали нѣсколько лошадей и куласовъ. О плѣнныхъ нашихъ выѣхавшіе на встрѣчу Туркмены говорили, что они увезены снова въ аулъ, лежащій за 20 верстъ отъ берега, но что за ними послали и они должны быть скоро. Предупредивъ, что если не вышлютъ ихъ немедленно, то будутъ приняты къ понужденію мѣры, мы, между тѣмъ, постепенно подвигались къ аулу, причемъ производилась и съемка мѣстности. На разстояніи пушечнаго выстрѣла мы пріостановились, пославъ сказать, что ожидаемъ плѣнныхъ. Тутъ были найдены свѣжія завалины въ нѣсколько рядовъ. Туркмены столпились, отдѣлились отъ остатковъ развезеннаго ими аула и въ слѣдъ за тѣмъ вскорѣ выслали плѣнныхъ, при чемъ сами и не приближались и не выражали требованія объ обмѣнѣ на захваченныхъ нами Туркменъ. Гассанъ-Кулинцы никакъ не ожидали прихода нашего съ залива, а думали что дессантъ будетъ сдѣланъ съ моря, подобно тому какъ высаживался въ прошломъ году кап. Лихаревъ.

Взявъ плѣнныхъ, мы отправились обратно къ лодкамъ. Туркмены провожали издали густою толпою.

За свѣтло перешли благополучно на суда.

17-го августа. Сегодня во вчерашнемъ же порядкѣ былъ сдѣланъ дессантъ къ южной сторонѣ залива, но берегъ оказался черезъ мѣру топкимъ. Отсюда лодки направились было къ восточной сторонѣ, но нельзя было подойти по мелководью и густотѣ прибрежнаго камыша.

Въ теченіе утра, употребленнаго на объясненныя попытки къ

съёмкѣ устьевъ Атрека и смежныхъ мѣстъ, прапорщикъ Марышевъ съ своей стороны производилъ на шестеркѣ промѣры залива; оказалось, что онъ имѣетъ не болѣе $3\frac{1}{2}$ фут. глубины прѣсной воды по берегу нѣтъ, и аульные жители привозятъ ее изъ Гюргени, на лодкахъ.

По возвращеніи на суда былъ найденъ у шхуны Хивинецъ пароходъ Тарки съ контръ-адмираломъ Машинымъ, который пріостановился проѣздомъ на Астрабадскую станцію.

При свиданіи съ нимъ, начальникъ экспедиціи объяснялся на счетъ плаванія шхуны Персіянинъ, и адмиралъ изъявилъ сожалѣніе о случившемся.

Въ ночь адмиралъ Машинъ снялся съ якоря и взялъ съ собой К. Л. Лихарева. Для содѣйствія же экспедиціи оставилъ данную со станціи команду при единорогѣ и пароходъ «Волга» и шхуну «Змѣя». Послѣдняя, впрочемъ, имѣетъ прямымъ назначеніемъ обратно конвоировать ненадежный пароходъ «Волга,» въ которомъ показалось новое поврежденіе въ подводной части.

13-го августа. На разсвѣтѣ суда направились къ Бѣлому Бугру. Въ полдень была произведена высадка на берегъ, подъ прикрытіемъ штуцерной и матросской командъ, съ оружіемъ.

Въ съемочной партіи участвовали начальникъ экспедиціи, подпоручики корпуса топографовъ Алексѣевъ и Рыбинъ и гг. Старковъ, Шлиттеръ и докторъ Гинальскій.

Лошадей и верблюдовъ при выходѣ на берегъ не оказалось, хотя и былъ посланъ за ними въ Чигишлярскій аулъ, лежащій южнѣе бугра, верстъ на 15 — 20, Салихъ-ханъ, которому поручалось предостеречь жителей отъ всякихъ опасеній съ ихъ стороны, и о томъ, что если противодѣйствовать, то подвергнутся строгому наказанію.

Такимъ образомъ, за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ, чины экспедціи должны были отправиться къ бугру пѣшкомъ. Онъ лежитъ въ $7\frac{1}{4}$ верстахъ отъ берега, представляя обширный песчаный холмъ, посреди котораго, въ углубленіи, находится нѣсколько сопокъ волканическаго свойства, выбрасывающихъ сѣрно-соленую грязь. Около бугра есть колодцы съ горько-соленой водой.

По осмотрѣ и съемкѣ мѣстности, экспедиція направилась обрат-

но къ лодкамъ. На дорогѣ встрѣтился Салихъ-ханъ, пріѣхавшій верхомъ изъ Чигишлярскаго аула, съ извѣстіемъ, что старшины готовы уплатить немедленно деньги за угнанный табунъ, если будутъ возвращены плѣненные нами Туркмены. Онъ прибавилъ еще, что четверо старшинъ пріѣхали сюда въ слѣдъ за нимъ и находятся около лодокъ. Дѣйствительно вскорѣ за 2 версты отъ берега показались впереди нашей цѣпи, изъ за бархановъ, Туркмены, но въ большомъ числѣ. При нѣкоторомъ же приближеніи къ нимъ, они неожиданно открыли огонь.

На выстрѣлы Туркменъ отвѣчала съ нашей стороны штуцерная цѣпь, прикрывавшая орудіе. Туркмены подняли свои обычные, военные крики и усилили стрѣльбу, при чемъ, посторонившись нѣсколько съ дороги отряда, собрались на высокомъ песчаномъ бугрѣ противъ лѣваго фланга цѣпи. Число же Туркменъ стало видимо увеличиваться, и противъ праваго фланга показалось нѣсколько всадниковъ.

Для разогнанія такой толпы, по мѣрѣ наступленія, приходилось останавливаться и стрѣлять картечью или пускать боевую ракету. Подъ конецъ Туркмены стали отступать, сдаваясь влѣво и очищая дорогу.

Между тѣмъ, послѣ первыхъ выстрѣловъ, были замѣчены, съ парохода «Волга», на берегу толпы Туркменъ, конныхъ и пѣшихъ, въ предположеніи, что они не видны съ лодокъ за кустами и барханами, поѣхалъ съ парохода на двойкѣ кол. ассес. Галкинъ и механикъ-прапорщикъ Кельбергъ, для передачи о томъ на лодки, съ тѣмъ чтобъ они обстрѣливали берегъ изъ имѣвшихся на нихъ фальконетовъ и единороговъ. Вскорѣ Туркмены, преслѣдуемые съ одной стороны отрядомъ, а съ другой выстрѣлами съ лодокъ, были вынуждены оставить свой умыселъ отрѣзать отрядъ отъ берега и бѣжали по направленію къ Чикишлярскому аулу.

Преслѣдованію Туркменъ препятствовали наступившіе сумерки и засвѣжѣвшій вѣтеръ, разведшій у берега сильный бурунъ.

Къ 9-ти часамъ вечера всѣ упомянутые чины экспедиціи благополучно возвратились на суда.

Неслыханная доселѣ дерзость Туркменъ, бѣжавшихъ обыкновенно отъ перваго удачнаго выстрѣла, когад они рѣшались вступать

съ нашими отрядами въ открытый бой, — объясняется тѣмъ, что они думали отрѣзать отъ лодокъ только небольшую съемочную партію, предполагая. что орудіе и матросы возвратились на Ашуръ. вмѣстѣ съ начальникомъ станціи; объ отъѣздѣ же послѣдняго они узнали еще рано утромъ. Въ видахъ наказанія Туркменъ. по возвращеніи на шхуну Хивинецъ. начальникъ экспедиціи сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Дабы подойти къ Чикишлярскому аулу, въ которомъ находилось до 500 кибитокъ, по возможности незамѣтно, — паровымъ судамъ развести пары и сняться съ якоря къ 2 часамъ утра и идти къ аулу соединенно; дессантную команду имѣть въ готовности на лодкахъ, везомыхъ на буксирѣ. Шхунѣ Змѣя пройти южнѣе аула для перехватыванія лодокъ, если покусятся бѣжать въ Гассанъ-Кули. Командирами дессантныхъ лодокъ назначены флотскіе и штурманскіе офицеры, мичманы Тумило-Денисовичи 1-й и 2-й и прапорщики: Баршацкій и механикъ Кельбереръ. Начальство дессантною командою. изъ 50 штуцерныхъ и 50 матросовъ. при горномъ единорогѣ. поручено генеральнаго штаба подполковнику Бернову. при которомъ пожелалъ находиться г. Галкинъ. Орудіемъ назначенъ командовать лейт. Ладыженскій, цѣпью подпоручикъ Абрамовъ, резервомъ поручикъ Шлиттеръ.

По приближеніи къ аулу на наименьшую глубину, шхунѣ «Хивинецъ» приказано отдать свои лодки на буксиръ парахода «Волга», которому идти къ сѣверной оконечности аула; по приближеніи къ нему, на 5 фут. глубины. параходу «Волга» обстрѣливать аулъ, а дессанту идти къ берегу и высадиться лѣвѣе аула. Затѣмъ лодкамъ и параходу «Волга» стрѣлять по аулу, покуда дессантъ не займетъ его съ сѣверной стороны. Тоже самое исполнять и шхунѣ «Змѣя.» По занятіи аула, дессанту приказано сжечь его, а судамъ истребивъ туркменскія лодки. виднѣвшіяся на канунѣ при аулѣ въ большемъ числѣ: для этого розданы людямъ фальшфейеры и смоляные кранцы.

Приказанія эти исполнены всѣми частями съ точностію, лодокъ туркменскихъ ушло въ Гассанъ-кули немного; въ аулѣ находилось до 1000 человѣкъ, въ томъ числѣ, по слухамъ, были жители изъ

Гассанъ-кулинскаго аула и даже изъ Балхановъ. Семейства свои и имущество вывезли Туркмены въ степь на верблюдахъ.

Первые выстрѣлы съ парахода «Волга» по Туркменамъ, стоявшимъ густою толпою, заставили ихъ разсыпаться по кибиткамъ и высокимъ насыпямъ, окружающимъ бахчи и служившимъ завалами.

Подполковникъ Берновъ, дойдя до мели и обстрѣлявъ эти завалы, выслалъ цѣпь подъ начальствомъ подпоручиковъ Рыбина и Абрамова, и немедленно началъ наступленіе, по колѣно въ водѣ. Туркмены встрѣтили дессантъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ закрытія. Дойдя до берега цѣпь штуцерныхъ подъ начальствомъ подпоручиковъ Рыбина и Абрамова обошла завалы съ праваго фланга и атаковала ихъ; а резервъ, при одномъ горномъ единорогѣ и боевыхъ ракетахъ, продолжалъ одновременно съ лодками и со шхуною «Змѣя», обстрѣливать аулъ.

Дѣйствіе орудія и боевыхъ ракетъ заставило Туркменъ перебѣгать отъ одного прикрытія къ другому, унося своихъ убитыхъ и раненыхъ. Когда лѣвый флангъ цѣпи ворвался въ бахчи, гдѣ между канавами залегли Туркмены, которыхъ нужно было выбивать штыками, — отрядъ сдѣлалъ общее наступленіе.

Въ тоже время дессантныя лодки, двигаясь на одной высотѣ съ отрядомъ, зажгли туркменскія суда, которыя всѣ, числомъ до 50, были уничтожены.

Въ слѣдъ бѣжавшимъ Туркменамъ послано нѣсколько выстрѣловъ гранатами и боевыми ракетами. За тѣмъ аулъ сожженъ. Потери съ нашей стороны не было, и, не смотря на частые выстрѣлы Туркменъ, направленные преимущественно на горный единорогъ и резервъ, какъ представляющіе бо̀льшую цѣль, раненыхъ только двое. Подпоручикъ Абрамовъ въ икру лѣвой ноги на вылетъ и кондукторъ корпуса морской артиллеріи Александровъ въ голову.

Потеря Туркменъ, кромѣ убытка отъ истребленія аула и сожженія лодокъ съ запасами соли, нефти, сарачинскаго пшена и ячменя, — состояла изъ 25-ти тѣлъ, насчитанныхъ на мѣстѣ дѣла.

По возвращеніи на суда — приказано было пароходу «Волга» готовиться къ выступленію на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, а шхунѣ «Змѣя» конвоировать его. Матросская команда, съ оружіемъ, возвращается при этомъ на Ашуръ.

20-го августа. Передъ разсвѣтомъ былъ посланъ со шхуны «Хивинецъ» къ берегу мичманъ Давыдовъ, на шестеркѣ, съ боевыми ракетами и фальшфейерами, для разогнанія начавшихъ собираться и тушившихъ огонь въ аулѣ Туркменъ и для уничтоженія нѣкоторыхъ потухшихъ лодокъ. Порученіе это было исполнено и кромѣ того Давыдовъ зажегъ пять лодокъ, прибывшихъ за ночь съ Челекеня съ солью и нефтью.

При отправленіи утромъ парахода «Волга,» были сданы командиру онаго лейтенанту Гиллесему нѣсколько пакетовъ: къ начальнику астрабадской станціи, посланнику нашему въ Тегеранѣ и, для отсылки съ почтовымъ параходомъ, къ главному командиру каспійской флотиліи и оренбургскому генералъ-губернатору, въ которыхъ излагались объясненныя обстоятельства.

Капитану Лихареву сообщалось еще объ отправленіи на станцію парахода «Волга» и шхуны «Змѣя» съ двумя дессантными лодками и объ оставленіи третьей при шхунѣ Хивинецъ, и также объ участіи, оказанномъ офицерами и нижними чинами станціи въ дѣлахъ 18-го и 19-го чиселъ.

О награжденіи участвовавшихъ въ дессантахъ командировъ судовъ и лодокъ Высочайшими наградами было писано, въ свою очередь, главному командиру каспійской флотиліи.

При послѣднемъ донесеніи были сообщены двѣ карты, поясняющія изложенныя военныя дѣйствія.

Вслѣдъ за параходомъ Волга, подняли паруса «Хивинецъ» и баржа № 2-й и пошли по направленію къ Челекеню. Паровъ на шхунѣ не разводили.

21-го Августа. Съ утра продолжали слѣдованіе подъ парами съ баржей на буксирѣ и къ вечеру встали на якорь въ южной бухтѣ острова, противъ аула Кадыръ-хана. Немедленно былъ сдѣланъ пушечный выстрѣлъ со шхуны, но никто изъ аула не пріѣхалъ, хотя подобный сигналъ, означающій вызовъ, извѣстенъ вездѣ между Туркменами. Поэтому были посланы къ берегу на шестеркѣ переводчикъ экспедиціи и подпоручикъ Рыбинъ съ письмами Салихъ-хана, въ которыхъ онъ, по приказанію начальника экспедиціи, увѣдомлялъ старшинъ о приходѣ нашемъ съ цѣлью налиться прѣсной водою и закупить барановъ, которыхъ и пору-

чалъ пригнать въ аулъ къ утру завтрашняго дня. При этомъ извѣщались также мѣстные старшины о желаніи начальника экспедиціи видѣться съ ними. Письма были переданы вошедшему изъ аула къ шестеркѣ прикащику Измаилу Герасимову.

22-го августа. Рано утромъ вошли чины экспедиціи на берегъ, подъ прикрытіемъ штуцерной команды и 10-ти матросовъ. Салихъ-ханъ, взятый также на берегъ, провелъ насъ въ кибитку своего отца. Здѣсь мы ожидали съ часъ, пока не привели верблюдовъ, нужныхъ для слѣдованія къ прѣснымъ колодцамъ, лежащимъ въ 5-ти верстахъ отъ аула и въ такомъ же разстояніи отъ пріисковъ нефти. Черезъ часъ были приведены 1 лошадь, 2 лошака и 6 верблюдовъ. Пройдя ка колодцамъ и взявъ немного воды, мы направились отъ нихъ прямо къ нефтяному мѣсторожденію. Подходя къ нему, были, какъ и въ первое посѣщеніе, замѣчены на возвышеніяхъ толпы народа, но въ меньшемъ числѣ. Когда мы вышли на пріиски то, въ виду плѣнныхъ Персіянъ, начальникъ экспедиціи объявилъ собравшимся туркменскимъ старшинамъ, что такъ какъ захватъ Персіянъ и торгъ невольниками преслѣдуется, то онъ требуетъ непремѣнно выдачи всѣхъ находящихся у нихъ плѣнныхъ. Салихъ-ханъ, бывшій при этомъ, видимо растерялся, но когда ему было строго подтверждено объясненное требованіе, то онъ самъ указалъ на тѣхъ, которыхъ прежде, въ Красноводскомъ заливѣ, называлъ своими крестьянами. Всего оказалось при этомъ 12-ть человѣкъ Персіянъ и 2 Негра, захваченныхъ въ Персіи. По словамъ плѣнныхъ на островѣ ихъ осталось теперь не болѣе 40 человѣкъ; остальные же послѣ отгона скота въ Красноводскомъ заливѣ, увезены въ Гассанъ-Кули и Чикишлярскій аулъ.

По указанію плѣнныхъ, пошли мы отъ пріисковъ обратно двумя партіями: начальникъ экспедиціи направился къ аулу, лежащему у означенныхъ прѣсныхъ колодцевъ, а подполковникъ Берновъ, съ другой половиной дессанта, пошелъ къ аулу, находящемуся въ 14 верстахъ отъ пріисковъ, на южной же сторонѣ острова.

Съ угрозой наказанія были вытребованы изъ перваго аула 8-мъ плѣнныхъ и изъ втораго 6-ть, послѣ чего партіи на лодкахъ возвратились къ судамъ, нѣкоторые изъ старшинъ острова, которые

не выдали плѣнныхъ своихъ были перевезены на суда, съ объявленіемъ, что будутъ отпущены не ранѣе выдачи невольниковъ.

Пріѣхавшій къ намъ съ сѣверной стороны прикащикъ Закаспійскаго торговаго товарищества разказывалъ о сдѣланномъ нападеніи на торговое ихъ судно Балханскими жителями, въ числѣ 250-ти человѣкъ, пріѣхавшихъ на 7-ми большихъ кусовыхъ лодкахъ. Благодаря орудію судна и содѣйствію мѣстныхъ старшинъ, съ которыми прикащикъ живетъ въ дружбѣ, онъ успѣлъ счастливо отбиться отъ разбойниковъ. Одинъ только челекенскій старшина былъ при этомъ раненъ въ руку.

23-го августа. Сегодня были привезены съ берега еще 4 Персіянина и 2 женщины и кромѣ того еще 6-ть Персіянокъ, которыя были, однако, отпущены по изъявленному ими на то желанію, такъ какъ онѣ имѣютъ дѣтей прижитыхъ съ Туркменами. Переводчикъ Ильминскій отбиралъ отъ Персіянъ показанія, откуда они родомъ, когда и гдѣ были захвачены и у кого находились въ неволѣ. Согласно этимъ распросамъ, оказывается, что наибольшое число невольниковъ было у Кадыръ-хана и у его дѣтей. Задержанные наканунѣ старшины были отпущены. Они говорили о желаніи выкупить плѣненныхъ нами Туркменъ, цѣною взятыхъ у насъ верблюдовъ и лошадей; начальникъ экспедиціи отвѣчалъ, что готовъ сдѣлать этотъ обмѣнъ, назначивъ двухъ-дневный срокъ, послѣ чего плѣнные будутъ отвезены въ Александровскій фортъ, и приказалъ съ деньгами явиться въ аулъ на сѣверной сторонѣ острова.

Съ лодки, пришедшей сегодня къ Челекеню изъ Гассанъ-Кули получены слухи, что въ Чикширскомъ аулѣ было дѣйствительно до 1000 человѣкъ изъ разныхъ ауловъ и племенъ, къ Бѣлому берегу выходило до 400 Туркменъ.

24-го августа. Утромъ отправлена на Ашуръ баржа № 2-й, съ освобожденными Персами, при отношеніи отъ начальника экспедиціи къ начальнику станціи о передачѣ этихъ лицъ нашему консулу въ Астрабадѣ. Послѣднему же поручалось сдать ихъ мѣстнымъ персидскимъ властямъ. Для охраненія этихъ Персовъ при отправленіи ихъ съ Гязскаго берега въ Астрабадъ, начальникъ экспедиціи просилъ капитана Лихарева не отказать въ необходимомъ конвоѣ.

При этомъ начальникъ экспедиціи отправилъ также донесеніе къ министру нашему въ Персіи, съ приложеніемъ списка освобожденнымъ.

Предъ своимъ уходомъ баржа салютовала, и ей отвѣчала шхуна, снявшаяся, равнымъ образомъ, съ якоря. Шхуна направляется въ Красноводскій заливъ, чтобъ налиться Балкуинской водою; свою же воду передала она на баржу № 2-й. Съ Балкую предполагается зайти на сѣверную сторону Челекеня и затѣмъ за углемъ въ Баку.

25-го августа. На разсвѣтѣ шхуна встала на якорь у прежняго мѣста, противъ Чагадамской долины. Никакихъ кочевьевъ на этотъ разъ не найдено. Поклонившись могилѣ убитыхъ Туркменами людей нашихъ, при нападеніи на табунъ, и налившись водою, мы вышли изъ залива въ 3 часа по полудни, и въ 10-мъ часу вечера были въ сѣверной бухтѣ Челекеня.

26-го августа. Весь день прошелъ въ переговорахъ съ упомянутымъ прикащикомъ Закаспійскаго товарищества Дадышемъ, который былъ на шхунѣ два раза. Онъ сообщилъ сначала, что старшины предлагаютъ деньгами за табунъ только 500 черв., а остальную сумму вещами золотыми и серебряными. Къ вечеру Дадышъ пріѣхалъ опять и привезъ деньги и вещи съ тою же просьбою. Не желая тянуть это дѣло и надѣясь на Дадыша, который обѣщалъ содѣйствіе товарищества, начальникъ экспедиціи согласился взять 500 червонцевъ персидскимъ серебромъ и золотомъ, и вещи (для оцѣнки которыхъ назначилъ коммиссію), но съ тѣмъ, чтобъ вещи эти поступили въ товарищество, какъ залогъ на поставку ей безденежно нефтагиля, на сумму 760 черв. Дадышъ-же выдалъ свидѣтельство, что нефтагиль будетъ имъ полученъ безъ затрудненія, и обѣщалъ, что товарищество уплатитъ по свидѣтельству деньги. Было еще взято отъ него письменное удостовѣреніе, что туркменскіе старшины поставятъ нефтагиль.

27-го августа. Рано утромъ пріѣхалъ на лодкѣ Дадышъ съ двумя еще Персіянами, присланными съ Дарджи. Персіяне эти оказались не рабами, а живущими на волѣ, женатыми на Туркменкахъ, почему и были, согласно желанію ихъ, отпущены, вмѣстѣ съ туркменскими аманатами, у насъ находившимися.

Одинъ изъ нихъ, старикъ, ѣхалъ неохотно; на разспросы онъ отвѣчалъ, что Челекенцы считаютъ обязанностію освободить ихъ какъ однородцевъ, но что денегъ своихъ не потеряютъ, и возьмутъ за нихъ усиленный выкупъ, онъ же бѣденъ и не увѣренъ, выкупятъ ли его одноаульцы.

28-го августа. Ночью и во все утро вѣтеръ былъ попутный, шхуна ставила паруса, и въ 6 часовъ вечера мы вошли въ Бакинскій рейдъ. Начальникъ и члены экспедиціи съѣхали на берегъ, для свиданія съ барономъ Врангелемъ. При этомъ к.—а. Машинъ прислалъ за полк. Дандевиль катеръ. При свиданіи, были объяснены послѣднія дѣйствія. Что касается до барона Врангеля, то онъ согласился внести не медля за означенныя вещи слѣдующія деньги. Подполковникъ Берновъ съѣхалъ также на берегъ, для отъѣзда въ Тифлисъ, куда хочетъ взять съ собою Салихъ-хана.

29-го августа. Баронъ Врангель обмѣнялъ персидское серебро и выдалъ деньги за доставленный ему вещами залогъ. Шхуна грузилась углемъ. Поручикъ Старковъ собиралъ свѣдѣнія о строительныхъ матеріалахъ и цѣнахъ на нихъ въ Баку.

30-го августа. Пришелъ въ Баку почтовый пароходъ «Тарки». На немъ пріѣхалъ астрабадскій консулъ Гусевъ. Командиръ парахода доставилъ письмо капитанъ-лейтенанта Лихарева, въ которомъ благодарилъ онъ начальника экспедиціи за наказаніе Туркмонъ Чикишлярскаго аула, какъ за мѣру, полезную для станціи.

1-го сентября въ 9 часовъ утра вышли изъ Бакинскаго залива.

2-го сентября на широтѣ Дербента, на самой срединѣ моря, въ 5 часовъ утра, поднялся сильный вѣтеръ, и значительная качка продолжалась цѣлый день.

3-го сентября утромъ вошли въ Тюкъ-Караганскую бухту, Вечеромъ была произведена уплата денегъ Туркменамъ и Киргизамъ за угнанныхъ у нихъ верблюдовъ и лошадей, и выданы коменданту слѣдовавшія деньги за казенныхъ лошадей. Штуцерная команда поступила въ составъ гарнизона.

4-го сентября. Находящіеся у форта поселенцы выражали желаніе переселиться обратно, по недостатку мѣста для рыбнаго промысла.

5-го сентября. Взявши лодку изъ форта и казака-лоцмана, мы опять перешли на шхуну и направились къ Гурьеву-городку.

6-го сентября. Къ вечеру, подошедши на глубину 2 саженъ, бросили якорь.

7-го сентября. Была послана на Стрѣлецкую косу шлюпка за лодками.

8-го сентября. Утромъ были приведены три лодки для перевозки насъ въ Гурьевъ. Оставили шхуну въ 2 часа по полудни и прибыли въ Гурьевъ въ полночь.

Командиру шхуны, лейтенанту Брылкину, поручено доставить к.—а. Машину рапортъ начальника экспедиціи, въ которомъ свидѣтельствовалось объ отличной службѣ офицеровъ и общей исправности шхуны.

9-го сентября, утромъ мы выѣхали изъ Гурьева обратно въ Оренбургъ, куда и прибыли 15-го сентября.

М. Галкинъ.

1859 г.

СВѢДѢНІЯ

О МѢСТАХЪ РАСПОЛОЖЕНІЯ КИРГИЗСКИХЪ РОДОВЪ

ОРЕНБУРГСКАГО КРАЯ.

Зимнія и лѣтнія ихъ кочевья.

(По оффиціальнымъ даннымъ.)

Сообщены дѣйствительнымъ членомъ М. Н. Галкинымъ.

Свѣдѣнія о мѣстахъ расположенія Киргизскихъ родовъ Оренбургскаго вѣдомства.

№	Названіе родовъ.	Лѣтнія и зимнія кочевья.
	ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ. ОБЛАСТИ.	
1	Табынскій родъ.	Лѣтомъ кочуетъ по рѣкамъ Чингирлаю, Улянтѣ, Чидартѣ, Колдыгайтѣ, Булдуртѣ, Хобдѣ, Кыилу, Ишъ-Кыргану, Туманчу, Уилу, Яхимбою, Анкатѣ и на урочищахъ Канъ-киль, Томанъ-тамъ. Зимою противъ Илецкаго городка, форпостовъ: Затоннаго, Сухорѣчинскаго, Озерскаго, Ново-Илецкаго, Студеновскаго, Комсехаровскаго, Линевскаго, Бураннаго, Иртецкаго, Каршинскаго, Редутскаго, и при нѣкоторыхъ другихъ еще мѣстахъ Уральской линіи; также по рѣкамъ: Колдыгайтѣ, Чингирлау, Булдурты, Хобдѣ и на вершинахъ р. Илека; наконецъ на урочищахъ Бувозлы, Созлы, Тамды, Кара-Тюбя и при озерѣ Тляулакуль.
2	Кирдеринскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Анкатѣ, Чидартѣ, Барбасъ-Тау и около озеръ Чолкаръ-Куль и Уртеки-Куль. Зимою при Уральской ли-

№	Названія родовъ.	Лѣтнія и зимнія кочевья.
		ніи противъ форпостовъ: Рубежскаго, Лбыценскаго, Кожехаровскаго, Гниловскаго, Кошъ-Уральскаго, Кругло-Озерскаго, Чегановскаго и противъ города Уральска.
3	Таминскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Анкатѣ, Чидартѣ, Барбасъ-Тау, Улянтѣ. Зимою при Уральской линіи противъ форпостовъ: Январцевскаго, Кирсановскаго, Кинделинскаго, Иртецкаго, Бородинскаго, Студенскаго и противъ Рохневскихъ хуторовъ.
4	Алачинскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Кандыгайтѣ, Бундуртѣ, Яхшибаю, Киндекли, Карайгачь, Чинбеты, Киндигаръ и Сигазъ-саю. Зимою при урочищахъ Байчутты, Суналы, Яренамышъ, Янгась-Огачь, на рѣчкѣ Яхшибанъ и озерахъ Исентемиръкуль и Баткакъ-куль и противъ Калмыковской крѣпости.
5	Часть Тимвова отдѣленія Чиклинскаго рода.	Лѣтомъ по рѣкамъ Яхшибаю, Кандыгайтѣ и Булдуртѣ. Зимою на озерѣ Сунали-куль.
6	Байба-Ктинскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Кандыгайтѣ, Булдуртѣ, Улянтѣ, Чидартѣ,

№	Названія родовъ.	Лѣтнія и зимнія кочевья.
		Чимбитѣ, Кызылъ-Агачу и Анкаты. Зимою на озерахъ Сакалы-куль, Тузлы-куль и Сасыкъ-куль, также въ камышахъ, при устьѣ р. Улянты и при Уральской линіи противъ форпостовъ Лбощинскаго и Горячинскаго.
7	Танинскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Булдуркѣ, Уляктѣ и Анкаты. Зимою при Уральской линіи, начиная отъ Каршанскаго форпоста до Тополинской крѣпости; нѣкоторые же изъ нихъ снимаютъ зимовки у другихъ Киргизовъ съ платою, смотря по мѣстности.
8	Кызылкуртовъ родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Яхшбаю, Джинанлы и на озерахъ Кусъ-куль. Зимою, при Уральской линіи, противъ крѣпости Кулагинской и форпоста Гребенщиковскаго.
9	Маскарскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Яхшибаю и Джиканлы и около озера Джи-куль. Зимою въ камышахъ Кара-Кулевскихъ.
10	Исыковъ родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Унлу, Кынлу, Калды-Гайтѣ, Булдуртѣ, на Житекуль-Яхшибаѣ и Ярлѣ. Зимою по рѣкамъ Унлу, Каракулю,

№	Названія родовъ.	Лѣтнія и зимнія кочевья.
		Сагизу и Эмбѣ, по смежнымъ берегамъ и островамъ Каспійскаго моря, по пескамъ Тайсуганъ.
11	Черкесовъ родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Кандыгайтѣ и Булдуртѣ. Зимою, по берегамъ Каспійскаго моря, у Гурьева городка.
12	Исентемировъ родъ.	Лѣтомъ на вершинѣ Унла по рѣчкамъ Яхшибаю, Калдыгайтѣ и Булдуртѣ. Зимою въ камышахъ Карабау и Сарыкуль.
13	Берчевъ родъ.	Лѣтомъ всѣ Киргизы Берчева рода проводятъ лѣто, начиная отъ устья р. Урала и направляя свои кочевки вверхъ по Уралу, доходятъ до Колмыковской крѣпости, а отсюда съ устья рѣки Яхшибая до вершины оной по разнымъ притокамъ, по направленію къ Унлу, Каракулю и Карабау. Частью кочуютъ еще въ окрестностяхъ песковъ Атанакъ Кульмыкъ. Зимою же сосредоточиваются преимущественно при Уральской линіи, противъ крѣпости Баксайской, форпостовъ: Яманхалинскаго, Кандауровскаго, Зеленскаго, Кармановскаго и при крѣпости Тополинской.

№	Названіе родовъ.	Лѣтнія и зимнія кочевья.
		Зимуютъ также на урочищахъ Карабавѣ и Каракулѣ.
14	Тазовъ родъ.	Лѣтомъ кочуетъ по рѣчкамъ Сагызу, Унлу и Яхшибаю. Зимою при Уральской линіи, противъ Гурьева городка, а нѣкоторые на урочищѣ Чанки и по берегу моря.
15	Китинскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Эмбѣ, Сагызу, Унлу и на вершинахъ Хобды. Зимою по берегу моря, нѣкоторые въ пескахъ Тайсуйганъ.
16	Чиклинскаго рода Уджрайское отдѣленіе.	Лѣтомъ на вершинахъ рѣкъ Унла и Сагыза. Зимою по рѣкѣ Унлу, въ пескахъ Барчкинъ-Кулѣ и при устьѣ рѣчки Канхы и по берегу моря.
17	Чумичли-Табынскій родъ.	Лѣтомъ, при рѣкахъ Эмбѣ и Сагызу, по Усть-Урту и въ пескахъ Шамъ. Зимою за Усть-Уртомъ на мѣстѣ, называемомъ Учь-Авданъ, близь хивинскихъ владѣній.
18	Адаевскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Эмбѣ, Сагулу, въ пескахъ Шамъ на Усть-Уртѣ, и въ особенныхъ случаяхъ въ пескахъ Тойсуйганъ. Зимою

№	Названія родовъ.	Лѣтнія и зимнія кочевья.
		при морѣ на Бузачи, Караганѣ, Тюпъ-Актовѣ, Каратавѣ и на Карабу.
	СРЕДНЕЙ ЧАСТИ ОБЛАСТИ.	
1	Чиклинскій родъ.	Лѣтомъ, по урочищамъ Большомъ и Маломъ Барсукахъ, на урочищѣ Кукъ-Араль, около Аральскаго моря, и на вершинахъ Эмбы. Зимою на урочищахъ Кукъ-Араль, Кукъ-Тырканъ и Куланды-Тюпъ. Отдѣленія же этого рода, Чуреневское и Назаровское, кочуютъ лѣтомъ по притокамъ Большой и Малой Хобды по Читъ-Буртѣ, по урочищамъ Бишъ-Тамакѣ и Исенбаю. Зимою по Эмбѣ отъ урочища Кумярганъ-Домошлы-Изберъ.
2	Дюрткаринскій родъ.	Лѣтомъ и зимою по рѣкѣ Иргизу.
3	Чумекѣевскій родъ.	Лѣтомъ, по рѣкамъ Сыръ-Дарьѣ, Кuванъ-Дарьѣ и Иргизу и на урочищахъ Тургаго и Каракуму. Зимою по рѣкамъ Сыръ и Куванъ Дарьямъ.
4	Табынскій родъ.	Лѣтомъ, по рѣкамъ Илеку, Большой, Средней и Малой Хобдѣ, Убалы-Буртѣ, Бердянкѣ и Ку-

№	Названія родовъ.	Лѣтнія и зимнія кочевья.
		раплы. Зимою по рѣкамъ Илеку, Уралу и Хобдѣ.
5	Ташинскій родъ.	Лѣтомъ и зимою кочуютъ смежно съ Табынцами.
6	Джагалбайлинскій родъ.	Лѣтомъ кочуетъ по рѣкамъ Тогузаку, Кызылъ-Чилику, Кара-Таплѣ, Камышлѣ, Таукара-Аятъ, Имдору, Бугутау, Ташлы, Бутаку, Анъ-Яру, Куяну, Ургану, Кутъ-Буяку, Кумаку, Тоболу, Ташлы, Ауру, Кызылу, Капну, Мамутѣ, Уйсумъ-Карѣ, Ибайту, Куагачу, Тираклѣ, Кумъ-Истыку, Караую и Чиртаклѣ. Зимою, при рѣчкахъ Юнгалкѣ, Гумбалкѣ, Карасану, Таширу, Сурамсаклу, Каригѣ, Ярлу, Ори, Коргалѣ, Буртѣ, Кникъачѣ, Арчаялы-Аятъ. Также противъ станицъ Янгельской, Сыртинской, Увальской, Кизильской, Орловской, Таналыцкой, Тереклинской, Калпецкой, Губерлинской, Банной, Хабарной, Ильинской и Николаевской.
	ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ.	
1	Аргынскій родъ.	Лѣтомъ, по верхнимъ частямъ рѣкъ обоихъ Тургаевъ и при томъ вообще по всѣмъ тѣмъ рѣчкамъ, озерамъ и мѣстечкамъ, которыя

№	Названія родовъ.	Лѣтнія и зимнія кочевья.
		лежатъ между рѣками Тургаемъ и Тоболомъ, равно по всѣмъ таковымъ же, впадающимъ въ рѣку Убаганъ съ лѣвой ея стороны. Зимою по рѣкамъ Тургаю и· Убагану на озерахъ Сары-копы, Карсакъ-башѣ, Каракулѣ, Сапсыны, Эбелею, Казакъ-баглю, по займищамъ Суярганъ, Алкау, Каракolѣ, Яхшибель и Каракаясъ; на урочищѣ Казанъ-башѣ; въ пескахъ Тосунѣ и при Аманъ-Карагайскомъ борѣ.
2	Тюмень-Читинскій родъ.	Лѣтомъ, по верхнимъ частямъ рѣкъ обоихъ Тургаевъ и притомъ вообще по всѣмъ тѣмъ рѣчкамъ, озерамъ и мѣстечкамъ, которыя лежатъ между рѣками Тургаемъ, Тоболомъ; также по всѣмъ таковымъ же, прилегающимъ къ рѣчкѣ Убагану съ лѣвой ея стороны. Зимою по рѣкамъ Убагану, Теректѣ и по Тургаямъ; при озерахъ Саксенбай, Копѣ, Ярманъ, Сары-Тубекъ, Каракамышъ, Сары-копы, Коюкъ, Чуекалы, Тотембекѣ, Ускекопѣ, Большомъ Алакулѣ, Сарыкамышѣ, Каракамышѣ, Балганѣ, Тюмобаѣ, на Урузутѣ, и Карагай Сармаюпѣ.

№	Названіе родовъ.	Лѣтнія и зимнія кочевья.
3	Кипчакскій родъ.	Лѣтомъ, по правую сторону рѣки Тобола, смежно съ Аргынцами. Также по озерамъ, лежащимъ между рѣками Тоболомъ, Чортанды, Джилкуваромъ, Аятамъ и Тогузакамъ, равнымъ образомъ между старою и новою линіями, затѣмъ по рѣкамъ Сыръ-Дарьѣ, Джиланчикѣ и по Тургаямъ и около горы Коротку. Зимою по рѣкамъ Тоболу, Чартанды, Джилкувару, Торгузанамъ, Кумсайчану, Карлеану, Сыръ-Дарьѣ и Джиланчику; при крѣпостяхъ Устьуйской, Петропавловской, при станицахъ Варваринской, до укрѣпленія Наслѣдника и въ окрестностяхъ Джулека, до самаго Туркестана.
4	Кирейскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Тоболу, Убагану, Тогузаку, смежно съ Аргынцами и Кипчаками. Зимою, по рѣкамъ Тоболу и Убагану, отъ Устьуйской крѣпости до отряда Прорывнаго и до таковаго же Озернаго и отъ послѣдняго до Алабужскаго, а также по озерамъ, служащимъ по обѣимъ сторонамъ нижней части рѣки Убагана, примѣрно въ 40 верстахъ отъ линіи.
5	Яппаскій родъ.	Лѣтомъ, по рѣкамъ Сыръ-Дарьѣ,

№	Названія родовъ.	Лѣтнія и зимнія кочевья.
		Тургаю, Тоболу, Аяту и Тогузаку и между старою и новою линіями. Зимою, по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, на камышахъ и займищахъ Кувана, между Акъ-мечетью и могилой Куркута и на пескахъ Кара-Кулъ, смежно съ Кипчаками и также между новою и старою линіями.
6	Алтынскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Сыръ-Дарьѣ и Большому Тургаю, Тоболу, Ульсояку, Каракой-Мамыту и по озерамъ Ургачу, Анку, Чанкѣ-Кандактѣ съ окрестностями. Зимою же располагаются совмѣстно съ Япасцами по Сыръ-Дарьѣ, Кувану и на пескахъ Каракумскихъ, но преимущественно нѣсколько западнѣе, почти смежно съ упомянутыми выше Чумекѣевцами, принадлежащими къ Средней части.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*Читай:*
7	33	Чуки	Чуни
15	2	175.000	1.750.000
26	20	Нухаръ	Нухуръ.
26	22	Мухурцы	Нухурцы
27	33	казны	кази
33	28	Бугаза,-которымъ	Бугаза, заключается въ рыболовствѣ, которымъ
34	31	дурная	дурно
45	17	Шяхри-Сябзъ	Шехри-Сябзъ
53	27	лѣвое	лѣвые
67	31	15-ти	въ 15-ти
69	25	четв.	черв.
73	7	Рубниковскій	Рудниковскій
77	15	Усть-Урту	переходу
87	6	Кара-Тепея	Кара-Тюпе
89	8	по Бухарской	по бухарски
97	passim	Тамъ Гауза	Ташъ-Гауза
98	4	Мавръ	Мервъ
114	5	Маннымъ	Манпымъ
133	4	морѣ	море
136	37	годаюъ	годовъ
149	14	по присоединеніи	до присоединенія
150	8	1849	1859
151	29	1848	1858
153	10	астраханской	астрабадской
157	22	оказалось	окончилось
160	15	судами	берега
164	16	Ханъ-Вамбетъ	Ханъ-Мамбетъ
—	23	Красной косѣ	Красноводской

166	28	Балханскихъ	Балханскихъ Туркменъ
184	35	между ними	между Туркменами
197	23	выгрузкѣ	выручкѣ
—	35	Огуречниковомъ отсровѣ	Огурчинскомъ островѣ
210	31	удостовѣшивши	удостовѣряя
212	36	Ашуръ остальная	Ашуръ. Остальная
217	28	упреками	упрекали
—	36	она	онъ
219	22	подлинниковъ	подшивниковъ
220	22	по послѣдней	послѣдней
228	28	если противодѣйствовать	если будутъ противодѣйствовать

APR -1934

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: JUL 2002

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 007 276 640 4